

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I»
(ФГБОУ ВО ПГУПС)

КАРМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ, КОНФЛИКТОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ,
ПРАВА И ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы
VI Национальной с международным участием
научно-практической конференции,
посвященной Анатолию Соломоновичу Кармину,
а также 40-летию создания кафедры «Прикладная психология»

17–18 ноября 2022 года, Санкт-Петербург

Текстовое (символьное) электронное издание

© ФГБОУ ВО ПГУПС, 2023

ISBN 978-5-7641-1875-8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2023

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I»
(ФГБОУ ВО ПГУПС)

**КАРМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ, КОНФЛИКТОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ,
ПРАВА И ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы
VI Национальной с международным участием
научно-практической конференции,
посвященной Анатолию Соломоновичу Кармину,
а также 40-летию создания кафедры «Прикладная психология»

17–18 ноября 2022 года, Санкт-Петербург

© ФГБОУ ВО ПГУПС, 2023
ISBN 978-5-7641-1875-8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

Рецензенты:

профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический
университет», доктор юридических наук, кандидат философских наук

Г. Г. Бернацкий;

профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
доктор филологических наук

М. В. Иванов

Редакционная коллегия:

доцент, заведующий кафедрой «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС
доктор психологических наук

Е. Ф. Яценко;

профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
доктор филологических наук

М. В. Иванов;

доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
доктор психологических наук

М. А. Бендюков;

доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
доктор психологических наук

Е. С. Ермакова;

доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
доктор психологических наук

А. В. Прялухина;

доцент кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО ПГУПС,
кандидат психологических наук

Е. Г. Щелокова

К24 Карминские чтения. Актуальные проблемы психологии, философии, конфликтологии, культурологии, права и образования : материалы VI Национальной с международным участием научно-практической конференции. 17–18 ноября 2022 года, Санкт-Петербург / под редакцией Е. Ф. Яценко, М. В. Иванова. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2023. – 216 с. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows XP и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7641-1875-8

В сборнике опубликованы материалы VI Национальной с международным участием научно-практической конференции «Карминские чтения. Актуальные проблемы психологии, философии, конфликтологии, культурологии, права и образования», проходившей 17–18 ноября 2022 года в Петербургском государственном университете путей сообщения Императора Александра I.

Авторы материалов – ученые, преподаватели, аспиранты и студенты вузов Санкт-Петербурга, Тулы, Челябинска, Тюмени, Архангельска, Германии, Беларуси, Казахстана – рассматривают теоретические и практические аспекты психологии, философии, образования, права и культурологии. Статьи посвящены результатам исследований профессиональной и учебной деятельности, личности, культуры, социальных отношений, проблемам транспортной психологии, предупреждения и разрешения конфликтов, научного познания, психологии здоровья.

Издание адресовано психологам, социологам, юристам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам высших учебных заведений, руководителям и специалистам в сфере управления человеческими ресурсами.

Печатается по решению Ученого совета факультета «Экономика и менеджмент» ФГБОУ ВО ПГУПС.

УДК 1/3
ББК 6/8

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Иванов М. В.</i> У истоков кафедры «Прикладная психология» ПГУПС	5
<i>Яценко Е. Ф., Порошин Д. А.</i> Личностные качества будущих психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки	16
<i>Яценко Е. Ф., Лодыгина А. К.</i> Различия между показателями личностных характеристик будущих психологов на начальном этапе профессиональной подготовки с разным уровнем самоактуализации	22
<i>Аллахвердов В. М.</i> Штрихи к портрету Анатолия Кармина	30
<i>Норкин Г. А.</i> Два стиля философствования: А. Кармин и Т. Горичева	34
<i>Бернацкий Г. Г.</i> Свойства права в свете диалектики правовой реальности	39

МЕТОДОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ТРАНСПОРТЕ

<i>Гут В. В.</i> Транспорт – материализация достижений адаптивного интеллекта	44
<i>Демакова Л. Е.</i> Адаптация водителей-эмигрантов к транспортным законам Германии (постановка проблемы)	49
<i>Карагачева М. В., Коматина А. Р.</i> Трудовая мотивация и адаптационный потенциал сотрудников транспортного предприятия	54
<i>Кононова О. Б.</i> Актуальные проблемы преподавания дисциплины «Транспортная психология» у будущих психологов, обучающихся в транспортном вузе	58
<i>Булыгина Т. Б., Хакманн В. Г.</i> Трансфер института супервизии в помогающих профессиях из Германии в Россию как технологии сопровождения профессиональной деятельности	63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА И ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

<i>Бендюков М. А., Пьянкова Ю. В.</i> Биографические методы успешности профессиональной карьеры работников железнодорожного транспорта	70
<i>Казначеева Н. Б., Скворцова К. А.</i> Особенности жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов	75
<i>Синельникова Е. С., Лысакова Д. М.</i> Смыслжизненные ориентации и завистливость у студентов транспортного вуза	80
<i>Прялухина А. В.</i> Образ собственного тела и личностные характеристики студентов транспортного вуза	85
<i>Казначеева Н. Б., Мазурова И. С.</i> Адаптивность, нервно-психическая устойчивость и уровень работоспособности у специалистов	88

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОНФЛИКТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Доценко Е. Л., Емельянова А. Д.</i> Мобильное устройство как средство регулирования межличностной дистанции	92
<i>Щелокова Е. Г., Чайка Е. А.</i> Установки по отношению к Интернету и совладание с трудными ситуациями у студентов	98
<i>Церфус Д. Н., Зувев Т. Л., Иванова Т. В.</i> Личностные характеристики, смысложизненные ориентации и мотивация работников сферы услуг	105

<i>Иванов М. В.</i>	
Становление исторической психобиографии как научной дисциплины	109
<i>Березовская И. П., Серкова В. А.</i>	
Культурология как наследница традиций	120
<i>Оконешникова О. В.</i>	
Искусственный интеллект: иллюзия или реальность	124
<i>Пазухина С. В., Брежковская К. Ю.</i>	
«Стрекоза и Муравей» как отражение социальной модели взаимоотношений мужчины и женщины: психологический анализ	126
<i>Ермакова Е. С., Павлова А. А.</i>	
Связь самоорганизации деятельности, стрессоустойчивости и тревожности работающих женщин	131
<i>Слотина Т. В., Кузьмина Д. М.</i>	
Переживание гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях современной молодежи ...	137
<i>Слотина Т. В., Орлова А. В.</i>	
Особенности психологической сепарации от родителей и самоотношение у подростков	142
<i>Стреленко А. А.</i>	
Структурно-содержательные характеристики вербального компонента социально-перцептивных образов матерей	147
<i>Казначеева Н. Б., Решетняк С. П.</i>	
Супружеские конфликты в молодых семьях, способствующие разводам, и причины их возникновения	155
<i>Карпова А. А., Кедич С. И.</i>	
Понимание эмоций и совладающее поведение у младших школьников, оставшихся без попечения родителей	157

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Богомазова К. О., Рыльская Е. А.</i>	
Взаимосвязь параметров эмоционального интеллекта и жизнеспособности студентов	163
<i>Казначеева Н. Б., Денисова А. В.</i>	
Жизненная удовлетворенность и самоактуализация у юношей и девушек	167
<i>Шапиро С. В.</i>	
Стимуляция профессионально-личностного становления будущих психологов	169
<i>Ермакова Е. С., Третьякова В. О.</i>	
Связь совладающего поведения, стрессоустойчивости и тревожности старшеклассников и студентов	174
<i>Бутякова А. В., Рыльская Е. А.</i>	
Жизнеспособность и психоэмоциональные состояния младших школьников	178
<i>Кононова О. Б.</i>	
Содружество старших и младших как стиль воспитательных отношений	183
<i>Семенов В. Ю.</i>	
Основные характеристики социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков	186

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Parkhomenko I. A.</i>	
Behavioural Needs of Students with Special Health	190
<i>Синельникова Е. С., Зуева Е. С.</i>	
Смысложизненные ориентации, тревожность и враждебность в юношеском возрасте	193
<i>Казначеева Н. Б., Бажанова Е. В.</i>	
Совладающее поведение и личностные особенности у юношей	198
<i>Яценко Е. Ф., Вольнянская И. А.</i>	
Связи внутриличностной конфликтности, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт студентов и студенток транспортного вуза	203
Сведения об авторах	213

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Иванов М. В.

У истоков кафедры «Прикладная психология» ПГУПС

Сорок лет назад я стал преподавателем кафедры прикладной психологии и социологии, открывшейся тогда, в 1982 году, в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТе) им. академика В. Н. Образцова (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, ПГУПС). Что ж! Со временем меняются названия заведений и имена людей, их осеняющие. Но как река бежит единым потоком, остается одной и той же, даже если вниз по ее течению стоят разные города, так и традиция большого культурного начинания перетекает из прошлого в настоящее, сохраняя своего образа «необщее выражение». У истоков нашего Университета стоят М. М. Сперанский и А. Бетанкур. Я не хочу придать значительности и монументальности новорожденной кафедре психологии, окружив ее ореолом исторического величия первого в России технического высшего учебного заведения. Я пытаюсь выразить переживание человека, чья жизнь сплелась с жизнью тех, кто поддержал основание этой кафедры, и тех, кто стал работать на ней, так, что она, жизнь, становилась их судьбой. Конечно, психологам известно, что человек, оглядываясь на прошлое, как бы выпрямляет свой жизненный путь, находит в нем более жесткую причинную обусловленность, верит: иначе и быть не могло. Былые колебания в выборе память услужливо преобразует в уверенность. И все же по прошествии десятилетий открываются кажущиеся побочными факты индивидуального прошлого, которые располагали к выбору в неясной ситуации. Я, например, родился и жил в пяти минутах ходьбы от железнодорожного института, часто гулял и катался на коньках в Юсуповском саду (по личной склонности люблю старую архитектуру и рад, что работаю в великолепном дворце, созданном Кваренги). Будучи пушкинистом по первому образованию, я, конечно, с особым чувством отношусь к родному брату Царско-сельского лицея. И так уж сложилось, что я единственный из той первой команды кафедры, кто продолжает на ней преподавать. Но и большинство моих коллег из кафедрального прошлого живо и активно трудится на ниве психологии. Более того, можно сказать, что наша кафедра поддержала их духовный рост и открыла им путь в будущее, вернула сторицей науке те блага, которые они получили от своих учителей – в основном на факультетах ЛГУ (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). А те, кто не дожил до сегодняшнего дня... «Не говори с тоской: их нет, / Но с благодарностию: были!»

Мои воспоминания не являются каким-либо формальным отчетом о кафедре, дожившей до юбилея. Субъективизм персональной памяти может привести к смещению акцентов в выводах и оценках, но зато он позволяет передать искреннее переживание свидетеля прошедшего.

Даже за год до своего поступления в ЛИИЖТ я не думал, что окажусь в этом чисто техническом заведении. Я окончил филологический факультет ЛГУ как пушкинист и после трех лет аспирантуры в Институте русской литературы Академии наук с готовой кандидатской диссертацией был чистой воды гуманитарием. Однако не очень соответствовал принятым в то время научным вкусам филологической администрации. Увлекался культурно-философскими идеями М. М. Бахтина, поддерживал структуралистские подходы Ю. М. Лотмана, искал методы обогащения литературоведения идеями социальной психологии, психологии личности, статистическими выкладками. Короче, искал истину в пограничных с литературоведением зонах гуманитарных наук. К счастью, еще в студенческие годы на военных сборах я познакомился с психологами, в том числе с Виктором Аллахвердовым, и свои аспирантские годы уже тесно общался с ним и со студенческим клубом факультета психологии «Леонардо», президентом которого он был. К этому времени я, конечно, знал многих замечательных людей, но они были старше меня, я понимал, что их мнение – результат овладения многолетним опытом самосовершенствования. Аллахвердов же – мой сверстник – являл мне живое доказательство, что известные нам рассказы о молодых Сократе, Суворове, Пушкине не назидательные жития, а правдивые свидетельства. Виктор был мягок и ненавязчив в общении, интересен в беседе, обладал обширными знаниями, удивительной способностью собирать людей для общего интересного дела, был бешено страстен в поисках ответов на самые крайние вопросы духа и бытия. Обсуждая проблемы, он мог довести собеседника до головокружения столкновением фактов в парадоксальном осмыслении. Впоследствии и в книгах, и на лекциях. Аллахвердов начинает с того, что обращается к тем фактам и событиям, понимание которых кажется аудитории само собой разумеющимся. И вдруг чуть ли не в каждом пункте рассуждений оказывается, что все нужно осмыслить строго наоборот или в совершенно неожиданном ракурсе. Завлекательно чрезвычайно! Общепринятые утверждения опрокидываются меткими опровержениями, примеры сыплются как из рога изобилия. Изумленный читатель или слушатель чувствует себя огорошенным, ошеломленным, чуть ли не стертým в порошок. Привычные идеи меркнут, сгущаясь в тьму предрассудков. И только тогда, когда кажется, что восторжествовал адский мрак заблуждений и «в поле не видно ни зги», рассказчик бросает первый луч надежды. Даже как-то не верится, что этот мягкий, деликатный, терпимый в общении человек склонен к духовной «шоковой терапии». Но это так, сам пережил и сам был свидетелем. Я не раз в уме сравнивал Аллахвердова с великим Михаилом Талем. Этот уживчивый, мирный, доброжелательный джентльмен за шахматной доской превращался в яростный вулкан нескончаемых головоломных комбинаций, блеск которых не тускнеет от того, что многие из них получили опровержение впоследствии. Трудно с таким мыслителем разойтись с ми-

ром. Не хочется, чтобы этот поток подхватил тебя как щепку. Еще меньше хочется остаться на берегу. Нужно с благодарностью принимать вызов и, укрепив сердце мужеством, твердой походкой вступать в пенящиеся струи дискуссии. Больше полувека я дружен с Виктором и, определяя свой профессиональный путь, делал выбор по личному предпочтению. Он в 1975 году предложил мне перейти в ЛИИЖТ в группу социологов, где уже полгода работал сам.

Появление Аллахвердова в институте не было полной случайностью. В 1965 году по окончании школы он поступил на электротехнический факультет ЛИИЖТа, где в течение двух лет получил общетехническое и математическое образование (заодно посещал лекции по математике на матмехе ЛГУ), но в мире техники Виктору было тесно. Факультет же психологии был открыт в ЛГУ только в 1966 году. Его создатель, академик Б. Г. Ананьев, мыслил вырастить когорту высокоинтеллектуальных и серьезных студентов, которые должны были стать эталонным поколением психологов, задающих стандарт расширенной профессиональной подготовке в области человекознания. Б. Г. Ананьев и его ученики дали действительно мощный импульс развитию факультета. Аллахвердов перевелся в 1967 году на второй курс психфака и специализировался по инженерной психологии. Он входит в когорту первых выпускников-психологов, закончивших обучение в 1971 году. Он сразу же был принят в аспирантуру факультета психологии, по окончании которой блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Но его социальная неумность и активность построения студенческой жизни факультета вне комсомольских рамок хорошо закончиться не могла. Диссидентом Аллахвердов не был и против комсомола не выступал. Просто когда перед ним ставили альтернативу «или-или», то он всегда находил какой-то перпендикулярный выход. Не то и не другое, а нечто, относительно чего нельзя сказать, хорошо это или плохо. Вне предписанных интерпретаций. Собрались, скажем, ребята-психологи в «Леонардо» и стали обсуждать вопрос: какова базовая психологическая теория? И студенты профессорам заявляют: «А мы не знаем такой психологической теории, которая была бы влиятельной и серьезной». Профессора как-то даже растерялись. Это диссидентство, бунт или просто теоретическая, профессиональная потребность организовать свое мышление? «Леонардо» объединял людей, которые предлагали свои личные начинания и интересы. Стихи Мандельштама публично читались тогда, когда нельзя было сказать, Мандельштам осужден или нет. Культ личности осужден. Но Мандельштам не переиздан. И студенты читают Мандельштама по легальным изданиям 1920-х годов. Сейчас спорят о писателе Гайдаре: хороший он или плохой? «Тимур и его команда» – рассказ об объединении юношей, которые могут творить добро. Говорят, что это произведение имело большое воспитательное значение, но если бы детки так объединились, то посадили бы и деток, и их родителей, то есть это была виртуальная реальность. А если создается такая организация в жизни, то она распадется – и даже не потому, что сейчас она реально опасна, а потому, что власть не может держать ее под полным контролем. Так случилось и с «Леонардо»: его распустили распоряжением администрации. Декану Бодалеву было строго сказано, чтобы аспиранта Аллахвердова на факуль-

тете не было. Никто не собирался его нарочито затаптывать. Но было суровое желание отправить его куда-нибудь подальше, чтобы по распределению он оказался преподавателем где-нибудь в Туркменистане. Он сумел добиться распределения в Железнодорожный институт. Представьте себе, декан говорит: сейчас три часа дня, если завтра к полудню не будет документа с каким-либо распределением, то отправим «в глушь, в Саратов». И за это время оно находится. Ректор Железнодорожного института подписывает бумагу, и аспиранта Аллахвердова направляют в ЛИИЖТ.

Все эти биографические перипетии можно было бы опустить, если бы за ними не просматривался замысел активных людей, желающих искать новое и делать важное дело. Произошло соединение серьезных интересов инженеров (руководства ЛИИЖТа) и молодых психологов, которые искали место применения своих сил. Середина 1970-х годов – эпоха вялого государственного управления. Но существовали же и инициативные люди. Руководство ЛИИЖТа всячески укрепляло важнейшую традицию, заложенную Бетанкуром при основании института: смотреть вперед, готовить кадры впрок. Ибо было ясно: если сейчас «человеческий фактор» учитывается не столь активно, то в будущем он станет фундаментом всех масштабных технических начинаний. От психологов ждали прорыва в будущее. В разрешенной узкой сфере нужно было разрабатывать новые, пусть даже экзотические методы работы с человеком, чтобы при первых же возможностях реализовывать уникальный опыт в «серийном варианте».

ЛИИЖТ был старейшим техническим вузом России, собратом Царско-сельского лицея и, что еще важнее, отцом всех технических школ страны. В нем сохранились благородные традиции Корпуса инженеров путей сообщения. Во главе института стоял замечательный ректор Евгений Яковлевич Красковский, который умел смотреть вперед и понимал, что интерес к «человеческому фактору» со временем будет только расти. И Красковский умел ценить инициативных людей. А инициативности Аллахвердову было не занимать. Он стал заместителем руководителя «Бюро социальных исследований» при кафедре философии. Вот тогда Аллахвердов и предложил мне присоединиться к нему.

С начала 1970-х годов при кафедре философии существовало бюро прикладных социальных исследований, которое состояло в основном из отставных военных (служивших в политсоставе) и специалистов по «научному коммунизму». Заведовал кафедрой профессор Виктор Васильевич Ильин – один из известнейших философов страны, серьезный и оригинальный ученый. Он, конечно, понимал, что от бюро в таком составе нового слова не скажет, поэтому в 1975 году Ильин добился, чтобы бюро возглавил доцент его кафедры Леонид Павлович Шарыпин – глубокий специалист по проблемам детерминизма, человек исключительной честности, смелости и обаяния. Шарыпин стал собирать хороших профессионалов и самостоятельно мыслящих людей, находя полную поддержку у ректора ЛИИЖТа Евгения Яковлевича Красковского. Это было время заката брежневского правления, когда в науках о человеке самым многообещающим способом успешно строить научную карьеру было почтительное цитирование «классиков». Ректор, естественно, хотел иметь продуктивное под-

разделение и искал толковых профессионалов. В бюро он пригласил молодых, толковых и нестандартно мыслящих людей, которые смогли провести перспективные инженерно-психологические и социально-психологические исследования на железной дороге, дав дельные предложения по улучшению работы транспортников (например, по совместимости членов железнодорожных локомотивных бригад, от которых напрямую зависит безопасность движения, по информационной подготовке машинистов перед рейсом). Началась инженерно-психологическая работа по улучшению диспетчерских пультов метрополитена. Но это были лишь первые шаги. Аллахвердов важной задачей считал изменение культурно-психологического климата в институте и искал пути движения к цели. В стенах ЛИИЖТа была проведена первая в стране межвузовская научная конференция, посвященная организации психологической службы в вузе, которая, разумеется, уже появилась при Бюро, где также отработывались активные методы обучения, что оказало воздействие на педагогический процесс в институте. Было открыто отделение психологии на факультете общественных профессий ЛИИЖТа.

В начале 1980-х годов в ЛИИЖТе собралась уникальная команда специалистов. Леонид Павлович Шарыпин – человек рыцарского поведения, очень деликатный и чуждый какого-либо догматизма стал нашим старшим товарищем, аккуратно подправляя наши слишком наивные (по молодости) стремления и поддерживая все толковое. Аллахвердов сразу же способствовал активности сотрудников бюро в самых разных направлениях. На факультете повышения квалификации работников транспорта для педагогов железнодорожных школ он стал читать лекции по педагогической психологии, предложив мне читать педагогику (у меня ведь был университетский диплом преподавателя). Затем там же начались тренинговые занятия по психологии общения. В нашем университете марксизма-ленинизма я начал вести курс социальной психологии. Мне пришлось стать заместителем декана факультета общественных профессий (ФОПа), где мы по мере сил обучали студентов психологии и зарождающейся культурологии, открывая им новые пути. Студент-механик Леонид Осипов затем прошел двухгодичное обучение на факультете психологии и под руководством Аллахвердова написал и защитил кандидатскую диссертацию по психологии, а студент электротехнического факультета и слушатель психологического отделения ФОПа Александр Друзь стал чуть ли не самым знаменитым «знатоком» страны. Заведующий кафедрой философии профессор Виктор Васильевич Ильин предложил мне заменить ушедшую в творческий отпуск преподавательницу и прочесть студентам курс этики (по тем временам под обязательным уточнением «марксистско-ленинской»), но с возможностью насытить его современными достижениями социальной психологии, психологии личности и историей культуры). В перспективе вырисовывалось открытие кафедры психологии как научного и педагогического центра по освоению мирового опыта человекознания и приложения этого опыта в университетской среде. Такова была традиция первого технического вуза страны, привыкшего работать на будущее.

Наша кафедра – уникальное порождение уникального учебного заведения. Она появилась в ЛИИЖТе в 1982 году в исключительных условиях. Это была первая психологическая кафедра в технических вузах страны – и не только по времени создания, но и по кадровому составу. Возглавил кафедру Виктор Михайлович Аллахвердов. По уровню квалификации кафедра тогда не уступала университетским, а в ряде направлений и обладала преимуществами. Она не только принимала к себе выпускников ЛГУ – крупнейшего научного и педагогического центра страны, но обеспечила его преподавателями, первоначально работавшими в ЛИИЖТе, ставшими ведущими профессорами психфака СПбГУ.

Но было бы неточным описывать кадровый состав новорожденной кафедры только в терминах научных званий и титулов. Она объединила людей определенного духовного склада. В ЛИИЖТе собирались ученые, которые хотели строить богатые и перспективные научные системы. Это не были диссиденты, воинствующие оппозиционеры, в их речах и текстах не удавалось найти открытую крамолу. Но в их теоретических высказываниях и в выборе тем власти находили нечто неуместное, «неактуальное», располагающее к возможным идейным перекосам. Виктор Михайлович Аллахвердов строил свою психологическую теорию познания, которая непонятно как сочеталась с «теорией отражения», так хорошо утешающей здравый смысл. Наталья Владимировна Гришина занималась психологией конфликта, в то время как страна двигалась к социальной гармонии под мудрым руководством политбюро. Я разрабатывал проблемы истории культуры, культурологии и исторической психологии. Безвременно скончавшийся Александр Александрович Отюгов проявлял повышенный интерес к религиозным традициям культуры в контексте социальной психологии. В то время, когда надо было укреплять здоровую советскую семью, Геннадий Алексеевич Норкин увлекался социологией и психологией развода. Это потом, после 1991 года иначе посмотрели на названные «экстравагантности», и трое из названных сотрудников получили возможность стать докторами наук.

Первоначально на кафедре читались следующие курсы: «Организация общественно-политической работы» (для всех студентов), «Педагогика» и «Психология» (для преподавателей железнодорожных техникумов – слушателей ФПК, а также аспирантов), «Социальная психология» (для преподавателей ЛИИЖТа, проходящих повышение квалификации). Когда осенью 1991 года в вузах был отменен курс «История КПСС», кафедра первая в стране сразу начала вести занятия по культурологии со всеми студентами института, причем методические разработки ЛИИЖТа легли в основу государственного стандарта по данной дисциплине. Учебник профессора кафедры, доктора философских наук А. С. Кармина «Культурология» в настоящее время признан одним из самых авторитетных и трижды переиздан.

И одной зоной поиска нового стал психотренинг. В 1983 году в стенах нашего вуза прошла конференция по проблемам психологической службы в высшей школе, причем наша кафедра была признана ведущей в данном направлении. Нужно оценить мужество тогдашнего ректора – Евгения Яковлевича Красковского, который в 1985 году рискнул открыть в институте кабинет психо-

логического тренинга. Это был первый в технических вузах всей страны такого назначения. Достаточно сказать, что тренингового кабинета не было даже на психфаке ЛГУ.

Психологические тренинги являются наиболее эффективным методом развития личности. Человек как бы неожиданно открывает сам для себя, точнее, сначала «приоткрывается». Опытный психотренер не дает «двери в себя» хлопнуться, снимает возникающую тревогу и помогает каждому участнику осознать свои возможности улучшения своего же поведения. Тренинг превращается в живое зеркало, позволяющее участнику увидеть, как можно успешно изменять свой внутренний мир и его внешние проявления. Тренинги учат успешному взаимопониманию в контакте с окружающими. Технике продуктивности руководства. Умению определить состояние человека по внешнему поведению – мимике, пантомимике. Искусству вести аргументированный диалог. Тактике внимательного слушания собеседника. Стратегии противостоять манипулированию собой со стороны другого. Навыкам строить свой образ перед публикой в важных социальных ситуациях. Освоить технику тренинга невозможно по книжке. Принцип передачи медицинского опыта здесь сохраняется полностью: только из рук в руки, только от искусного мастера – к ассистенту. И психологи-лиижтовцы учились в поте лица, осваивая заграничный опыт. Например, тренингу разрешения конфликтов обучались у конфликтологов в течение четырех лет – освоению техники медиации – со сдачей экзаменов, с получением международных сертификатов, с написанием оригинальных научных работ.

Кафедра стала центром Университета по развитию педагогической культуры и внесению в практику педагогических инноваций. Шла постоянная работа с аспирантами и преподавателями, проходящими повышение квалификации. Главное направление – это исследовательская работа педагога и внедрение активных методов обучения. Лучше понять студенческую группу позволяет тестирование. Освоить его возможно только при участии в двустороннем процессе, когда сперва проходишь «материал» как ученик, а затем как учитель, познавший сладость и горечь усвоения нового на собственном опыте. Например, аспиранты выполняли тестовые задания, а потом проводили тестирование студентов. И весьма поучительным было открытие ведущих опрос аспирантов, что некоторые студенты превосходят их по результатам тестирования. Речь идет не просто о развитии аспирантской самокритичности, но и об усвоении философии профессии: учитель не обязан во всем стоять выше ученика, а должен помочь своему питомцу максимально раскрыть свои возможности.

Тестирование касается многих аспектов личности учащегося: исследуется абстрактный интеллект, языковая развитость, эрудиция, общительность, творческая активность. Аспиранты и молодые преподаватели с интересом, переходящим в азарт, проводили опросы в студенческих группах, обрабатывали полученные данные, учаь технике педагогической и психологической интерпретации.

Аллахвердов возглавлял кафедру пятнадцать лет и в 1997 году перешел преподавать на факультет психологии СПбГУ. В таком поступке не было ничего удивительного и тем более неуважительного по отношению к нашему Универ-

ситету. Виктор Михайлович стал одним из крупнейших психологов страны, авторитетным теоретиком психологии. В 1994 году он защитил докторскую диссертацию по своей книге «Опыт теоретической психологии», что открыло новую страницу в науке о человеке. Наиболее полно теория Аллахвердова представлена в его книге «Сознание как парадокс» (первое издание осуществлено в 1999 году). Аллахвердов выступил против попытки преодолеть вялотекущий кризис в психологии признанием равноправия разных взглядов на природу психического и даже провозглашением такого многообразия благом. По его убеждению, теоретический анархизм – это научный тупик. Психология как наука должна иметь четкие основания и рационально объяснять логику психических процессов, поэтому Аллахвердов и назвал свою теорию психологией. Теоретические идеи требовали реализации в рамках научной школы, а в ПГУПС не было ни студентов-психологов, ни аспирантов, чтобы исследовать экспериментальные следствия новой парадигмы. Не так часто в современной психологии возникает новая школа. Идеи Аллахвердова оказались столь значительными, что к нему потянулись молодые искатели путей в будущее. В университете Аллахвердов стал заместителем заведующего кафедрой общей психологии, а вскоре – и ее заведующим. В 1998 году он был избран президентом Санкт-Петербургского психологического общества и возглавлял его 16 лет. Молодые сотрудники и преподаватели – ученики Аллахвердова – проводили убедительные эксперименты в рамках психологии, появились кандидатские диссертации, готовились докторские. Впоследствии наши выпускники (бакалавры психологии) поступали в магистратуру СПбГУ и становились учениками Аллахвердова.

Научная работа нашей кафедры только обогатилась. Идеи психологии стали структурировать содержание наших психологических и педагогических курсов (в 2006 году я в соавторстве с Виктором Михайловичем опубликовал главу «Сознание» в методическом пособии «Психология и педагогика» для студентов и аспирантов ПГУПС). Аллахвердов прочел нашим студентам курс по истории психологии, выступал с докладами на Карминских конференциях в стенах дворца Юсуповых. Я получил немалый опыт, сотрудничая с Виктором Михайловичем на кафедре общей психологии СПбГУ, куда он пригласил меня на работу по совместительству (в течение двадцати лет) для проведения занятий по исторической психологии, психологии религии, психологии мотивации, психологии интерпретации текста, психологии творчества.

С уходом Аллахвердова начинался новый этап в жизни нашей кафедры. 1990-е годы были трудным временем, когда людей охватывали и тревога, как прокормиться; и стремление реализовать себя даже в стесненных бытовых условиях; и желание полнее прожить те годы, которые соответствуют возрасту наибольшей научной и профессиональной плодотворности. Ведь большинству преподавателей кафедры было 40–50 лет. Наталия Владимировна Гришина перешла в ЛГУ им. Пушкина, где защитила докторскую диссертацию, затем – в СПбГУ, на кафедру общей психологии. Михаил Владимирович Смирнов организовал фирму и проводил работы по организационной психологии. Елена Никитична Иванова стала преподавать конфликтологию на философском факуль-

тете СПбГУ. Геннадий Алексеевич Норкин возглавил кафедру философии в Днепропетровском университете, а через несколько лет из-за необходимости читать лекции только на украинском языке вынужден был вернуться в Петербург и стал заведовать кафедрой дизайна в институте в Гатчине. Ушедшие не порывали связи с нашей кафедрой, а ее состав смог сохранить обретенные ранее традиции. Встал вопрос о заведовании кафедрой.

Уход Аллахвердова был для меня большой потерей. Больше двадцати лет я работал в группе, которую возглавлял замечательный человек и мой друг. Он был заведующим, я его заместителем. Я старался избавить его от мелочных организационных и бюрократических забот, он же ни разу (повторю: ни разу!) не отдал мне ни одного приказа. Совместная работа шла в разумном режиме и была пронизана неформальным, интеллигентным, теплым тоном обсуждения. И конечно, я был рад, когда Виктор через год после ухода пригласил меня вести занятия на кафедре общей психологии СПбГУ. Нить не прерывалась! Но место заведующего нашей кафедрой не должно было пустовать.

В 1997 году я защитил докторскую диссертацию. И по привычной административной логике мне как многолетнему заместителю заведующего предложили возглавить кафедру, которой к тому же я руководил уже два года в должности «исполняющего обязанности», когда Аллахвердов был в докторском отпуске. У нас был еще один доктор: Анатолий Соломонович Кармин. Я не колеблясь уступил бы ему предложенное мне место, так как сам не очень склонен руководить, особенно в ранге первого в группе лица. Но сам Кармин не стремился к данному посту. Причин было несколько. Кармин был профессиональный философ. А философия – наука, пожалуй, самая далекая от эмпиричности и практической приложимости своих идей. Я сам гуманитарий, но двадцать два года работы психологом в техническом вузе все-таки приучили меня к конструктивной реализации замыслов (тестирование, опросы, тренинги, преподавание именно прикладной психологии). Кроме того, у меня был опыт личных контактов с администрацией, заведующими кафедрами и т. п. Кармин только в 1993 году переехал на нашу кафедру и еще приноравливался к ее духу, интенсивно перенимал опыт. Мне была известна бюрократическая кухня функционирования кафедры, а бумажно-заседательное наступление администрации на заведующих уже тогда заметно возрастало. Думаю, что в этом была главная причина служебной сдержанности Анатолия Соломоновича, большого ученого, мудрого человека, многому научившего нас. Мне было 50 лет, ему 66. В 60 лет я с облегчением передал заведование кафедрой в новые руки, понимая, что руководство ею – это скорее необходимый и жертвенный труд. Я старался сделать жизнь Кармина наиболее терпимой и удобной, но он несколько раз показывал мне свое непонимание того, почему я недостаточно активно защищаю формально зафиксированные права кафедры и ее работников. В этом сказывались его воспоминания бывшего заведующего, когда можно было строптиво пожаловаться в партком и высшие «инстанции». Но я понимал бесполезность и иногда даже опасность таких действий в сложившихся условиях и терпеливо выслушивал упреки Кармина. Уже много позднее Анатолий сожалел, что не совсем правиль-

но оценивал мои мотивы. Разумеется, ни в какой период наше сотрудничество не прерывалось, а интересных дел было много.

Я хотел бы сказать и о том, почему согласился руководить кафедрой. Во мне нет столь сильной организационной общительности и пафоса совместного движения вперед, как у Аллахвердова. По типу поведения Гоголь мне ближе, чем Пушкин, Достоевский ближе, чем Толстой с его школой для крестьян, с издательством «Посредник» и с участием в жизнестроительстве толстовцев. И защищал я докторскую диссертацию по филологии, а она располагает к углубленному индивидуальному раздумью и не нуждается в разветвленных экспериментах и неизбежном групповом взаимодействии. Культурная же миссия гуманитарных наук присуща и филологии, а также тем сопредельным областям знаний, которыми я занимался: психологией творчества, исторической психологией, культурологией. Мы вели занятия с будущими и состоявшимися инженерами. Для прорыва в области психологии у кафедры не было возможностей. К тому же набирал силу подход к образованию как к сфере услуг, что невольно располагало к поиску немедленной финансовой рентабельности для признания успешности своего дела. В этих условиях важно было сохранить хотя бы часть культурной традиции бетанкуровского института, которую явным доходом не измеришь. Мы вели курсы психологии, педагогики и культурологи на всех факультетах, в аспирантуре и в институте повышения квалификации работников транспорта. А в этих дисциплинах ценились критерии душевного здоровья, самореализации личности, бескорыстного по своей природе творческого поиска, сотрудничества и взаимопомощи в передаче знания и опыта. Надо было сохранить то, что приобрела наша кафедра в прошлые годы, и поддержать творческий потенциал преподавателей. Вот почему я согласился стать заведующим кафедрой. И такая цель в большой степени была достигнута. Перечислю только некоторые издания, перейдя от личного тона к перечислительному:

1. Конфликтология / О. В. Аллахвердова, В. И. Викторов, М. В. Иванов, Е. Н. Иванова, А. В. Липницкий / под редакцией А. С. Кармина. – Санкт-Петербург, 1999.

2. Кармин, А. С. Культурология / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург, 2001.

3. Кармин, А. С. Философия / А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий. – Санкт-Петербург, 2001.

4. Иванова, Е. Н. Технологии разрешения семейных конфликтов / Е. Н. Иванова. – Санкт-Петербург, 2004.

5. Штейнбах, Х. Э. Психология жизненного пространства / Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский. – Санкт-Петербург, 2004.

6. Кармин, А. С. Психология рекламы / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург, 2004.

7. Психология и педагогика / В. М. Аллахвердов, М. В. Иванов, Е. Н. Иванова, А. Ю. Прохватилов, Л. Е. Прокофьев, Х. Э. Штейнбах. – Санкт-Петербург, 2006.

8. Иванов, М. В. Историческая психология личности / М. В. Иванов. – Санкт-Петербург, 2007.

9. Психологические основы борьбы с терроризмом на транспорте / М. В. Иванов. – Санкт-Петербург, 2007.

10. Рабочая книга куратора / М. В. Иванов, Е. Н. Иванова, И. П. Киселев, М. А. Мельник, А. Ю. Прохвятилов, Л. Е. Прокофьев, Х. Э. Штейнбах. – Санкт-Петербург, 2007.

Из множества трудов, опубликованных названными авторами, перечислены лишь главные, причем виден тематический размах и масштаб этих изданий. Опубликованная в 1999 году «Конфликтология» была первым профессиональным вузовским учебником по названной дисциплине. «Культурология» Кармина до сих пор является не только одним из авторитетных учебников для университетов, но и наиболее полной энциклопедией идей и фактов по данной дисциплине. Созданный преподавателями нашей кафедры учебник «Психология и педагогика» и сейчас используется как полноценное пособие для аспирантов и студентов, а вышедшая в 2007 году «Рабочая книга куратора» – труд, вообще не имеющий отечественных аналогов. Это своеобразный учебник, в котором в ненавязчивой и в неимперативной форме даются советы куратору, как успешнее организовать свою работу со студентами. Теоретическая часть и конкретные методики конструктивно описаны преподавателями кафедры, но в этой книге приводится обширный материал, посвященный истории города и жизни Университета, биографиям его выдающихся питомцев и профессоров, указаны знаменательные для путейцев события и их даты, обсуждаются проблемы этикета, самореализации студента, культурной развитости. Фактически создан труд, обеспечивающий успешную трансляцию университетской культуры в диалоге преподавателя и студента.

В 2006 году руководство Университета приняло решение о подготовке бакалавров психологии силами преподавателей нашей кафедры. Мне было предписано создать программу и учебные планы. И в 2007 году начался прием студентов. Как раз заканчивался десятилетний срок моего руководства кафедрой. Я не стал подавать документы на переизбрание в должности заведующего и перешел к преподаванию как профессор. Тридцать лет административной работы в Университете – срок немалый в жизни шестидесятилетнего преподавателя. Пора было сконцентрироваться на разработке собственно научных проблем, завершить начатые исследования. Кафедру же возглавил доктор психологии Валерий Леонидович Ситников, который затем передал бразды правления доктору психологии Елене Федоровне Яценко. В жизни кафедры начался новый этап, а значит, отличается новыми поисками, неопределенностью и незавершенностью, и только в будущем обретет ясные формы и своего историка.

Личностные качества будущих психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки

Ключевые слова: *t-критерий Стьюдента, профессиональное образование, юношеский возраст.*

В 2022 году кафедра «Прикладная психология» отметила свое сорокалетие. За эти годы она не просто стала первой кафедрой психологии в технических вузах страны, но и состоялась как успешная выпускающая кафедра, осуществив двенадцать собственных выпусков бакалавров, а в 2021 году кафедра вошла в Международный предметный рейтинг «**Life Sciences**» («Науки о жизни») «**Round University** <https://roundranking.com/universities/emperor-alexander-i-st-petersburg-state-transport-university.html?sort=O&year=2021&subject=SL>».

Представленное исследование включает в себя сравнительный анализ личностных качеств студентов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки, наглядно демонстрируя достижения в развитии личности будущих психологов в контексте содержания образования и всех условий университетской среды.

Комплекс личностных качеств был составлен исходя из компетенций психологов по старому федеральному государственному образовательному стандарту. С точки зрения психологических конструктов они включали в себя прежде всего смысложизненные ориентации, волевые качества, самоотношение, коммуникативную толерантность, что было решено определить у студентов кафедры.

Теоретической основой изучения в отечественной и зарубежной науке смысложизненных ориентаций или категории «смысл» для нас явились труды А. Адлера [1], В. Франкла [12], В. Э. Чудновского [13], Д. А. Леонтьева [6]; волевых качеств личности – А. Р. Батыршиной [2]; самоотношения – работы В. Н. Мясищева [7], С. Р. Пантिलеева, В. В. Столина [9]; коммуникативной толерантности – В. В. Бойко [3, 4].

А. Адлер понимал индивидуальное развитие личности через осознание смысла человеческих действий и экспрессивных проявлений, которые человек придает миру и самому себе. По Адлеру, категория смысла не является основной предметной областью, она является ключом к анализу его личности, связанным с фундаментальными жизненными проблемами: трудовой деятельностью и профессиональным самоопределением, межличностными отношениями и взаимоотношением полов [1]. В. Франкл считал стремление к поиску и реализации смысла внутренним базовым стремлением человека, которое побуждает к деятельности. Но при отсутствии его реализации человек испытывает «экзистенциальный вакуум» и фрустрацию, что приводит к неблагоприятным последствиям: возникновению неврозов, психозов, депрессий и попыткам суицида. По мнению Франкла, саморазвитие и самоактуализация не могут являться

смыслом жизни, они сопровождают процесс реализации смысла, который заключается обязательно во внешнем мире. В психологической структуре личности он выделил «ноэтическое измерение», особую смысловую реальность, которую невозможно определить как психологическую или биологическую категорию, она не поддается исследованию традиционными психологическими методами, именно в ней локализованы смыслы. Основное положение состоит в том, что для успешной и гармоничной жизни человек должен найти и реализовать свой смысл жизни [12]. В. Э. Чудновский понимает под смыслом жизни психологический феномен, суть которого заключается в отражении в сознании субъекта особенностей иерархии целевых установок его жизни и деятельности, ставших для него жизненно значимой ценностью чрезвычайно высокого порядка [13]. Д. А. Леонтьев создает целостную теорию смысла, объединив накопленные предшествующие исследования в психологической науке. Выделив трехкомпонентную схему смысла: субъективный образ цели, объективную направленность и эмоциональное переживание включенности и осмысленности, он идентифицирует шесть механизмов возникновения смысла: замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение и полагание смыслов, которые обуславливают формирование основных смысловых образований [6].

Л. С. Выготский определяет волю как высшую психическую функцию. Это проблема выбора, который базируется на мотивах, на внешних характеристиках действия при появлении препятствий [8]. По мнению Д. Н. Узнадзе, источник проявления каких-либо действий и причина совершения волевого акта – это установка на действие, которая возникает в процессе трудовой деятельности. Такое намерение формируется из-за наличия в сознании воображаемой или мыслимой ситуации, поэтому потребность не обязательно должна быть актуальна и переживаться человеком непосредственно в данный момент [11].

На основании теоретической статьи А. Р. Батыршиной, в которой сравниваются представления категорий «воля» и «волевая регуляция» в российских, советских и современных психологических исследованиях, можно обозначить три подхода: 1) подход, рассматривающий волю как волевою активность; 2) подход, в котором воля рассматривается как сознательная регуляция и/или саморегуляция поведения и деятельности; 3) подход, рассматривающий волю как волевою регуляцию в двух модификациях (с точки зрения концепций В. К. Калина и В. А. Иванникова) [2]. В данной статье также отмечается, что трансформация категории «воля» в категорию «волевая активность», «сознательная регуляция и/или саморегуляция», «волевая регуляция» не уничтожает автономного положения, сохраняя свое место в ряду психических процессов, вопрос о признании категории «воли» как одной из основных психологических понятий остается актуальным.

В рамках проведенного теоретического анализа работ В. Н. Мясищева, которые были опубликованы в период с 1948 по 1969 год, О. Н. Тузова выделила развитие изменений взглядов в понимании феномена отношения. Ключевой позицией является то, что понятие «самоотношение» входит в категориальный ап-

парат отношения. Самоотношение является неотъемлемой частью концепции психологии отношений и может рассматриваться как продукт индивидуального опыта человека [10]. Мясищев выделил три стороны самоотношения: эмоциональную, когнитивную и конативную, которые зависят от характера жизненного взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, эмоциональная сторона включена в процесс формирования эмоционального отношения человека к самому себе, когнитивная – в процесс восприятия и самооценки, конативная заключается в осуществлении выбора способов, тактик и стратегий поведения человека [7]. При рассмотрении отечественных трудов по самоотношению нужно выделить концепцию С. Р. Пантилеева и В. В. Столина, в которой последнее определяется как комплекс эмоционально-ценностных установок в адрес собственного «Я», т. е. оно проявляется как глобальное чувство «за» или «против» самого себя, отражающееся в системе личной оценки при помощи самоодобрения, самопохвалы, самопринятия, самообвинения, самопорицания. Самоотношение лежит в основе вектора самоорганизации и самореализации личности, способствует успешной адаптации, осуществлению жизненных планов. Оно связано с активностью и субъектностью, наполнением жизни смыслами и ценностными ориентирами [9].

Проблема толерантности в настоящее время является одним из актуальных и интенсивно разрабатываемых вопросов современности. Как в формате межкультурной, так и в пределах внутрикультурной коммуникации, интолерантные установки оказывают существенное влияние на отношения между людьми. В связи с ростом неблагоприятного взаимодействия в студенческой среде чаще возникают ситуации недопонимания, нетерпимости к альтернативным взглядам и позициям, которые являются первоисточником конфликтных ситуаций, что частично вызвано нарушениями механизмов коммуникации в юношеском возрасте, приводящих к интолерантному общению, проявлению речевой агрессии, бестактности и, как следствие, замедляющих процесс адаптации к коллективу и росту уровня конфликтности в группе [5]. Для более полного понимания и осмысления этой проблемы представляется необходимым охарактеризовать ряд симптомов нетерпимости, которые проявляются в речи и трактуются как коммуникативная интолерантность: очернение, унижение или отчуждение, которые обесценивают и принижают культурные, расовые, национальные или сексуальные группы; ограничение за этими группам права использовать собственный язык; стереотипизация – идентифицирование всех членов определенной социокультурной группы с помощью обобщенных, как правило, негативных характеристик; глумление, акцентирование внимания на конкретных моделях поведения людей, их качествах и характерных особенностях с целью высмеивания или унижения; предвзятое отношение – формулировка суждения относительно отдельных людей или групп на почве негативных обобщений и стереотипов, а не реальных фактов или конкретных поступков.

По мнению В. В. Бойко, коммуникативная толерантность (или толерантность в общении) есть характеристика личности, проявляющаяся в отношении к людям, отражающая уровень переносимости личностью каких-либо черт, ка-

честв, состояний и поступков партнеров по общению [3, 4]. В коммуникативной толерантности отражается комплекс факторов, оказывающих влияние на установки и поведение личности: воспитание, культура, ценности, интересы, потребности, привычки, характер, эмоции, стереотипы, поведение. Автор отмечает, что коммуникативная толерантность является базовой характеристикой личности, потому что оказывает влияние на деятельность, на ближайшее окружение личности, влияет на построение карьеры, выполнение профессиональных обязанностей.

Важно отметить, что проблема исследования комплекса психологических конструкторов при сравнении различий смысложизненных ориентаций, волевых качеств, самоотношения, коммуникативной толерантности будущих психологов на разных этапах профессиональной подготовки относительно свежая и малоизученная в современной науке.

Цель исследования – определить личностные качества будущих психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки.

В качестве *гипотезы исследования* может быть выдвинуто предположение о наличии различий между показателями смысложизненных ориентаций, волевых качеств, самоотношения, коммуникативной толерантности будущих психологов на разных этапах профессиональной подготовки.

Организация и методы исследования. В состав данного исследования вошли 79 студентов психологического направления подготовки Петербургского государственного университета путей сообщений Императора Александра I (средний возраст – 19,8): на начальном этапе (1-й и 2-й курсы) – 41 человек (9 юношей, 32 девушки, средний возраст 18,7) и на завершающем этапе (3-й и 4-й курсы) – 38 человек (11 юношей, 27 девушек, средний возраст 21,1).

Методиками исследования стали тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) М. В. Чумакова; методика исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева; опросник коммуникативной толерантности В. В. Бойко.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим выявленные различия между показателями смысложизненных ориентаций, волевых качеств, самоотношения, коммуникативной толерантности у студентов-психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки.

Полученные результаты по МИС свидетельствуют о том, что на начальном этапе обучения будущие психологи оптимистично верят в то, что они способны руководить собой, знают, что им необходимо, важно, ценно, при этом на завершающем этапе обучения они в этом начинают сомневаться (табл. 1).

Юношескому возрасту присущ максимализм в осознании смысла жизни и собственной взрослости, но в период обучения эта иллюзия трансформируется в более адекватное представление о реальной жизни и своих возможностях.

Ниже представлены значимые различия между показателями шкал «Волевые качества личности» М. В. Чумакова, методики исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева, «Коммуникативной толерантности» В. В. Бойко у студентов 2-го и 4-го курсов обучения, так как именно при сравнении значений данных курсов было обнаружено наибольшее количество различий (табл. 2).

Таблица 1

Различия между показателями шкал методики самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева у будущих-психологов на разных этапах профессиональной подготовки

Шкала	Начальный этап		Завершающий этап		t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Саморуководство (МИС)	8,56	1,98	7,39	2,58	2,26	0,05

Таблица 2

Различия между показателями волевых качеств, самоотношения и коммуникативной толерантности у будущих психологов 2-го и 4-го курсов

Шкалы	2-й курс		4-й курс		t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение		
Решительность (ВКЛ)	4,25	2,05	2,78	2,07	2,20	0,05
Настойчивость (ВКЛ)	5,10	1,33	3,72	1,87	2,63	0,05
Саморуководство (МИС)	8,85	1,63	7,17	3,00	2,18	0,05
Самоценность (МИС)	11,25	1,80	9,83	2,41	2,07	0,05
Стремление пере- делать, перевос- питать партнера по общению (шкала обратная)	3,20	2,12	5,22	3,69	-2,10	0,05

Студенты 2-го курса в большей степени решительны и настойчивы, чем студенты 4-го курса. Однако несмотря на различия между шкалами самоотношения, у студентов 2-го и 4-го курсов показатели находятся в зоне высоких значений и определяют студентов как способных к саморуководству и аутентичности. Кроме того, именно студенты 4-го курса являются в большей степени толерантными и в меньшей степени стремятся переделать партнера по общению. Можно констатировать, что выявленные результаты свидетельствуют о большей критичности по отношению к жизни и своим ресурсам, ответственной позиции будущих психологов на завершающем этапе профессиональной подготовки при их выходе в самостоятельную жизнь.

Выводы. Полученные результаты позволяют характеризовать будущих психологов на начальном этапе профессионального обучения как более решительных и настойчивых, что соответствует юношескому представлению о себе. Однако как на начальном, так и на завершающем этапе профессиональной под-

готовки студенты демонстрируют высокие способности к саморуководству и самооценности, аутентичности, что можно считать их личностной константой и движением в сторону самоактуализации.

Студенты на завершающем этапе обучения более толерантны и внимательны к партнеру по общению, позволяя ему также иметь свое лицо и ценности. Между показателями смысложизненных ориентаций значимых различий выявлено не было.

Гипотеза исследования подтвердилась – были обнаружены значимые различия между показателями волевых качеств, самоотношения, коммуникативной толерантности у студентов-психологов на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки. Можно предположить, что содержание обучения психологов и все условия университетской среды способствовали развитию личностных качеств будущих психологов.

Библиографический список

1. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер ; перевод с англ. А. Боковой. – Москва : Академический проект, 2007. – 232 с. – Текст : непосредственный.
2. Батыршина, А. Р. Сравнительный анализ представленности категорий «воля» и «волевая регуляция» в российских, советских и современных учебниках психологии. Часть 2 / А. Р. Батыршина. – Текст : непосредственный // Гуманизация образования. – 2019. – № 1. – С. 112–124.
3. Бойко, В. В. Коммуникативная толерантность : методическое пособие / В. В. Бойко. – Санкт-Петербург : СПбМАПО, 1998. – 24 с. – Текст : непосредственный.
4. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – Москва : Информационно-издательский дом «ФилинЪ», 1996. – 472 с. – Текст : непосредственный.
5. Житнухина, Т. А. Структура коммуникативной толерантности личности современного студента / Т. А. Житнухина. – Текст : непосредственный // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых, 2020. В 2 томах, Архангельск, 13–17 апреля 2020 года ; составитель Ю. С. Кузнецова. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2020. – С. 242–246.
6. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – Москва : Смысл, 2003. – 487 с. – Текст : непосредственный
7. Мясищев, В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. – 4-е изд. ; под редакцией А. А. Бодалева. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011. – 398 с. – Текст : непосредственный.
8. Селау, Б. К проблеме воли в трудах Л. С. Выготского / Б. Селау, К. Боэссио. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 1. – С. 107–112.
9. Столин, В. В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности : дис. ... д-ра псих. наук / В. В. Столин. – Москва, 1985. – 530 с. – Текст : непосредственный.
10. Тузова, О. Н. Проблема самоотношения личности в теории отношений В. Н. Мясищева / О. Н. Тузова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-1. – С. 483–485.
11. Узнадзе, Д. Н. Общая психология / Д. Н. Узнадзе ; отв. ред. И. В. Имедадзе. – Москва : Смысл, 2004. – 412 с. – Текст : непосредственный.

12. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с. – Текст : непосредственный.

13. Чудновский, В. Э. Становление личности и проблемы смысла жизни : избранные труды / В. Э. Чудновский. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2006. – 766 с. – Текст : непосредственный.

Ященко Е. Ф., Лодыгина А. К.

Различия между показателями личностных характеристик будущих психологов на начальном этапе профессиональной подготовки с разным уровнем самоактуализации

Ключевые слова: *самоактуализация, субъективное благополучие, эмоциональная направленность, общие способности, интеллект, направленность личности, студенты университета, дисперсионный анализ.*

В статье представлен обзор современных отечественных исследований по проблеме самоактуализации, субъективного благополучия, направленности личности и интеллекта. С помощью дисперсионного анализа были выявлены различия между данными личностными характеристиками у будущих психологов-первокурсников с разным уровнем самоактуализации, определены ресурсы личности студентов со средним уровнем самоактуализации, обозначены задачи личностного и профессионального развития будущих психологов.

Современные социально-политические и экономические условия существования общества определяют требования к профессиональной подготовке будущих специалистов. Каждый профессионал лично ответствен за свою подготовку и способность к развитию. Проблема самоактуализации личности рассматривалась у студентов технических и экономических специальностей, причем большее количество взаимосвязей самоактуализационных характеристик со смысложизненными и ценностными ориентациями было выявлено у студентов-экономистов, чем у студентов технических специальностей [16]; у будущих социальных работников [15], преподавателей вузов и сферы культуры [14]. Е. Ф. Ященко определила три механизма функционирования самоактуализации: механизм иерархии потребностей; взаимодействие с живыми, одушевленными объектами, людьми и способность самоактуализации переходить с системного уровня процессуального функционирования на метасистемный и результативный уровень организации личности [16]. Е. А. Фефилова и А. В. Горбушина обнаружили взаимосвязи самоактуализации с удовлетворенностью профессиональной деятельностью менеджеров среднего звена торговых организаций со средним специальным образованием [11]. О. В. Юрьева определила наличие взаимосвязи между общим показателем эмоционального интеллекта и такими самоактуализационными характеристиками, как поддержка, ценностные ориентации, спонтанность и самоуважение у лиц юношеского и зрелого возраста [13]. А. П. Мережников проводил сравнительное исследование особенностей и взаимосвязей самоактуализационных характеристик с уровнем субъективного кон-

троля, ценностными и смысложизненными ориентациями у студентов гуманитарного и технического направлений подготовки, благодаря которому выявлены более высокие значения данных психологических феноменов и больше значимых взаимосвязей у студентов-гуманитариев [8]. М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова и Е. А. Домырева сделали попытку выявить различия самоактуализационных характеристик будущих психологов, принадлежащих к разным типам субкультурных сообществ – студенческой субкультуре и учебно-профессиональной субкультуре, хотя они не исключают друг друга [6]. Т. В. Зобнина установила, что существует положительная взаимосвязь стремления к самоактуализации и уровня развития способности к самоуправлению, которое определяется автором как предиктор уровня самоактуализации личности студентов. Выявлено, что у студентов с высоким уровнем стремления к самоактуализации выше, чем у студентов с низким уровнем, показатели самоуправления, анализа противоречий, коррекции своего поведения, деятельности, общения [4] и т. д.

Эмоциональная направленность является значимой подструктурой личности, которая направляет деятельность, ставит цели и прослеживает задачи для их реализации. А. В. Марков показывает, что студенты-психологи имеют эстетическую, коммуникативную и практическую эмоциональную направленность, поскольку эти виды эмоциональной направленности помогут им быть эффективными в своей будущей профессии [7]. И. М. Зинова исследовала направленность личности у студентов-волонтеров и студентов, не занимающихся добровольческой деятельностью, и определила у волонтеров значимое преобладание гуманистической и альтруистической направленности [3]. На взаимосвязь субъективного благополучия с эмоциональной направленностью и ценностными ориентациями личности в разных условиях профессиональной социализации указывает Р. М. Шамионов [12]. В результате проведенного исследования им сделан вывод о том, что условия профессиональной социализации влияют на иерархию эмоциональной направленности. В частности, для представителей профессий типа «человек-человек», к которому относится и профессия психолога, характерна коммуникативная и эстетическая направленность. Изучая эмоциональную направленность личности студентов технического профиля, А. В. Гришина установила, что благодаря развитию эмоциональной направленности личности формируются основные компоненты профессионального самоопределения личности: профессиональные способности, мотивы и ценности профессиональной деятельности, образ «Я – профессионала» [2]. О. Ю. Зотова, А. М. Ригель и А. А. Тунейц обнаружили связи уровня счастья и ситуационных обстоятельств жизни в юношеском возрасте, при этом эвдемонистические характеристики (вера в себя, зрелость и ценность положительных отношений с другими) выступают детерминантой субъективного благополучия, нивелируя влияние среды; а положительные эмоции вызывают не только ненапряженную активность и удовлетворение условиями жизни, но и осмысленность жизни, гармоничное отношение к окружающим и личностную работу над собой [5].

Л. А. Головей, М. В. Данилова предполагают, что структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью представляет собой сложный мно-

гоуровневый феномен, включающий базовый аффективный компонент (субъективное благополучие), который является индивидуально устойчивым, и когнитивно-эмоциональный компонент, представляющий оценку удовлетворенности разными аспектами жизни. Удовлетворенность разными аспектами жизни более динамична и зависима от внешних факторов [1].

Направленность личности в современной психологии рассматривают как совокупность различных динамических тенденций, в основе которых лежат потребности и мотивы деятельности. К компонентам направленности личности относят мотивы поведения – цели, интересы, идеалы, убеждения личности. Выявление доминирующего вида направленности личности особо важно в профессиональном аспекте. От того, какой вид направленности преобладает у личности, будет зависеть эффективность ее профессиональной деятельности. Логично, что для успешной профессиональной деятельности наиболее благоприятным видом направленности выступает направленность на задачи. Согласно выводам В. В. Радул, Я. В. Галета, профессиональная направленность личности развивается в процессе профессионализации и значимо влияет на овладение профессиональными знаниями, умениями и навыками [10].

Современные исследования личности не обходятся без включения параметров интеллекта, или общих способностей, которые рассматриваются преимущественно как комплекс индивидуальных качеств человека, обеспечивающих ему возможность понимать проблему, адаптироваться к изменяющейся окружающей действительности, способность к адекватной самокритике. Во многих современных исследованиях подчеркивается связь интеллекта не только с когнитивными способностями (логически мыслить, понимать, обучаться, рассуждать и принимать решения) и деятельностью, но и с личностными факторами [9].

Ежегодно наша кафедра занимается изучением пришедших к нам первокурсников, определением условий их эффективной адаптации и обучения, выявлением ресурсов личностного и профессионального развития будущих психологов.

Цель исследования – определить различия между личностными характеристиками будущих психологов на начальном этапе профессиональной подготовки с разным уровнем самоактуализации.

Объект исследования – студенты-первокурсники психологического направления подготовки.

Предмет исследования – самоактуализационные характеристики, интеллект, шкалы эмоциональной направленности, направленности личности и субъективное благополучие студентов-первокурсников психологического направления подготовки с разным уровнем самоактуализации.

Гипотеза исследования: существуют различия между показателями самоактуализационных характеристик, интеллекта, шкал эмоциональной направленности, направленности личности и субъективного благополучия у будущих психологов на начальном этапе профессиональной подготовки с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации.

Методиками исследования стали самоактуализационный тест (САТ) Э. Шостром в адаптации Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, М. В. Загика и М. В. Кроза; Шкала субъективного благополучия (ШСБ) Perrudet-Badoux, Mendelsohn и Chiche в адаптации М. В. Соколовой; опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова; краткий отборочный тест (КОТ) Э. Вандерлика в адаптации В. Н. Бузина, оксфордский опросник счастья М. Аргайла; методика диагностики направленности личности Б. Басса.

В обследовании приняли участие 60 человек, из них 49 девушек и 11 юношей в возрасте от 17 до 22 лет (средний возраст 18, 53 года), все являются студентами 1-го курса бакалавриата «Психология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. Выборка была разделена на три подгруппы по одной из базовых шкал – шкале «Компетентность во времени» САТ: от 43 и ниже – низкий уровень самоактуализации, от 44 до 54 – средний уровень самоактуализации, от 55 и выше – высокий уровень самоактуализации.

С помощью дисперсионного анализа были найдены различия между показателями самоактуализации студентов с низким, средним и высоким уровнем самоактуализации (табл. 1).

Таблица 1

Различия между показателями самоактуализационных характеристик студентов с низким, средним и высоким уровнем самоактуализации

Шкалы	Уровни СА	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	F	Уровень значимости
Компетентность во времени	низкий	14	39,214	2,751	119,595	0,000***
	средний	34	47,559	2,820		
	высокий	12	59,250	4,864		
Внутренняя поддержка	низкий	14	44,786	8,069	15,599	0,000***
	средний	34	53,529	7,751		
	высокий	12	62,167	8,266		
Ценностные ориентации	низкий	14	42,357	8,261	6,737	0,002**
	средний	34	50,706	9,386		
	высокий	12	56,083	12,094		
Гибкость поведения	низкий	14	46,286	6,207	9,581	0,000***
	средний	34	51,471	9,278		
	высокий	12	60,250	6,580		
Спонтанность	низкий	14	47,286	10,816	4,278	0,019**
	средний	34	52,206	9,364		
	высокий	12	58,833	11,044		
Самоуважение	низкий	14	47,500	7,450	15,393	0,000***
	средний	34	53,088	7,115		
	высокий	12	62,583	5,885		
Самопринятие	низкий	14	46,929	9,085	9,855	0,000***
	средний	34	54,147	8,680		
	высокий	12	61,583	6,487		

Шкалы	Уровни СА	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	F	Уровень значимости
Принятие агрессии	низкий	14	46,786	9,431	2,636	0,080
	средний	34	51,382	9,407		
	высокий	12	55,000	8,202		
Контактность	низкий	14	46,857	7,814	7,098	0,002**
	средний	34	53,235	8,217		
	высокий	12	58,583	7,391		
Креативность	низкий	14	46,857	8,655	4,038	0,023*
	средний	34	54,588	8,690		
	высокий	12	49,667	10,439		

Примечание: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Были получены значимые различия между показателями шкал «Компетентность во времени», «Внутренняя поддержка», «Гибкость поведения», «Самоуважение», «Самопринятие» ($p < 0,001$), «Ценностные ориентации», «Контактность», «Спонтанность» ($p < 0,01$), «Креативность» ($p < 0,05$).

Студенты-психологи с высоким уровнем самоактуализации способны более полно проживать настоящее, воспринимать свою жизнь целостно, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, дорожить временем своей жизни, продуктивно его использовать; студенты со средним и низким уровнем самоактуализации недостаточно бережно относятся к времени своей жизни, оставляя свое развитие «на потом».

Студенты-психологи с низким и средним уровнем самоактуализации имеют экстернальный локус контроля, перекладывая ответственность за свою жизнь на окружающих, в то время как студенты с высоким уровнем самоактуализации чаще всего принимают ответственность за свои поступки на себя.

Студенты с низким и средним уровнем самоактуализации в меньшей степени, чем студенты-психологи с высоким уровнем самоактуализации, разделяют такие ценности самоактуализирующейся личности, как доброта, духовность, истина, честность, потому что еще не до конца осознают важность этих ценностей, в отличие от студентов с высоким уровнем самоактуализации, и также реже способны реализовывать эти ценности в повседневной жизни.

У студентов с высоким уровнем самоактуализации выше самооценка и самоуважение, лучше развиты способности ценить свои достоинства, принимать свои недостатки, определять мотивы поведения других людей, быстрее устанавливать тесные, эмоционально насыщенные отношения, непосредственно проявлять свои эмоции, чем у студентов с низким уровнем самоактуализации, однако креативность, т. е. самостоятельность мышления, лучше развита у студентов со средним уровнем самоактуализации, представляющих собой юношей и девушек на пути к осознанию своих потребностей и мотивов, умеющих не только находить нужную информацию, но и созидать и преобразовывать ее.

С помощью дисперсионного анализа были выявлены два значимых различия между показателями шкал «Психиатрическая симптоматика» ($p < 0,01$) и общим субъективным благополучием ($p < 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Различия между показателями субъективного благополучия студентов с низким, средним и высоким уровнем самоактуализации

Шкалы	Уровни СА	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	F	Уровень значимости
Психиатрическая симптоматика	низкий	14	18,429	3,567	4,763	0,012**
	средний	34	16,647	4,873		
	высокий	12	13,250	3,306		
Общий показатель ШСБ	низкий	14	66,571	10,405	3,187	0,049*
	средний	34	61,412	13,627		
	высокий	12	53,500	14,884		

Примечание: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Исходя из полученных данных мы видим, что показатель по шкале «Психиатрическая симптоматика» выше у студентов-психологов с низким уровнем самоактуализации, т. е. у них больше признаков, сопровождающих психиатрическую симптоматику, таких как депрессия, сонливость, рассеянность, раздражительность, чем у студентов-психологов с высоким уровнем самоактуализации. Возможно, это связано с тем, что у несамоактуализирующейся личности нет понимания целостного развития своей личности, что вызывает тревогу и беспокойство.

Общее субъективное благополучие (обратная шкала) меньше у студентов-психологов с низким уровнем самоактуализации: они менее позитивно оценивают свое эмоциональное и физическое состояние, свое субъективное благополучие. Результаты свидетельствуют о том, что студенты-психологи со средним и высоким уровнем самоактуализации имеют умеренный уровень субъективного благополучия: серьезные проблемы у них отсутствуют, но и о полном субъективном благополучии говорить нельзя.

В целом студенты-психологи имеют приблизительно равное ощущение счастья, эмоции и чувства студентов, общие способности (интеллект) и направленность их личности не имеют различий в соответствии с уровнем самоактуализации.

Выводы

1. Будущие психологи с высоким уровнем самоактуализации лучше, чем будущие психологи со средним и низким уровнем самоактуализации, планируют и бережнее используют время своей жизни, принимают ответственность за свое поведение на себя, самоактуализационные ценности и реализуют их в повседневной жизни, осознают свои сильные качества, принимают свои недостатки, хорошо понимают мотивы поведения других людей, искренне ситуативно выражают свои эмоции и чувства.

2. Студенты-психологи со средним уровнем самоактуализации по сравнению со студентами с высоким и низким уровнем самоактуализации имеют большую креативность, творческую направленность и способность мыслить самостоятельно.

3. Психологи-первокурсники с низким уровнем самоактуализации характеризуются субъективным неблагополучием по сравнению со студентами со средним и высоким уровнем самоактуализации; менее позитивно оценивают свое эмоциональное и физическое состояние и социальное поведение.

4. Студенты-психологи с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации в целом имеют общую, однородную эмоциональную сферу, для них значимы общие виды эмоциональной направленности – между показателями видов эмоциональной направленности не было обнаружено значимых различий.

5. Между показателем общих способностей у студентов-психологов с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации значимых различий не обнаружено, однако интеллект студентов с низким уровнем самоактуализации соответствует среднему уровню интеллекта, а студентов с высоким уровнем самоактуализации – хорошему уровню (хорошие способности к обучению, анализу и осмысленному восприятию материала, быстрое формирование навыков и умений).

6. Между показателем счастья у студентов-психологов с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации значимых различий также не обнаружено – испытуемые чувствуют себя скорее счастливыми, но определенные проблемы у них есть.

7. Не обнаружено значимых различий между показателями видов направленности личности: студенты-психологи с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации в целом имеют общую систему устойчивых мотивов, ориентирующих их деятельность.

Гипотеза о существовании различий между показателями шкал исследования у студентов с высоким, средним и низким уровнем самоактуализации подтвердилась частично.

С целью личностного и профессионального развития будущих психологов необходимо студентов со средним уровнем самоактуализации рассматривать как ресурсную группу, находящуюся на пути самоактуализации, самостоятельно мыслящую, субъективно благополучную, поддерживать развитие их личностного и профессионального потенциала с помощью вовлечения в научно-исследовательскую и практико-ориентированную гуманитарную деятельность.

Библиографический список

1. Головей, Л. А. Структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте / Л. А. Головей, М. В. Данилова. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – № 1. – С. 38 – 45.

2. Гришина, А. В. Эмоциональная направленность личности студентов (на примере технических специальностей) / А. В. Гришина, М. В. Косцова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58-1. – С. 319–322.

3. Зинова, И. М. Особенности направленности личности студентов-волонтеров / И. М. Зинова, С. Н. Краснова. – Текст : непосредственный // Гуманизация образования. – 2018. – № 3. – С. 92–99.

4. Зобнина, Т. В. Исследование взаимосвязи стремления к самоактуализации и способности к самоуправлению у студентов университета / Т. В. Зобнина. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – № 1. – С. 98–102.
5. Зотова, О. Ю. Ситуационные и личностные факторы субъективного благополучия студентов / О. Ю. Зотова, А. М. Ригель, А. А. Тунеянец. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2017. – № 4 (10). – С. 118–136.
6. Логвинова, М. И. Самоактуализация личности будущих психологов в ходе профессионализации: субкультурный аспект / М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова, Е. А. Домырева. – Текст : электронный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 1 (41).
7. Марков, А. В. Исследование особенностей эмоциональной направленности личности у студентов / А. В. Марков, А. В. Лихачева. – Текст : непосредственный // Скиф. – 2020. – № 5-1 (45). – С. 341–345.
8. Мережников, А. П. Особенности самоактуализации студентов гуманитарного профиля / А. П. Мережников. – Текст : непосредственный // Ученые записки университета Лесгафта. – 2019. – № 12 (178). – С. 405–407.
9. Петрова, В. И. Влияние интеллекта на развитие личности / В. И. Петрова. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 9. – С. 168–171.
10. Радул, В. В. Самоопределение как структурно-функциональное качество личности / В. В. Радул, Я. В. Галета. – Текст : электронный // Психология и образование : электронный научный журнал. – 2019. – № 12 (66). – URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/8433> (дата обращения: 18.03.2021).
11. Фефилова, Е. А. К проблеме изучения самоактуализации: взаимосвязь особенностей самоактуализации с удовлетворенностью профессиональной деятельностью у менеджеров среднего звена / Е. А. Фефилова, А. В. Горбушина. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 5. – С. 31–38.
12. Шамионов, Р. М. Взаимосвязь субъективного благополучия с эмоциональной направленностью и ценностными ориентациями личности в разных условиях профессиональной социализации / Р. М. Шамионов. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2007. – № 1. – С. 55–63.
13. Юрьева, О. В. Эмоциональный интеллект и особенности самоактуализации личности / О. В. Юрьева. – Текст : непосредственный // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 55–65.
14. Яценко, Е. Ф. Психологические особенности самоактуализации и субъективного благополучия профессионалов в сфере образования и культуры / Е. Ф. Яценко. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. Серия: Психологические науки. – № 10 (7). – 2013. – С. 1602–1606.
15. Яценко, Е. Ф. Самоактуализация личности будущих социальных работников: сформированность общекультурных компетенций / Е. Ф. Яценко. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. – URL: <http://www.science-education.ru/127-20645> (дата обращения: 21.09.22).
16. Яценко, Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации как метасистемы / Е. Ф. Яценко. – Текст : непосредственный // Вестник ГУУ. Серия: Социология и управление персоналом. – 2006. – № 2 (18). – Москва : Изд-во ГУУ. – С. 57–68.

Штрихи к портрету Анатолия Кармина

Предлагаемая статья – выражение признательности мудрому и доброму человеку, с которым меня, к счастью, свела жизнь. Анатолий Кармин прежде всего философ и культуролог. Но последние двадцать лет своей жизни он работал на кафедре психологии, писал книги по психологии, выступал на психологических конференциях, поэтому, конечно же, и настоящий психолог. Кармин был, пожалуй, первым крупным ученым, который со всей серьезностью отнесся к моим психологическим изысканиям.

Еще не зная Кармина лично, я многое слышал о великой тройке петербургских философов: В. П. Бранском, В. В. Ильине и А. С. Кармине. Но знаком был только с Ильиным – Виктор Васильевич был заведующим кафедрой философии в ЛИИЖТе (ныне ПГУПС), где я тогда работал в Бюро социальных исследований. Как-то Ильин читал студентам открытую лекцию о живописи. Самая большая аудитория института была заполнена до отказа. И вдруг все засуетились: сам Кармин пришел. Через группу стоявших у входной двери студентов протиснулся худощавый, невысокого роста седовласый мужчина с бородой. Помню свое удивление: и это великий Кармин?

Прошло несколько лет. Чем мы только тогда в нашем Бюро ни занимались! Предлагали реорганизацию работы диспетчерской службы Ленинградского метрополитена, разрабатывали критерии оценки надежности работы операторов ультразвуковой дефектоскопии, в Даугавпилсе искали способы повышения психологической готовности машинистов локомотивов перед рейсом, по заказу Министерства путей сообщения написали методичку «От работы с кадрами к управлению персоналом» и т. д. А заодно вели факультативные занятия по психологии и культурологии со студентами, читали лекции на курсах повышения квалификации преподавателей. Руководил Бюро Леонид Павлович Шарыпин, который во многом стал моим учителем не только в профессии, но и в жизни. Он из тех людей, которые думают о других больше, чем о себе. Мудрый проректор и замечательный человек Юрий Адамович Верженский всячески нас поддерживал. Провели в стенах института конференцию о работе психологической службы в техническом вузе. Наше начинание впечатлило и ректора Е. Я. Красковского, яркого и увлеченного человека, умевшего принимать нестандартные решения. В 1982 году о кафедрах психологии в технических вузах еще никто не думал. А тут Красковский встречает меня как-то в коридоре и говорит: «Создавайте кафедру, ты будешь заведующим».

Позднее, уже в качестве заведующего кафедрой, сижу на заседании ученого совета ЛИИЖТа рядом с В. В. Ильиным. Ильин говорит мне: «Подал заявление об избрании Кармина профессором нашей кафедры. (Кармин тогда заведовал кафедрой философии в институте водного транспорта. Однако у него возник конфликт с парткомом – полагаю, сказался характерный для партийных кругов антисемитизм.) Если мне откажут, тут же подаю заявление об отставке». Неко-

торые выступающие хоть и ссылались на мнение парткома института водного транспорта, но Кармина все же избрали.

Вначале Кармин приходил к нам на кафедру поиграть в шахматы со мной и Михаилом Васильевичем Ивановым. А потом вдруг спрашивает: «Можно я вообще перейду к вам на кафедру работать?» Для нас это было откровением. Как? Великий Кармин хочет с нами работать? Для нас это было признанием, что мы тоже чего-то стоим. Однако переход на кафедру психологии лишил Кармина возможности читать свой коронный курс философии. Теперь он должен был готовить лекции по психологии, культурологии. Но это его не смущало. Кармин поражал разнообразием интересов. Не видно было тематических границ его исследований. Вот названия некоторых из опубликованных им книг: «Лекции по философии», «Культура социальных отношений», «Психология рекламы», «Религиоведение», «Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга» и т. д. А еще статьи, в том числе по проблемам физики, математики, шахматам и пр. Но сквозная тема для всей научной деятельности Кармина в течение 40 лет – тема научного творчества и интуиции. О творчестве в науке он опубликовал книгу еще в 1960-е годы. А в 2009-м Кармин закончил большую итоговую монографию «Интуиция: философские концепции и научное исследование».

Он с увлечением входил в круг наших интересов. Мы организуем психологические тренинги – Кармин с нами, пошли учиться у американцев конфликтологии – Кармин с нами. Он был инициатором и организатором создания учебника по конфликтологии, сам написал треть общего текста и осуществил редакторскую работу. Кармин стал читать лекции по культурологии – и написал о ней знаменитую книгу. По формальному жанру – вузовский учебник, а по масштабу – капитальный научный труд энциклопедического характера объемом почти в 1000 страниц. Учебник этот при его жизни выдержал четыре издания. Мы, в свою очередь, придумали оригинальные практические занятия по культурологии – Кармин с нами.

Я долго не мог перейти с ним на ты, хотя он настаивал. Все-таки Анатолий был не только знаменит, но и на 15 лет меня старше. А ведь однажды он сказал: «Я узнал тайну старости. Старости нет». Сейчас, достигнув его возраста, я понимаю, что он имел в виду. Он никогда не смотрел ни на кого из нас свысока (я только однажды видел, как невысокий Кармин разговаривает «сверху-вниз», причем с одним высоченным философом; с тех пор я относился к этому философу весьма иронично).

В начале 1990-х годов я предложил уже новому ректору создать в институте подготовку специалистов-психологов. Мы были бы тогда первыми в технических вузах города, и лучшие психологические силы Петербурга были готовы с нами сотрудничать. Но новый ректор не обладал масштабом Верженского и Красковского и не был готов к подобным новациям. Подготовка специалистов-психологов появилась в институте значительно позже, когда ее ввели уже многие другие вузы, поэтому в 1997 году я перешел на психологический факультет Санкт-Петербургского университета. Но сотрудничество с Карминым продолжалось.

В конце 1990-х на базе Центра разрешения конфликтов мы организовали едва ли не первую в стране конференцию по медиации. Мы доказывали, что силовое разрешение конфликтов, кажущееся поначалу выигрышем для сильной стороны, всегда плохо заканчивается, а в итоге приводит в последующем лишь к эскалации конфликта и проигрышу всех сторон. В фойе были вывешены листы, чтобы участники конференции в перерыве могли письменно выразить свое отношение к происходящему. Вдруг ко мне подошел Анатолий. «Там мне написали «уезжай в свой Израиль» и добавили какую-то гадость. Я хочу по этому поводу выступить». Я не позволил ему выступить, а сделал это сам. И после перерыва объявил, что тот, кто написал эту гадость, никогда не будет ни медиатором, ни конфликтологом.

В 2003 году я написал «Психологию искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений». М. В. Иванов написал к ней развернутый комментарий. Кармин организовал обсуждение, пригласив ведущих культурологов Петербурга: М. С. Кагана, В. П. Бранского, Т. В. Холостову. Для меня это была большая честь. Позже я включил распечатку этого обсуждения в текст книги при ее издании. Думаю, что и комментарий, и дискуссия едва ли не важнее самой книги.

Анатолий Соломонович остро переживал методологическую ситуацию, сложившуюся в психологии. Так получилось, что советские психологи долгое время все как один бывшие марксистами, а после исчезновения советского государства и отказа от признания марксизма как единственно верного учения почувствовали необычайную и ничем не ограниченную свободу. Они стали изобретать анархистские лозунги, без особого разбора сбрасывая «с парохода современности» все столь привычные методологические позиции. Якобы истина – это анахронизм, устаревшее понятие, а потому задача ее постижения – абсурд; обилие в психологии противоречащих друг другу теоретических позиций – это не признак слабости психологии, а нормальное положение дел, к которому рано или поздно придут все науки. Ведь в век постнеклассической науки любая идея имеет право на существование, поскольку нет верных или неверных идей. Плюрализм стал настолько моден, что попытка выразить монистическую точку зрения стала восприниматься чуть ли не как возврат в доисторическую эпоху. Все это сопровождалось повышенным вниманием к эзотерическим учениям и психологическим практикам, не имеющим никакого теоретического обоснования. Со всех сторон утверждалось: рациональность – излишнее требование, а материализм – прибежище ленивых духом, мешающее решать реальные психологические проблемы. Стоит ли говорить, что рационалисту и материалисту, философу, культурологу и психологу А. С. Кармину все это очень не нравилось. Мне, впрочем, тоже.

В 2006 году вышел первый номер журнала «Методология и история психологии». Увидев его, известный петербургский философ Ю. М. Шилков предложил Кармину и мне написать цикл статей для психологов-аспирантов, изучающих курс методологии и истории науки, и в них выразить нашу точку зрения. Мы согласились и в 2007–2008 годах написали 9 (!) статей о принципах просто-

ты, идеализации, проверяемости и преемственности, т. е. о правилах, по которым ученые «играют» в замечательную игру, именуемую наукой. Рассмотрели их применение в психологии. Для меня это был интереснейший, хотя и весьма мучительный период перманентного писания методологических текстов. Интереснейший из-за постоянного обсуждения моих воззрений (разве когда-нибудь еще мои сырые тексты будут с таким вниманием читать и исправлять столь классные читатели!), а также из-за периодически возникавших споров друг с другом.

Мы с Шилковым сразу решили, что в случае разногласий решающее слово остается за Карминым. Вот, например, обсуждаем принцип рациональности. У нас с Карминым близкие позиции, а Юрий Михайлович отстаивает противоположную точку зрения. Я не выдерживаю: «Юра, – говорю, – это у тебя от любви к словоблудию философского факультета». Кармин сразу прерывает: «Раз так, давайте сейчас не будем об этом писать». И мы успокаиваемся.

Случайно узнал, что у него была довольно бурная молодость. Как-то я рассказал ему, что в школьной юности любил шутить и менял ценники в магазинах – беру, например, ценник на капусту в овощном магазине и перекладываю его на духи в парфюмерном. Кармин удивился: «До чего ж мы похожи. Я в юности менял вывески магазинов». Фраза была брошена мимоходом, но я оценил разницу в классе.

Однако жизнь брала свое. После тяжелой болезни умирает жена Кармина. Для него это было страшным ударом, хотя он этого никогда не показывал. Чтобы хоть как-то отвлечь его, мы с женой не раз приглашали его в театр. В декабре 2009-го пришли на какой-то нашумевший в городе спектакль. И вдруг Кармин после первого отделения засобирался домой, сославшись на плохое самочувствие.

В начале февраля 2010 года он позвонил мне по телефону (я в это время был за городом на Зимней психологической школе факультета психологии) и сказал: «Я завтра ложусь в больницу. Операция на сердце. Врачи говорят, что с операцией проблем нет. Но анестезиолог предупреждает: главная опасность – я могу не выйти из наркоза. Если со мной что случится, пообещай, что издашь мою “Интуицию”». Хотя операция прошла успешно, из наркоза он не вышел. Мы с его учеником Г. Г. Бернацким выполнили просьбу и издали книгу об интуиции.

А в душе навсегда остался седовласый человек небольшого роста, скромный, добрый, мудрый, обладавший подлинным величием духа – Анатолий Кармин.

Два стиля философствования: А. Кармин и Т. Горичева

Иногда тема статьи возникает спонтанно, в известной степени случайно. На моем письменном столе всегда лежит учебник А. С. Кармина «Культурология», вышедший в свет в 2001 году. Много лет я читаю курс культурологии в ГИЭФПТ (Гатчина) и при подготовке к занятиям считаю своим долгом обращаться за помощью к этому фундаментальному труду. Профессор М. В. Иванов справедливо отметил, что «это издание имеет статус учебника по формальным критериям, являясь по масштабу капитальным трудом энциклопедического характера, напечатанным на 832 страницах» [2, с. 14]. Кроме того, на первой странице учебника есть надпись «Дорогому Гене Норкину дружески» с автографом автора, поэтому этот учебник мне дорог как память о замечательном человеке, известном ученом, с которым мне выпала честь работать много лет на кафедре прикладной психологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения. В начале 2000-х это была сильная, имеющая собственный интеллектуальный стиль кафедра, выдерживающая конкуренцию с лучшими психологическими центрами Санкт-Петербурга и страны. Драйверами (как сейчас модно говорить) коллектива преподавателей кафедры были доктора наук, профессора В. М. Аллахвердов, М. В. Иванов и А. С. Кармин. Анатолий Соломонович всегда воспринимался мной как образец подлинного советского интеллигента, в котором в соответствии с теорией Гегеля в снятом виде сохранялись лучшие черты дореволюционной интеллигенции. Блестяще образованный, имеющий дипломы физико-математического факультета Ульяновского педагогического института и философского факультета Ленинградского университета ученый, удивлявший широтой и глубиной своих исследований. Философская антропология, культурология, психология, конфликтология, психология и методология рекламы, искусствоведение, философские проблемы естественных наук – далеко не полный перечень его интересов, реализовавшихся в 12 монографиях и множестве научных статей. В 2010 году профессор А. С. Кармин ушел из жизни, но ПГУПС сохраняет память о нем, проводя один раз в два года Национальную с международным участием научно-практическую конференцию «Карминские чтения».

При подготовке к лекции по теме «Православная культура» я не мог не обратиться к сборнику статей Татьяны Михайловны Горичевой «Православие и постмодернизм», изданному в 1991 году в Ленинграде. Как и с Анатолием Соломоновичем Карминым, с автором этого сборника я был знаком лично. С Татьяной Горичевой я учился в одной группе философского факультета Ленинградского университета и сохранил к ней искреннее уважение. Уже в студенческие годы Татьяна отличалась своими безграничными познаниями в области гуманитарных наук. Хотя из нашей студенческой группы вышло немало известных ученых и общественных деятелей, единственной студенткой, читавшей И. Канта в подлиннике, была Татьяна. Никто не сомневался, что она будет знать в совершенстве еще и английский, французский, изучит всех классиков мировой

философии и станет оригинальным мыслителем. Все понимали, что Татьяна никогда не будет секретарем райкома партии, но то, что Татьяна Горичева будет православным философом, публицистом, миссионером с европейской известностью, не предполагал никто. В 1980 году Татьяна Горичева была выслана под угрозой ареста из СССР в Вену. Криминалом советская власть посчитала организацию женского христианского движения и издание журнала «Мария». Важно отметить, что, будучи участницей феминистского движения, Татьяна никогда не выступала против мужчин и решительно размежевалась во взглядах с западными феминистками с их пропагандой лесбийской любви.

За рубежом Горичева издала такие популярные книги, посвященные духовным судьбам России и религиозной ситуации на Западе, как «Взыскание погибших», «Опасно говорить о Боге», «Сила христианского безумия», «Нечаянная радость» и др. О Горичевой, видимо, можно сказать словами А. С. Пушкина: «Татьяна, русская душою», потому что, несмотря на широкую известность на Западе, всегда стремилась в Россию. В 1988 году она вернулась на Родину, сохраняя возможность передвижения по всем странам, называя себя человеком мира.

Одновременное обращение к трудам двух выпускников философского факультета Ленинградского университета, представителям двух различных мировоззрений – идеалистического и материалистического, – вызывающих уважение энциклопедичностью своих знаний, беззаветно ищущих истину, способных как предвосхищать будущее, так и ошибаться, показалось мне весьма интересным. Сразу же следует отметить, что философский факультет ЛГУ, несмотря на официальное господство в советский период марксизма, позволял цвести всем идейным цветам, пожалуй, кроме откровенного мракобесия. Рискую оказаться в роли Булгаковского Шарикова, который, читая переписку Энгельса и Каутского, был не согласен и с тем и с другим, вынужден заявить, что имею право на свою точку зрения.

В редакционном предисловии утверждается, что книга Т. Горичевой написана «ярким, динамичным языком» [1, с. 3]. Возможно это так, однако следует обратить внимание на все чаще встречающееся в западной философии, а сейчас и в российской стремление к оригинальности любой ценой, к неологизмам, вербальным конструкциям, недоступным для понимания широкому кругу читателей. Подобный стиль А. С. Кармин называл «вербальным иллюзионизмом», имея в виду отсутствие в понятиях реального научного содержания. Стремление к неожиданным, головоломным выражениям в определенной степени характерно и для Горичевой. В качестве примера приведу «любопытно безразличный предмет исследования», «дремотный иммантеизм», «инфернально зловещий», «кенозис», «агония реальности» и т. д.

Стиль изложения своих идей у Кармина иной. Это всегда предельная ясность, точность, связанные, возможно, с опытом преподавания математики. Впрочем, сомнительное употребление понятий встречается и у него. Так, Анатолий Соломонович утверждает, что «обширность просторов России и многочисленность ее населения сказывались на русской культуре, придавая ей склонность к экстремизму» [3, с. 137]. Экстремизм – юридический термин, и вряд ли

суд примет во внимание заявление обвиняемого о том, что в его экстремизме повинна русская культура.

Тексты Горичевой наполнены весьма сомнительными метафорами: «Признак посткатастрофической эпохи – разрастание одинокой, сошедшей с ума клетки – рак», «Рак – это одиночество, не нуждающееся в другом для того, чтобы расти, развиваться и размножаться». На самом деле рак, к сожалению, существовал во все эпохи, и онкологи явно не согласятся с утверждением, что раковая клетка одинока. Она для своего роста нуждается в здоровых клетках, превращая их в себе подобных... «Солнцу больше нравится в монастырской столовой, чем в ресторане», – утверждает Горичева. Оставим на совести Татьяны Михайловны смелость читать мысли и чувства ближайшей к Земле звезды. Немало ее утверждений носят совершенно субъективный характер и полностью игнорируют существование социальной статистики, социологии. Так, она утверждает, что «раньше человек стеснялся жить в захолустье. Теперь географический, да и любой другой стыд, исчез» [1, с. 7]. Убежден, что в России всегда были тысячи сельских врачей, учителей, священников, не стеснявшихся выполнять свой профессиональный долг «в захолустье», а, наоборот, гордившихся своей благородной миссией. Более того, Горичева как религиозный философ должна знать из Ветхого завета, как Бог-отец поступал с городами, в которых люди потеряли стыд. Сегодня горожане спокойно живут в городах, значит, есть еще люди, имеющие совесть и стыд. И таких, видимо, большинство.

Наиболее серьезные расхождения в позициях Горичевой и Кармина возникают при анализе исторической роли христианства, и в частности православия. Для Горичевой «распятие и воскресение Господа Иисуса Христа образуют две крайних точки святости – нет смыслов более высоких, более сильных и более неуловимых в истории европейской культуры». Далее христианский философ, зная реалии Западной культуры не только по литературным источникам, пишет еще в 80-е годы, что «в Европе мы живем как во сне. Забытие реальности происходит оттого, что забыты ценности (!). Церковь потеряла власть». И с этим трудно не согласиться. Сегодня на место традиционных нравственных, политических, семейных ценностей приходят заблуждения, которые в духе Горичевой можно назвать бесовскими. «Элита США требует организации общественной жизни не по законам, а по «правилам». Криминальные круги откровеннее говорят о жизни «по понятиям», что, в общем, то же самое... Высшая ценность – Бог, перестав существовать, лишила опоры и весь остальной космос ценностей...» [1, с. 9]. Видимо, Горичевой как христианке следовало уточнить, что перестал существовать не Бог, а признание существования Бога в современной массовой культуре. Не могу не вспомнить, как в Стокгольме зашел вечером в католический храм, двери которого открыты круглые сутки. В храме кроме меня были еще два туриста из России и один верующий местный католик.

Как последовательная христианка Горичева не может не обратиться к эсхатологии, к идеям неизбежного конца света. В России вряд ли в социальных науках станет привычным позитивизм как воздержание от оценочных суждений, поэтому не могу отказаться от оценки приведенных Горичевой цитат за-

падных деятелей культуры, считающих современные науку и технику предвестниками апокалипсиса, чудовищными и совершенно безнравственными. «Чернобыль явился в нужное время. Возблагодарим за него Небо, кто бы не был его обитателем», – сказал Умберто Эко. По мнению таких мыслителей, катастрофы выполняют регулятивные функции, подобно очистительному ритуалу, подобно гневу богов. А то, что в катастрофах гибнут люди, об этом можно не вспоминать, это, как сейчас говорят военные стратеги НАТО и Украины, «сопутствующие потери» при достижении целей, которые оправдывают средства. Более того, Западная культура внедрила в сознание общества ассоциативный ряд «Чернобыль – ядерная катастрофа – Советский Союз – Россия». О том, что первая ядерная трагедия с гибелью сотен тысяч людей – это бомбы, сброшенные США на мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, на Западе предпочитают не вспоминать. А первым алармистом, выступившим раньше религиозных философов, был великий физик, академик А. Д. Сахаров. Впрочем, Горичева о своем отношении к приведенным эсхатологическим цитатам умалчивает, но тем не менее обвиняет ученых, по-моему, напрасно, в том, «что сегодняшней мир не только разрушается, но и погружается в густую сеть магических взаимосвязей, страхов, заклинаний» [1, с. 10]. И все-таки в мироощущении Горичевой побеждает оптимизм: «Велико ожидание чуда. А там, где ждут чуда, оно происходит. Так из ада совершается прыжок в рай. Это в России» [1, с. 22].

Иное, но в чем-то созвучное идеям Т. Горичевой отношение к православию мы находим у А. С. Кармина. Принятие христианства князем Владимиром. Кармин расценивает как «великий исторический выбор» [1, с. 104]. Православие оказалось духовной силой, которая скрепляла русские княжества и толкала русский народ к объединению. Православие помогло выстоять против давления как Востока, так и Запада. Кармин справедливо высоко оценивает влияние православия на народную нравственность, грамотность, зодчество, искусство. Православие повлияло на правовые нормы Руси. «Русская Правда», первый кодекс законов, пронизана религиозным духом. В то же время в оценке православия Анатолий Соломонович затрагивает и дискуссионные вопросы. Так, теория инока Филофея, которую он называет гордой, объявившая Москву «третьим Римом», повлияв на национально-государственную идеологию, породила имперские амбиции и завоевательные устремления русского царизма. Российское государство стало расширяться – главным образом за счет присоединения слабонаселенных азиатских просторов. И эту имперскую политику А. Кармин оценивает как «трагическую» [3, с. 105].

Как известно, история не знает сослагательного наклонения, а следовательно, оценивать однозначно возможные варианты развития исторических событий невозможно. Однако вряд ли российские цари, проливая кровь народа при расширении российских территорий, исходили исключительно из идей Филофея. Было немало и других причин, более земных и прагматичных. Кстати, ни Великобритания, ни США, ни Испания, ни Португалия не говорят о своем имперском прошлом в трагических тонах. Выжила бы Россия, оставаясь в пределах Киевского княжества, – вопрос открытый. Дискуссионным остается и во-

прос – действительно ли у России не оставалось сил на культурное развитие завоеванных народов? В действительности, в отличие от Западных метрополий, откровенно грабивших колонии, Россия всегда, отказывая часто во многом коренному народу, развивала экономику и культуру присоединенных, нередко добровольно, народов. Достаточно сравнить советскую Украину и самостоятельную сегодняшнюю, занимающую последнее место в Европе по доходам населения и первое по уровню коррумпированности. А для того чтобы более адекватно оценить значение имперской политики России, представим уровень безопасности нашей страны, если бы Крым оставался в руках крымских татар, а значит, в руках исламской Турции в составе НАТО. Дискуссионным является и тезис Кармина о том, что православие оказалось одной из важных причин духовной границы между Россией и Западной Европой, где доминирует католицизм. Следует обратить внимание, что Греция, являясь православной страной, является довольно тесно интегрированной в западную цивилизацию, являясь членом НАТО и ЕС. Не препятствует интеграции с Западом и православие Болгарии. Видимо, основанием для включения в западный мир, его политические и экономические структуры является потеря политической субъектности и готовность признавать гегемонию англо-саксонской культуры Великобритании и США. Россия же всегда стремилась самостоятельно решать свою судьбу.

В рамках статьи невозможно завершить сравнительный анализ творчества двух известных философов, анализирующих реальность с разных позиций, но для меня несомненно, что необходимо возрождение атмосферы философских дискуссий, в значительной степени утерянной на рубеже веков. В споре рождается истина – этот афоризм должен стать главным методом и стилем философствования.

Библиографический список

1. Горичева, Т. М. Православие и модернизм / Т. М. Горичева. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – Текст : непосредственный.
2. Иванов, М. В. Жизнь и творчество Анатолия Соломоновича Кармина / М. В. Иванов. – Текст : непосредственный // Карминские чтения : материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы философии, психологии, конфликтологии и высшего образования», посвященной 80-летию А. С. Кармина. – Санкт-Петербург, 2011.
3. Кармин, А. С. Культурология : учебник / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург : Лань, 2001. – Текст : непосредственный.

Свойства права в свете диалектики правовой реальности

Ключевые слова: *абсолютность и относительность, конкретность и абстрактность права.*

В статье утверждается, что право с позиций диалектики характеризуется такими свойствами, как абсолютность и относительность, конкретность и абстрактность. Под относительностью права понимается неточное и неполное регулирование общественных отношений, под абсолютностью права – абсолютно точное и полное регулирование общественных отношений. Право конкретно в том смысле, что выступает регулятором общественных отношений только в определенных условиях. Право абстрактно в силу того, что оно регулирует только один вид общественных отношений и абстрагируется от иных.

С диалектических позиций право, понимаемое в широком смысле, можно рассматривать в виде следующей теоретической модели [1]. Право развивается, т. е. качественно меняется в правовой реальности [2]. Оно развивается по диалектическим законам [3]. Право развивается в направлении к правовому идеалу, хотя движение к нему идет через противоречия и борьбу. Опираясь на данную гипотезу и диалектические воззрения на развитие мира, можно утверждать, что право обладает рядом общих свойств.

Объективность права состоит в том, что содержание права в той или иной мере соответствует объективной справедливости и не зависит от человека, от субъекта. Одновременно с этим, *право субъективно* в том смысле, что форма выражения и закрепления содержания права зависит от субъекта. Эти два свойства права уже рассмотрены нами ранее [4].

Право абсолютно и относительно. Мы утверждаем, что право объективно по содержанию. Однако может ли право сразу, в определенный момент полностью и абсолютно точно выразить объективную справедливость. С диалектических позиций право не может этого достигнуть в любой момент истории. Право способно лишь постепенно приближаться к правовому идеалу, проходя через ряд заблуждений, ошибок и противоречий.

Право регулирует общественные отношения с разной степенью точности и полноты. Под *относительностью права* понимается неточное и неполное регулирование общественных отношений, под *абсолютностью права* – абсолютно точное и полное регулирование общественных отношений.

С точки зрения диалектических принципов всеобщей связи и развития право следует рассматривать в широком социальном и историческом контексте. Одна и та же норма права в одном контексте может выступать как абсолютное право, а в другом – как относительное. Например, ст. 81 Конституции РФ гласит: «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет». Если ставится задача отрегулировать минимальный возраст гражданина России, которого он должен достигнуть, что-

бы быть избранным президентом РФ, то такая норма исчерпывающе точно и полно решает задачу. Следовательно, в отношении этой задачи данная норма является абсолютным правом. Однако если задача ставится в широком контексте о том, чтобы отрегулировать не только возраст, но и иные требования к кандидату в президенты, а также порядок избрания президента, порядок прекращения полномочий, в том числе и порядок досрочного прекращения полномочий, то в существующем институте президента РФ сразу будут заметны пробелы и неточности. Таким образом, в контексте этой широкой задачи данная норма выступает как относительное право. В целом можно утверждать, что едва ли можно построить отрасль или даже институт права, которые были бы лишены дефектов или пробелов.

Всякое право относительно, так как оно ограничено конкретными условиями, и за их пределами остаются отношения, которые отрегулированы неточно и неполно. Но вместе с тем во всяком праве, несмотря на его относительность, есть зерно абсолютно точного и полного регулирования, поскольку этой крупинки достаточно для однозначного решения конкретной, возможно, очень узкой задачи.

Эта «крупинка» абсолютного права и есть то, что придает относительным правилам объективный характер. Если бы в праве не было ни крупинки абсолютно точных норм, то оно было бы полностью релятивным, субъективным, построенным по софистическому принципу: «Чья власть, того и право». Чем больше растет объем относительного права, тем больше крупинки абсолютного права накапливаются в праве, т. е. на все более широкий круг задач право дает точное и полное решение в конкретных аспектах. Хотя в других аспектах оно должно еще уточняться и дополняться.

Диалектическое развитие права осуществляется так, что из относительно права через противоречия и борьбу складывается абсолютное право в предельно общем смысле. Здесь абсолютное право предстает в виде правового идеала, который достигает абсолютно точного и полного решения всех задач правового регулирования социального мира. Абсолютное право как правовой идеал есть предел, к которому общество способно бесконечно стремиться, никогда не достигая его.

Например, в настоящее время правовым идеалом можно считать концепцию конституционализма. Вот как ее определяет один из самых видных специалистов по конституционному праву С. А. Авакьян: «Конституционализм – это сложная общественно-политическая и государственно-правовая категория, основу которой составляют идеалы конституционной демократии (т. е. демократии, базирующейся на наличии конституции как особом документе государства и общества), наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и система защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом. Конституционализм – это идеал, к которому должно стремиться общество, идущее по пути социального прогресса» [5, с. 304–305].

Движение к правовому идеалу нельзя представлять в виде простого суммирования бесконечного числа регуляторов относительного права. Право – это

не склад, где регуляторы хранятся на полочках рядом друг с другом. Развитие права идет не по кумулятивной модели, когда одни регуляторы просто прибавляются к другим. В истории известны правовые революции, когда одна правовая парадигма, господствующая на протяжении столетий, сменяется качественно новой парадигмой. Выражаясь языком диалектики, происходит скачок из одного качества в другое. В связи с этим происходит переоценка старых принципов, норм, институтов права. Появляется что-то новое в новой парадигме, что-то сохраняется и переносится из старой, что-то отбрасывается из прежней парадигмы. Некоторые правовые регуляторы оказываются слишком грубыми и неточными, а потому непригодными для решения новых задач правового регулирования в изменившихся исторических условиях. В какие-то положения, которые считались ранее абсолютными, приходится вносить уточнения. Например, при совершении буржуазных революций в Европе решительным образом были пересмотрены феодальные принцип неравенства сословий и принцип несвободы крестьян.

Для того, кто принимает диалектическое единство абсолютного и относительного в праве, остаются одинаково неприемлемыми как *догматизм*, возводящий относительное право в Абсолют, превращающий право в незыблемые, не подлежащие никаким изменениям догмы, так и *релятивизм*, провозглашающий, что право только относительно и не содержит в себе ничего абсолютного (следовательно, и объективного).

Догматическая тенденция опасна тем, что не замечает относительность права, ведет к застою регулирования, фанатическому фундаментализму и неспособности принимать новые правовые нормы, которые более эффективно могут решать задачи правового регулирования общественных отношений. С другой стороны, релятивистское отрицание момента абсолютности в праве означает, что ни по какому вопросу регулирования мы не имеем и в принципе не можем иметь точного и однозначного решения.

Право конкретно и абстрактно. Соотнесение права с реальностью всегда осуществляется при определенных условиях. Поэтому невозможно говорить о праве как справедливом регуляторе общественных отношений абстрактно, т. е. без учета этих условий.

Право конкретно в том смысле, что оно выступает регулятором общественных отношений только в определенных, конкретных условиях.

Норма права определяется в теории права через философскую категорию «мера». Норма права – мера определенного поведения, ограниченная рамками конкретных условий. В философии мера понимается как граница бытия объекта. Мера – конкретные количественные границы, в рамках которых существует определенное качество. Например, смелость как определенное качество поведения имеет свои пределы, свою меру. С одной стороны, она граничит с трусостью, а с другой – с безрассудством. Щедрость имеет свою меру. Щедрость не может возрасти количественно до бесконечности – перейдя определенную точку, она превратится (совершит скачок) в расточительность. Если щедрость будет количественно уменьшаться, то, перейдя некоторую границу, она превра-

тится в скупость. Таким образом диалектика утверждает, что определенная форма поведения имеет свои границы, которые заданы конкретными условиями или обстоятельствами. Когда определенное поведение переходит эти границы, оно превращается в поведение иного качества или в качественно новое поведение.

Например, свобода слова в праве имеет свои границы. Гражданину запрещено разглашать государственную тайну, распространять клеветнические сведения или разжигать межнациональную рознь. Запреты в праве также имеют свои границы. Убийство в праве запрещено. Однако в условиях войны на поле боя убийство врагов считается героическим поступком. Небезграничными выступают и нормы-обязывания. Так, согласно ст. 88 Конституции РФ Президент Российской Федерации обязан вводить чрезвычайное положение на территории РФ, но только «при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом».

В структуру нормы права входит не только собственно само правило или предписание, распоряжение (диспозиция), но и гипотеза, в которой указываются условия, при которых диспозиция вступает в действие. Без диспозиции норма пуста, а без гипотезы норма слепа (она не знает, где и когда ей вступить в действие). Норма права рассматривается как микрозакон государства. Норма права в некоторой степени подобна физическим законам. Физический закон действует только при определенных условиях. Например, законы механики Ньютона справедливы только для невысоких скоростей. Однако там, где скорости приближаются к скорости света, действуют законы Эйнштейна.

Таким образом, право без указания конкретных условий его действия теряет смысл и перестает быть правом как справедливым регулятором общественных отношений.

Употребление права за пределами определенных условий может превращаться в злоупотребление правом, или право становится неправом. Должностное лицо, которое превышает свои должностные полномочия, совершает должностное преступление. Злоупотребление правом совершает и простой гражданин, когда занимается разжиганием религиозной розни, переходя границы свободы слова. Злоупотребляет правом преподаватель, который, критикуя правительство, призывает к свержению конституционного строя. Основной закон ФРГ указывает, что свобода преподавания не исключает верности конституции. Одновременно с этим ст. 18 Основного закона ФРГ гласит: «Каждый, кто использует свободу выражения мнений, свободу печати, свободу преподавания, свободу собраний, свободу объединений, тайну переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений, право собственности или право убежища для борьбы против основ свободного демократического строя, утрачивает эти основные права. Утрата прав и ее пределы определяются решением Федерального конституционного суда».

В повседневной жизни люди часто даже не осознают все те условия, из которых они исходят, когда признают какие-то определенные положения как право либо как неправом. Нередко споры о праве между обычными гражданами и даже юристами возникают из-за того, что строго не очерчиваются условия, при которых

«спорные» положения признаются правом. В юридической практике иногда приходится указывать и строго фиксировать определенные условия, чтобы доказать недобросовестным адвокатам, какая норма должна применяться в данном юридическом деле, а какая нет. Принцип конкретности права как раз и требует того, чтобы судить о праве и его применимости с учетом конкретных условий, при которых оно относится к действительности. Если это не делается, то отношение права к действительности может оказаться настолько неясным, что вопрос о том, являются ли те или иные положения правом, будет невозможно решить.

Одновременно с этим хорошо известно, что право регулирует далеко не все возможные отношения между субъектами. В обществе человек связан с другими людьми множеством разнообразных социальных связей: моральных, бытовых, политических, религиозных, этнических, культурных, эстетических и т. д. Юридические отношения являются одними из самых значимых, но далеко не единственными. Право регулирует правоотношения и отвлекается или абстрагируется от иных нередко весьма важных для человека отношений. Человек сквозь призму права предстает абстрактным субъектом, вырванным из множества социальных связей, которые право не рассматривает. Таким образом, право упрощает и огрубляет реальность, делает ее абстрактной, не рассматривает реальность во всей ее полноте и многообразии. Право стремится восполнить этот пробел: вводит смягчающие и тяготеющие обстоятельства при рассмотрении уголовных дел, использует судебные или административные прецеденты в качестве юридических источников права, допускает судебное усмотрение и т. д.

Однако праву не удастся полностью преодолеть абстрактный взгляд на реальность. И реальность, можно сказать, «мстит» праву за это. Очень часто люди недовольны судебными решениями. Право обвиняют в формализме и «бездушном» отношении к людям. Граждане, не найдя понимания у юристов, часто обращаются к альтернативным способам решения споров: медиации, переговорам, третейскому суду или идут к священникам, психологам, старым и верным товарищам.

Право абстрактно в том смысле, что оно регулирует только один род отношений между субъектами и отвлекается, абстрагируется от иных весьма разнообразных и значимых отношений между субъектами.

Библиографический список

1. Философский анализ социальной реальности изложен : учебник для вузов / А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий. – Санкт-Петербург, 2010. – Текст : непосредственный.
2. Теоретический анализ правовой реальности : учебник / под редакцией Г. Г. Бернацкого. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – Текст : непосредственный.
3. О диалектике в праве : учебник для магистров. В 2 ч. / под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Норма, 2019. – Текст : непосредственный.
4. Объективность и субъективность права. Карминские чтения. Актуальные проблемы философии, культурологии, психологии, конфликтологии, права и образования : материалы V Национальной с международным участием научно-практической конференции. 12–13 ноября 2020 года. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2021. – С. 58–63. – Текст : непосредственный.
5. Конституционное право. Энциклопедический словарь / под редакцией С. А. Авакьян. – Москва, 2001. – Текст : непосредственный.

МЕТОДОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ТРАНСПОРТЕ

Гут В. В.

Транспорт – материализация достижений адаптивного интеллекта

Ключевые слова: *адаптивный интеллект, преадаптация, практическое мышление, транспорт, функциональный (психологический) орган, эвристики, ценность, колесо.*

Скорость как ценность

Жизнь в современном мире можно очень емко охарактеризовать одним словом – «спешка». Современного человека часто сравнивают с белкой в колесе, которая практически никогда не останавливается. Неудивительно, что одной из основных характеристик современного мира является скорость: добраться в пункт назначения как можно быстрее, чтобы успеть что-то сделать. Сначала человек приручил ездовых животных, а после изобретения колеса наземные транспортные средства эволюционировали до вида современных автомобилей. С их помощью люди приспосабливаются к увеличивающимся скоростям жизни. Поскольку все изобретения требовали находчивости, то все виды транспорта – это плод работы адаптивного интеллекта или материализованные усилия ума.

В плане скорости протекания социальных и психических процессов жизнь становится стремительной, так что если современный человек хочет не только выжить, но и быть успешным, ему приходится адаптироваться к тому, к чему никогда не был адаптирован.

Но есть и другая модель жизни: выбрать стиль *slow life* – выиграть время, делая только важные для вас вещи в комфортном темпе, получая от этого удовольствие. Привычка быть все время занятым – это показатель целеустремленности, амбициозности, востребованности, других качеств, присущих высококвалифицированному сотруднику. Но помимо статусности акцентирование на занятости может вскрывать желание сохранить работу, когда ты показываешь начальнику, что выполняешь все и даже больше. Сторонники медленной жизни рассматривают свой стиль как проэкологический, здоровый и вполне продуктивный, несмотря на неторопливость [2].

Человек встает перед выбором: скорость – это ценность, но в погоне за скоростью люди теряют ощущение жизни. Поэтому человеку приходится выбирать между тем, чтобы погрузиться в жизнь, почувствовав ее поток, и стремлением к конечному результату. Но в том или другом случае человеку нужно будет приспосабливаться к уже сознательно выбранному им стилю жизни. А чтобы ускорять или замедлять темп, требуется интеллектуальная адаптация.

Говоря метафорически, у большинства людей есть педаль газа или педаль тормоза. Но чтобы погрузиться в жизнь и достигать своих целей, нужно освоить оба этих механизма и найти баланс между ними.

Преадаптация – неопредмеченная готовность (к встрече с неизвестным). «Феноменология неадаптивных проявлений в биологии, социологии и психологии, воспринимаемых как неудачи и ошибки эволюции, и привлекаемые для их интерпретации представления о преадаптации к непредсказуемому будущему из фона исследований превращаются в фигуру», – пишет А. Г. Асмолов. На основе этих фактов обосновывается гипотеза о преадаптации к неопределенности как стратегии навигации развивающихся систем. Асмолов доказывает, что именно преадаптация к неопределенности представляет собой ключевой инструмент порождения избыточности биологического, когнитивного, социального и психологического разнообразия [1]. Следовательно, в основе преадаптации лежит неспецифическая готовность адаптироваться к чему угодно. Преадаптивность является своего рода резервной готовностью, еще не знающей своего предмета – того, к чему надо будет адаптироваться.

Появлению потребности предшествует появление потребностного состояния, которое возбуждает систему. Тогда она переходит к общей ненаправленной активности – пробовать все, что может подойти, пока путем перебора всех возможных вариантов мы не найдем предмет своей потребности. Тогда преадаптация – неопредмеченная готовность, а адаптивный интеллект – инструмент поиска предмета адаптации. Причем такого поиска, который позволяет сократить время. Механизм сокращения времени поиска заключается в нахождении дополнительных характеристик его предмета.

Суть адаптивного интеллекта состоит в сокращенных схемах поиска необходимого решения (эвристик). Чем выше адаптивный интеллект, тем короче время поиска решения.

Что касается неопределенности, о которой пишет А. Г. Асмолов, то она снимается поступками человека, где совершение им выбора и есть механизм снятия неопределенности. А к органам управления человеком самим собой кроме «педалей» газа и тормоза добавляется еще и навигатор.

Адаптивный интеллект – психический орган решения задач на преодоление. Адаптивный интеллект – сравнительно новое понятие, по крайней мере, не распространенное в русскоязычной психологии, но как явление существует с незапамятных времен.

По Р. Стернбергу [3], адаптивный интеллект определяется как способность человека ставить и достигать лично значимые цели в своей жизни, учитывая имеющийся культурный контекст. Успешный умный человек достигает этих целей, выясняя свои сильные и слабые стороны, а затем извлекая выгоду из сильных сторон и исправляя или компенсируя слабости.

В отечественной традиции адаптивный интеллект может быть осмыслен как психический (функциональный) орган решения задач на преодоление. Психический или функциональный орган – это неанатомическое образование психических процессов, предназначенное для выполнения некой функции (А. А. Ухтомский, А. Н. Леонтьев).

Существуют разные виды интеллекта, но именно адаптивный интеллект нужен, чтобы решить специфические прикладные задачи, и он ложится в осно-

ву практического мышления. Этот тип мышления характеризуется следующими переменными, которые частично нашли отражение в нашей работе с испытуемыми, но более детально в работе экспертов.

Переменные ситуации:

- наличие угрозы – жизни, успеху, комфорту, престижу, самолюбию и пр.;
- ограниченность ресурсов – времени, сил, денег, инструментов, материалов и т. п.;
- невозможность выхода из сложившейся ситуации без существенных потерь.

Переменные адаптивного интеллекта, обеспечивающего процесс решения задачи на преодоление (для успешного решения):

- скорость решения – требуется решить проблему вовремя, а не «потом»;
- наличие веры в себя, владение собой;
- оригинальность найденного решения, его изящность;
- ресурсная целесообразность (в частности, экономичность), разумное количество задействованных средств;
- коммуникативная компетентность выше средней (факультативно);
- установка на сотрудничество (факультативно);
- присутствие везения/удачи (факультативно).

Все многообразие способов решения задач на преодоление (адаптацию) может быть оценено через приведенный набор переменных, каждый прием в той или иной степени будет задействовать определенный набор этих переменных.

Материальная культура – продукт адаптивного интеллекта. Материальная культура возникла на самых ранних этапах антропогенеза. Проще говоря, это весь предметный мир, созданный человеком: домашняя утварь, одежда, оружие, украшения, всевозможные приспособления, элементы интерьера жилища и архитектурные сооружения. Основная функция материальной культуры заключается в адаптации человека сначала к природным, а потом и социальным условиям жизни. И являет собой результат адаптации к человеку природы и общества – преобразование в орудие (средство) их изменения.

Каждый предмет, созданный человеком, обладает определенным смыслом, значением, функцией. Одной из функций создаваемых предметов была помощь в выживании. Остальные функции, такие как обеспечение комфорта, престиж, красота, эстетическое удовольствие и прочие, стали появляться позже, когда вопрос выживания перестал стоять так остро или отпал вообще.

Изобретение колеса – одно из величайших открытий в истории человечества и один из кульминационных моментов по приспособлению окружающего человека мира под свои нужды. До этого человек знал помимо пешего хождения и мореплавания еще два вида передвижения – верховую езду и перемещение тяжестей на волокушах из шестов, веток или шкур.

Многие человеческие изобретения, от самолета до застежки-молнии, скопированы у природы. Но колесо – эксклюзив людей. Его нет ни в растительном, ни в животном мире. Правда, идея колеса могла возникнуть из наблюдения за жуком-

навозником или растением перекаати-поле. Или колесо было придумано по аналогии с гончарным кругом. Возможно, предшественником колеса было пряслице – деревянное или каменное кольцо, которое надевалось на ось веретена и служило утяжелителем, позволяя дольше сохранять вращение. И как веретено предшествовало появлению пряслица, а умение обжигать глину – гончарному кругу, колесу в транспорте предшествовали другие способы перемещения тяжестей.

Изобретение колеса как основы наземного транспорта дало толчок к развитию науки. Так, оно применяется в астролябии и других научных инструментах. В механике широко используются шестеренки. Важное значение колеса в хозяйственной сфере отразилось в его метафорическом обожествлении в виде «вечного вращения», перерождения и т. д. В различных культурах колесо является символом движения солнца, в буддизме оно символизирует закон и истину, колесо Сансары, симметрию, перемены.

Платон в своей «Республике» высказал мысль, ставшую афоризмом: «Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рожают слабых людей. Слабые люди создают трудные времена. А трудные времена рожают сильных людей». Это высказывание тоже говорит о цикличности смены людей и времен, похожей на вращение колеса. Кроме того, о формировании у людей навыков адаптивного интеллекта в трудных ситуациях и о регрессе этих навыков в условиях изобилия и достатка.

Обращаясь к выделенным выше параметрам/переменным ситуаций с задачей на преодоление, можно операционализировать трудные времена по Платону как:

- угрожающие жизни (или прежней жизни);
- критический дефицит ресурсов и невозможность их получить;
- невозможность покинуть ситуацию, не решив ее или с неприемлемыми потерями ресурсов.

В таких условиях отсутствует возможность не адаптироваться, вернее, она равносильна смерти. А выживают те, кто смог адаптироваться или приспособиться. «Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспособляется к изменениям» (Ч. Дарвин).

Сильные люди, рожденные в трудные времена, – это приверженцы идеи стремления к результату любыми путями. Их стремление настолько сильно, что оно изменяет пространство и время, в результате чего создаются хорошие времена, когда люди настолько погружаются в получение удовольствия от жизни, что теряют над ней контроль. Этот круговорот сильных и слабых людей так и будет продолжаться, пока мы не овладеем навыками адаптивного интеллекта, найдя баланс между эффективностью и ощущением жизни.

С момента изобретения колеса транспорт стал инструментом, который имеет самое большое значение в истории человечества. Возможно, с ним конкурируют только компьютеры: здесь важна скорость передачи данных, а в транспорте – скорость перевозки пассажиров и грузов.

Адаптация «на колесах». Транспортные средства как устройства повышенной ответственности и опасности доверяют только людям, получившим специальный документ (права), людям с достаточно развитым адаптивным ин-

теллектом. Аварии есть результат ошибки, признак того, что человек не успел адаптироваться к быстро изменившейся ситуации, – сработал человеческий фактор.

Адаптивный интеллект перестраивает не только себя, но и адаптирует под себя и саму реальность: строительство дорог, строительство железных дорог, добыча полезных ископаемых и т. д. Поэтому традиции и наработки развития транспорта могут пролить свет на то, что такое адаптивный интеллект и как он развивался.

Существующие виды транспорта – автомобильный, железнодорожный, судходный, воздушный и космический – развиваются относительно независимо друг от друга. Но их развитие подчиняется общим принципам и общей логике: увеличение скорости, увеличение грузоподъемности, снижение числа аварийных ситуаций за счет устранения ошибок из-за человеческого фактора. Так, автопилоты на самолетах существуют уже давно, а автопилоты для автомобилей только начинают выходить в массовый выпуск. Можно сказать, что автоинженеры подсмотрели эту идею у самолетов.

Существуют и гибридные виды транспорта вроде гидросамолетов или автомобилей типа Джеймса Бонда, которые могут съехать с дороги, оказаться в воде и превратиться в мини-субмарину. Человек пытается максимально адаптироваться к изменяющимся условиям среды, стараясь создать универсальное транспортное средство, что-то вроде органайзера, как смартфон, который совместил функции калькулятора, фотоаппарата, видеокамеры, записной книжки, ежедневника, игрового устройства и т. д.

В начале октября 2022 года компания XPeng на выставке Gitex Global 2022 в Дубае продемонстрировала посетителям электрический летающий автомобиль с вертикальным взлетом и посадкой, который получил название XPeng X2. Согласно последним данным XPeng X2 сможет летать на высоте до 1000 метров. На полном заряде аккумуляторной батареи можно летать до 35 минут со скоростью до 130 км/ч. Так, в логику анализа стоит включать и прототипы, которые задают вектор будущего развития транспорта и адаптивного интеллекта.

Жизнь на нашей планете миллионы лет эволюционировала, приспособляясь к изменяющимся условиям. Люди тоже эволюционируют, но не только с помощью заложенного в нас природой потенциала, но и с помощью интеллекта. Используя адаптивный интеллект, люди научились летать без крыльев, плавать без перепонки, долгое время находиться под водой без жабр и быстро передвигаться по земле, обгоняя гепардов. Если мы поймем логику адаптивного интеллекта, то поймем логику эволюции через цивилизацию. И тогда сможем изобрести что-то такое же фундаментальное, как колесо, что может поднять человечество на новый уровень развития.

Ресурс как ценность. Какой бы выбор ни совершил человек, какую бы ценность ни выбрал, ему все равно потребуется инструмент реализации своего решения – речь идет об адаптивном интеллекте.

Люди сделали такой инструмент, как автомобиль с удобными органами управления: педали газа и тормоза, коробка передач и рулевое колесо. А теперь

нам нужно их интериоризировать, чтобы так же легко управлять собой, как мы управляем автомобилем на дороге, прокладывая маршрут в нужное место и добираясь туда кратчайшим путем, минуя пробки.

Человек, в отличие от компьютера, не перебирает все варианты подряд, а сокращает время поиска, потому что время – ценный ресурс. Таким инструментом являются эвристические схемы – они сокращают время поиска решения. Адаптивный интеллект, сам будучи ресурсом, позволяет экономить многие другие ресурсы. Это для него не самоцель, не самоценность – экономить разные ресурсы, не только время. При выборе стратегии жизни, где есть баланс между эффективностью и ощущением жизни, адаптивный интеллект раскрывает свой потенциал через использование человеком всех органов управления самим собой. Продолжая метафору автомобиля, адаптивный интеллект по функции подобен навигатору, позволяя найти решение в ситуации с задачей на преодоление (давления обстоятельств, сопротивления участников, дефицита знаний или умений...). Чем эвристичнее настроен этот функциональный орган преодоления сопротивления и неизвестности, тем экономнее и изящнее будет найденное решение.

Библиографический список

1. Асмолов, А. Г. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2017. – № 4. – С. 3–26.

2. Kim, M. J. Wellness Pursuit and Slow Life Seeking Behaviors: Moderating Role of Festival Attachment / M. J. Kim, C.-K. Lee, J. S. Kim, J. F. Petrick. – Sustainability, 2020. <https://doi.org/10.3390/su11072020>. – Текст : электронный.

3. Sternberg, R. J. Adaptive Intelligence. Surviving and Thriving in Times of Uncertainty / R. J. Sternberg. – Cambridge University Press (February 4, 2021). – 282 p. – Текст : непосредственный.

Демакова Л. Е.

Адаптация водителей-эмигрантов к транспортным законам Германии (постановка проблемы)

Ключевые слова: *адаптивный интеллект, психологическая состоятельность, медико-биологическое обследование, ситуация, адаптивное решение, неадекватное решение.*

Любая эмиграция связана с необходимостью решать множество нестандартных (для эмигранта) задач в стандартных (для принимающей страны) ситуациях. Частный случай адаптации к новым культурным условиям у лиц, сменивших страну проживания, – адаптация водителей-эмигрантов к новым для них транспортным законам, к традициям дорожного поведения, к особенностям национального мышления. Это хоть и частный, но весьма важный процесс как по субъективной значимости, так и по последствиям в случае ошибок или неудач.

За каждой ошибкой стоит дефицит, в частности, такого важного психологического ресурса, как адаптивный интеллект.

Р. Штернберг определяет адаптивный интеллект как умственную деятельность, направленную на адаптацию, выбор и формирование среды, которая включает в себя набор навыков, отношений и поведения, основанных на креативном, аналитическом, практическом мышлении и мудрости [1]. Или более кратко: адаптивный интеллект – это способность принимать оптимальные решения в рамках нестандартно заданного контекста внутренних и внешних ограничений. Поэтому для оценки эффективности того или иного решения нужно хорошо понимать субъективную реальность его владельца [2].

Покажем, как проявляет себя адаптивный интеллект, точнее, его недостаток, на примерах, взятых из практики экспертной работы психолога в составе медико-психологической комиссии (в Германии).

Случай 1 – лишение водительских прав из-за ментальной ригидности водителя автомобиля. Врач из Санкт-Петербурга, 63 года, живет в Германии уже несколько лет. По законам Германии людям, приехавшим из стран, не состоящих в Евросоюзе, имеющим водительские права своей родной страны, разрешено законно участвовать в дорожном движении только шесть месяцев. После этого необходимо пересдать экзамены и получить права немецкого образца. Зная это, врач все же не счел нужным это сделать, ссылаясь на нехватку времени и большое количество личных проблем. Так как права в данном случае у него были российские, соответственно, из страны, не входящей в Евросоюз, забрать их власти не имели права. Но разрешение на участие в дорожном движении у него было изъято.

Привычная логика – у меня есть права, значит я могу ездить – у водителя осталась. Точно так же приезжие и из других стран, где законы работают не столь строго, приезжают с легковесным отношением «как-нибудь решу». Смею предположить, что в таких случаях адаптивный интеллект и не включается, так как нет понимания значимости происходящего. Поскольку уровень обеспеченности этого человека был достаточно высок, штрафы, которые он оплачивал, не являлись значимым наказанием, чтобы изменить его отношение к ситуации. Соответственно, что-то менять и в своем поведении человек не собирался. К чему это привело?

Чтобы доказать свою физическую и психологическую состоятельность быть членом дорожного движения, данный эмигрант был обязан пройти медико-психологическое обследование. Чтобы получить положительный результат, мужчина прошел необходимое количество бесед с психологом, специализирующимся на таких случаях. Сознательно работа была проведена, основные моменты обговорены. Прогноз медико-психологического обследования был положительным. Но так как адаптивный интеллект в его случае так и не был задействован, результат оказался плачевным. За пару недель до такого обследования он опять совершил проступок, его опять остановили полицейские дорожного патруля, что привело к аннулированию позитивного прогноза.

Часто в похожие ситуации попадают люди, временно приехавшие в Германию из других стран работать. Им также разрешено только шесть месяцев ездить в Германии на национальных правах.

Случай 2. Молодой человек, 34 года, приехал с семьей из Молдавии в Германию жить и работать. Через полгода его разрешение на участие в дорож-

ном движении закончилось. Так как он был единственным кормильцем в семье из четырех человек, он не мог себе позволить остаться без работы. При этом он плохо владел немецким языком, что затрудняло не только поиск другой работы, но и – это важно в контексте данной темы – прохождение экзамена на подтверждение водительских прав. Поэтому на предложение купить в Польше фиктивные права он не отказался. С этим документом он проездил всего месяц, после чего его остановила дорожная полиция и выяснила, что права фальшивые. В данном случае адаптивный интеллект не был задействован, что, во-первых, привело к большому штрафу и, во-вторых, к необходимости пройти не только экзамен, но еще и медико-психологическое обследование, что повлекло за собой еще большие финансовые затраты.

Случай 3 – дорожный инцидент из-за эмоциональной дестабилизации, в основе которой лежат национальные привычки. Молодой человек приехал с семьей из Косово. Он стремился как можно быстрее закончить ремонт в квартире, в которую хотел перевезти семью. У него двое маленьких детей и отсутствие других родственников в Германии. Поэтому ремонт и все дела в строительном магазине они делали всей семьей – так, как это принято на их родине («это нормально»), к тому же не на кого было оставить детей.

В той поездке в салоне автомобиля между детьми лежала штанга для гардин. Дети были уставшими в конце дня, начали шуметь в машине, вылезать из детских кресел. В какой-то момент кто-то из детей толкнул штангу для гардин, та ударила водителя по голове, что его очень испугало. Первая неосознанная реакция была резкое торможение. Хотя он и затормозил резко, но понял, что опасности нет, поэтому он смог дальше набрать скорость и продолжить ехать в нужном ему направлении. Однако он не обратил внимания, что его некорректная реакция (торможение) имела последствия. В момент его резкого торможения участница движения, ехавшая сзади, не смогла резко затормозить. Женщина дернула резко рулем вправо, что привело к тому, что машину занесло и она выскочила на бордюр, пробив колеса машины. Пострадавшая вызвала полицию, объяснив, как все произошло. В итоге молодой человек был оштрафован за принуждение в дорожном движении и за самовольное удаление с места дорожно-транспортного происшествия. По законам Германии два преступления в одном случае является поводом для сомнения в психологической состоятельности водителя быть безопасным членом дорожного движения. Как следствие, водителей с такого рода проступками направляют на медико-психологическое обследование.

Адаптивный интеллект в данном случае не включился, иначе бы этой ситуации можно было бы избежать, если бы он до поездки в строительный магазин обдумал ситуацию. Попав в состояние сильного нервного напряжения, он не смог адекватно отреагировать на ситуацию.

Ситуация 4 – лишение водительских прав из-за большого количества мелких нарушений правил дорожного движения. В Германии существует система пунктов (баллов), которые начисляются за определенные нарушения. Набор

восемью пунктами (баллами) порождает высокую вероятность, что права на вождение автомобиля будут изъяты.

В подобную ситуацию попал предприниматель, владелец крупной строительной компании сорока лет. Как молодому владельцу ему часто приходилось принимать спонтанные решения, как, например, не опоздать на встречу с русской делегацией, но при этом превысить скорость и, возможно, получить за это штраф. Чаще всего в спонтанных ситуациях предпочтение отдавалось в пользу фирмы. Раньше в таком поведении проявлялся адаптивный интеллект: чтобы не опоздать на встречу, лучше поехать быстрее, не обращая внимания на ограничения скорости, так как потери от несостоявшегося договора будут значительно выше, чем штраф за превышение скорости. При этом опасности на дороге, которые могли бы привести к непоправимым последствиям, со временем субъективно все больше теряли свою значимость. Как обозначил это сам владелец фирмы, ему приходилось рисковать, чтобы фирма выжила. При этом такие риски он воспринимал как опыт, а не как проступки. Поэтому дальнейшее поведение, подкрепленное адаптивным интеллектом, приводило к неоднократным правонарушениям, пока права на вождение автомобиля не были изъяты. Как результат – прохождение длительных процедур по «адаптации» – переосмысливание ситуации, работа с психологом по коррекции отношения к правилам дорожного движения, реструктуризация бизнеса, запрет на вождение автомобиля сроком на 12 месяцев и существенные финансовые траты на штрафы и самообследование.

Случай 5 – алкоголь за рулем. Полицейский-криминалист, 47 лет. Рабочая встреча с коллегами сопровождалась алкоголем. Привычный алкогольный напиток этого человека – вино. В тот день он начал с вина, чуть позже один из присутствующих принес самогон собственного приготовления. По словам нашего героя, самогон не имел вкуса алкоголя, легко пился. Из-за отсутствия привычки употреблять такой напиток, он не смог адекватно оценить ситуацию. После подобных мероприятий он не раз садился за руль автомобиля, что случилось и в этот раз. Закончилась поездка тем, что его остановили коллеги из дорожного патруля. По законам Германии этот полицейский лишился прав на вождение транспортного средства, так как на момент езды у него было обнаружено 1,86 ‰.

Здесь идет речь о двух случаях привлечения адаптивного интеллекта. С одной стороны, он сработал в привычной ситуации: выпил – поехал. Он уже адаптировался к таким случаям. С другой стороны – не сработал, так как при наличии в крови высокого уровня алкоголя, к которому нет привычки, не проявилась критичность, необходимая в данном случае.

Лишившись прав, перед ним опять-таки встает *задача на адаптивный интеллект*. Если он до этого пользовался только автомобилем, ему придется осваивать новые стратегии достижения необходимого результата (например, поездка на работу) в непривычных условиях (автобус, электричка, велосипед). Ему нужно будет учиться по-другому планировать время и распорядок дня, чтобы успеть сделать намеченное. Зачастую приходится привыкать быть от кого-то зависимым, как бы неприятно это ни звучало.

Случай 6 – сравнение двух решений (привычного и адаптивного) в одинаковых ситуациях.

Ситуация: грузовик подъехал к железнодорожному переезду на красный светофор, но шлагбаумы остались открытыми. Явное противоречие, нестандартная ситуация требовали срочного решения.

Неадаптивное решение: водитель 49 лет, подождав некоторое время, решил проехать через переезд. Как только тронулся с места, шлагбаум неожиданно закрылся, да так, что его стрела оказалась на кабине грузовика. Водитель вышел из машины посмотреть, что случилось. В этот момент показался поезд. Последствия были трагичны.

Адаптивное решение: водитель 52 лет повел себя совсем иначе – согласно местным традициям и привычкам и букве закона. Но для эмигранта это было проявлением нестандартта: он проинформировал полицейских, что шлагбаум не закрылся! Полиция приехала уже через пять минут и решила вопрос.

Большая часть приведенных ситуаций имеет схожие признаки. Во-первых, обыденные, стандартные для страны пребывания ситуации являлись по сути нестандартными для водителя-мигранта и для ее решения требовали применения адаптивного интеллекта, чтобы предупредить риски. Во-вторых, со своей стороны водители воспринимали их вполне стандартными и поэтому поступили привычным для себя образом.

Требуется исследовать условия или факторы, обеспечивающие гибкость при адаптации мигрантов к стандартным ситуациям в стране пребывания. А также необходимо разработать систему психологической поддержки мигрантов не только в культурной и организационной сферах, но и в сфере, связанной с дорожным движением. Несомненно, что законопослушность (как результат адаптации), выработанная в сфере дорожного движения, укрепит законопослушность и во всех других сферах социальной жизни.

Библиографический список

1. Sternberg, R. J. Adaptive Intelligence. Surviving and Thriving in Times of Uncertainty / R. J. Sternberg. – Cambridge University Press (February 4, 2021). – 282 p. – Текст : непосредственный.
2. Гут, В. В. Эвристический потенциал понятия «адаптивный интеллект» / В. В. Гут. – Текст : непосредственный // Материалы VI Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределенности». Кострома, 22–24 сентября 2022 г.

Трудовая мотивация и адаптационный потенциал сотрудников транспортного предприятия

Ключевые слова: *трудовая мотивация, адаптация, адаптационный потенциал, транспортная психология, мотивация успеха и боязнь неудач.*

Трудовая мотивация персонала предприятия зависит от внутренних и внешних факторов. В их числе можно отметить как обстановку на предприятии, условия труда и способность предприятия выплачивать высокую заработную плату, так и общую ситуацию в стране, общий уровень жизни населения. Исследование системы мотивации работников является главной задачей руководства предприятий. В настоящее время в условиях экономического кризиса происходят изменения в уровне жизни населения и сфере мотивации трудового персонала. Руководители как государственных, так и частных предприятий постепенно осознают, что выживание в условиях кризиса невозможно без поиска и использования новых современных технологий мотивации труда [4].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что мотивация трудовой деятельности является достаточно важным источником развития общества. Изучение мотивации необходимо по двум причинам. Во-первых, как потребители мы нередко становимся жертвой человека, не удовлетворенного своей работой и производящего либо некачественные товары и услуги, либо ненадлежащим образом выполняющего свою работу. Во-вторых, скорее всего, в течение ближайших 30–35 лет нам предстоит проводить на работе от одной трети до половины всего времени [1]. А это слишком большой отрезок жизни, чтобы прожить его в состоянии фрустрации и неудовлетворенности и чувствовать себя несчастным человеком.

Адаптация персонала в организации также является необходимым звеном кадрового менеджмента. Становясь работником конкретного предприятия, новый работник оказывается перед необходимостью принять организационные требования: режим труда и отдыха, должностные инструкции, приказы, распоряжения администрации и т. д. Он принимает также совокупность социально-экономических условий, предоставляемых ему предприятием. Он вынужден по-новому оценить свои взгляды, привычки, соотнести их с принятыми в коллективе нормами и правилами поведения, закрепленными традициями, выработать соответствующую линию поведения [3].

Цель нашего исследования – выявить и проанализировать особенности трудовой мотивации и адаптационного потенциала сотрудников транспортного предприятия. Исследование проводилось на базе Интернет-платформы Google Forms, анкеты распространялись через предприятие.

В исследовании принял участие 41 сотрудник транспортного предприятия в возрасте от 19 до 39 лет. Все респонденты мужского пола – граждане Российской Федерации, проживающие в Санкт-Петербурге и работающие электромон-

терами. Большая часть выборки имела высшее (45 %) и средне-специальное/техническое (42 %) образование, 11 % имели незаконченное высшее образование либо обучались на момент прохождения опроса, 2 % имели два и более высших образования. Стаж работы респондентов составил 52 % – от 1 года до 5 лет и 48 % – более 5 лет.

В соответствии с целью исследования были выбраны следующие методики [5]:

1. МЛЮ-АМ – многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, включающий следующие шкалы: достоверность, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность, личностный адаптивный потенциал.

2. Методика определения мотивации в работе Ф. Херцберга, адаптация Н. Типатова [7]. Данный опросник включает шкалы, отнесенные к двум группам факторов.

К гигиеническим факторам (минимальные удобства, которыми предприятие должно обеспечивать сотрудника) автор относит: финансовые мотивы, признание, отношение с руководством, сотрудничество в коллективе.

К мотивационным факторам (связаны с характером и сущностью самой работы) – ответственность, карьера, достижение, содержание работы.

3. МУН – мотивация успеха и боязнь неудач А. А. Реана [6], позволяющий определить выраженность мотивация успеха, боязни неудач или отсутствие выраженной мотивации.

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» позволил получить информацию различного объема и характера. По шкале достоверности (степень объективности ответов) все респонденты набрали меньше 10 баллов, что говорит о том, что результаты целесообразно считать объективными и что респонденты не стремятся как можно больше соответствовать социально желаемому личностному типу.

Анализ шкал, характеризующих личностный потенциал адаптации, показал, что высокие показатели поведенческой регуляции преобладают у 41 % респондентов, коммуникативного потенциала – у 32 %, моральной нормативности – у 27 % опрошенных.

Для большинства респондентов по шкале личностного адаптационного потенциала характерны хорошие адаптационные способности – 81 %, у 18 % наблюдаются удовлетворительные адаптационные способности и только у одного респондента выявлены сниженные адаптационные способности.

Распределение дезадаптационных нарушений, психотических реакций и состояний по шкалам опросника показало, что у всех респондентов показатели находятся в пределах нормы.

Для более углубленного психологического изучения (выявления акцентуаций характера) было проведено распределение акцентуаций характера по шкалам, соответствующим базовым шкалам СМИЛ, показатели шкал у всех респондентов находятся в пределах нормы.

По результатам исследования опросника определения мотивации Ф. Херцберга была произведена оценка групповой мотивации сотрудников. Полученные результаты показали, что у респондентов содержание работы, достижения и финансовые мотивы имеют более высокую значимость. Это можно объяснить тем, что все респонденты – взрослые мужчины, которые работают и обладают определенным опытом, четко знают, какой объем и содержание работы должны выполнять. Важно иметь стабильный заработок и иметь возможность обеспечивать семью. Самые низкие значения получили факторы сотрудничества и ответственности. Вероятно, это связано с тем, что респондентам важно содержание работы, а также осознание личной ответственности и ясное понимание зависимости оплаты от качества проделанной работы. Улучшение своего материального положения, материальные стимулы часто являются определяющими в мотивации карьерного роста [2].

При исследовании мотивации успеха и боязни неудач с помощью опросника МУН А. А. Реана, было выявлено, что большинство респондентов (65 %) имеют мотивацию успеха в своих делах. Мотивация боязни неудач присутствует только у одного респондента. У трети опрошенных респондентов (34 %) не выражена мотивация на успех или избегание неудач.

При определении различий в выраженности показателей мотивации в зависимости от опыта работы в организации в ходе проведенного сравнительного анализа по U-критерию Манна – Уитни статистически значимых различий выявлено не было. Однако были выявлены различия на уровне тенденции по показателю «финансовые мотивы» ($p = 0,067$), более высокому в группе до 5 лет стажа, и показателю «признание и вознаграждение» ($p = 0,097$), более высокому в группе более 5 лет стажа работы в организации.

В среднем как среди респондентов, проработавших менее 5 лет, так и проработавших более 5 лет все показатели мотивации находятся на уровне психической нормы. Респонденты, проработавшие в организации менее 5 лет, имеют тенденцию к фиксированной оплате, бонусам, в то время как для респондентов, проработавших более 5 лет, характерна тенденция к более выраженной психологической поддержке коллег, помощи в достижении цели и четкости в постановке задач.

Для определения различий в выраженности адаптационного потенциала в зависимости от опыта работы работников организации был проведен сравнительный анализ, в ходе которого статистически значимых различий выявлено не было. Ко второй группе адаптационных способностей личности по тесту МЛЮ можно отнести самую большую группу респондентов: со стажем от 1 года до 5 лет – 42 % сотрудников и со стажем более 5 лет – 45 %. Сотрудники этой группы легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации. Наилучшим адаптационным потенциалом, соответствующим первой группе, по опроснику МЛЮ обладают 31 % с опытом работы до 5 лет и 27 % с опытом более 5 лет. Группе удовлетворительной адаптации соответствуют 28 % опрошен-

ных со стажем до 5 лет работы и 24 % со стажем более 5 лет. В группе сниженной адаптации выявлен только один сотрудник со стажем работы до 5 лет.

Данный результат позволяет предположить, что адаптационный потенциал является феноменом относительно независимым от опыта работы в организации.

Выявлена прямая взаимосвязь «финансовых мотивов» и «мотивации успеха» ($r = 0,334$ при $p \leq 0,05$), что указывает на то, что чем более выражена у респондентов значимость и заинтересованность в финансовой составляющей, ощущение ее ценности для себя и окружающих, тем более выражена мотивация успеха.

Также выявлена прямая взаимосвязь «ответственности» и «мотивации боязни неудач» ($r = 0,337$ при $p \leq 0,05$), что указывает на то, что чем больше выражена склонность респондентов в трудной ситуации брать ответственность на себя, искать причины неудачи в самом себе, тем больше выражена склонность к боязни неудачи, избеганию решения проблемы.

При этом для работников предприятия со стажем более 5 лет взаимосвязь особенностей проявления трудовой мотивации с выраженностью адаптационных способностей не была обнаружена.

Таким образом, описанные результаты свидетельствуют, что большинство или практически все сотрудники организации исследуемой группы имеют нормативную выраженность всех показателей адаптивности и мотивации к трудовой деятельности и к успеху.

Большая часть респондентов исследуемой группы показывает ориентированность на успех больше, чем боязнь неудачи, что очень важно в профессии электромонтера контактной сети, в работе которого многое зависит от внешних обстоятельств.

В связи с тем, что финансовые мотивы имеют наибольшую значимость для сотрудников транспортного предприятия, стоит продумать ряд дополнительных мер по стимулированию труда работников. Например, можно предусмотреть оплату проезда работников к месту работы, организацию питания на рабочих местах, предоставление путевок в санатории и профилактории, выдачу беспроцентных ссуд на приобретение жилья либо бытовой техники и мебели и др.

Совершенствование системы управления мотивацией и отдельных ее направлений позволит повысить качество работы персонала.

Библиографический список

1. Бакирова, Г. Х. Психология развития и мотивации персонала : учебное пособие / Г. Х. Бакирова. – Москва : Юнити-Дана, 2015. – 439 с. – Текст : непосредственный.
2. Бендюков, М. А. Теоретические и прикладные проблемы организационной психологии. Психология карьеры / М. А. Бендюков, Н. Б. Казначеева, И. Л. Соломин. – Санкт-Петербург : ПГУПС, 2016. – 46 с. – Текст : непосредственный.
3. Вейл, П. Искусство менеджмента / П. Вейл. – Москва : Вадим-Пресс, 2013. – 575 с. – Текст : непосредственный.
4. Маренков, Н. А. Управление персоналом организаций : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. А. Маренков, Н. Н. Косаренко. – Москва : Академический Проект ; Трикста, 2016. – 464 с. – Текст : непосредственный.

5. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие / Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ, 1998. – 672 с. – Текст : непосредственный.
6. Реан, А. А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования : практикум / А. А. Реан. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. – 255 с. – Текст : непосредственный.
7. Херцберг, Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Монсер, Б. Блох. – Москва : Вершина, 2007. – 240 с. – Текст : непосредственный.

Кононова О. Б.

Актуальные проблемы преподавания учебной дисциплины «Транспортная психология» у будущих психологов, обучающихся в транспортном вузе

Ключевые слова: *транспортная психология, учебная дисциплина, специалист в транспортной сфере.*

Транспортная психология – раздел прикладной психологии, изучающий психологические факторы и способы повышения эффективности деятельности людей в процессе разработки, производства и эксплуатации транспортных систем [1]. В настоящее время под транспортной психологией часто понимают психологию деятельности на автомобильном транспорте. Можно встретить и другое представление о данном направлении – учебные пособия и учебники по транспортной психологии включают в себя основные темы из курса общей психологии, адаптированные для будущих специалистов транспортной сферы (прежде всего технические специальности). С другой стороны, в нашей стране активно развивалась авиационная психология, прежде всего связанная с военно-воздушными силами. Кроме того, имеются отдельные отечественные публикации по железнодорожной психологии и психологии деятельности на морском транспорте.

Для студентов-психологов курс транспортной психологии нигде не читался, за исключением ПГУПС, не существует соответствующих учебных программ и учебных пособий. Игорь Леонидович Соломин посчитал целесообразным объединение различных научно-практических дисциплин, посвященных психологическим аспектам автомобильного, железнодорожного, воздушного и водного транспорта» и стал автором первого учебника по Транспортной психологии и одноименного учебного курса для будущих психологов, обучающихся в Петербургском государственном университете путей сообщения [1]. Он успешно обобщил имеющийся опыт, связанный с изучением транспортной деятельности человека и происходящими в ней психическими процессами, состояниями и свойствами: психомоторика, восприятие, память, мышление, принятие решения, мотивация и эмоции, темперамент и характер личности, общение и взаимодействие [1].

Количество научных статей, посвященных психологическим исследованиям различных сторон транспортной деятельности, растет из года в год. Появля-

ется все больше работ, связанных не только с железнодорожным, авиационным, водным и автомобильным транспортом, но и с космической деятельностью. Методологических, теоретических работ по этим темам практически нет. Практика ушла далеко вперед по сравнению с теорией.

Нами был проведен опрос среди студентов ПГУПС – будущих психологов, обучающихся по направлению подготовки «Организационная психология», являющихся в настоящее время слушателями курса «Транспортная психология» (студенты 4-го курса обучения в количестве 20 человек). Следует отметить, что студенты проходили практику в психологических центрах РЖД, подробно знакомились с работой психофизиологической лаборатории РЖД, успешно прошли обучение по таким дисциплинам, как «Психология труда», «Организационная психология» и «Общий курс железных дорог». То есть они в реальности видели работу психологов в сфере транспорта и сами принимали участие во многих процедурах, связанных с психологической работой в РЖД, знакомились с техническим устройством железных дорог и железнодорожного транспорта.

Анализ ответов показал, что все участники опроса считают, что психолог необходим на предприятиях транспортной сферы. Свои ответы они аргументировали следующим образом: «Нужен, так как психологи в транспортной сфере выполняют большой спектр задач: подбор персонала, динамический контроль, психологическую поддержку, сопровождение и помощь в адаптации новых сотрудников и др.»; «Нужен, чтобы проверять психологическое состояние сотрудников перед работой и после работы, определять, подходит ли человек для данной работы и т. д.»; «Психолог нужен, чтобы предупреждать опасные ситуации путем выявления психологических особенностей работников»; «Нужен для предотвращения эмоционального выгорания, снижения аварийных ситуаций»; «Нужен для проведения регулярных обследований в целях профилактики различных нарушений, снижающих эффективность деятельности, для оказания экстренной психологической помощи».

При этом студенты отмечают: «У представителей транспортной сферы сформировалось не очень позитивное мнение о психологе, не все хотят раскрываться перед незнакомым человеком, проходить сомнительные тесты...», «Представления о психологе в транспортной сфере минимальные, большинство сотрудников не понимают значимости психолога в их организации»; «Им обычно все равно или они не воспринимают психолога всерьез»; «Работники относятся к психологу с подозрением»; «Специалисты не стремятся к взаимодействию с психологами, психологическая культура низкая»; «К психологам относятся с пренебрежением, считают, что психолог – несерьезная профессия»; «Специалисты относятся к психологу весьма предвзято, считают труд психологов мало значимым»; «Работники не доверяют психологам», «Большинство не понимают нужности психологов»; «Представления о психологе сводятся к бесполезным разговорам и обязательным проверкам по графику». Крайне редко встречаются такие ответы, как: «Работники транспортной сферы видят в психологе специалиста, который имеет достаточную квалификацию для оказания психологической помощи».

Таким образом, мы видим следующее противоречие: студенты-психологи осознают всю важность и значимость психологической работы в сфере транспорта, но при этом указывают на предвзятое, недоверчивое, а иногда равнодушное отношение сотрудников транспортной сферы к психологам как специалистам. Очевидно, что это недостаток следует исправлять. Можно быть прекрасным психологом, обладать глубокими теоретическими и прикладными знаниями, но не уметь позиционировать себя как значимого, необходимого специалиста. При подготовке будущих психологов следует уделять особое внимание не только основному материалу курса «Транспортная психология», но и обсуждению и отработке навыков выстраивания отношений с сотрудниками транспортной сферы, навыкам позиционирования себя как значимое звено во всей структуре организации. На сегодняшний день данный аспект в дисциплине представлен очень фрагментарно.

Все опрошенные студенты считают, что дисциплина «Транспортная психология» необходима будущим психологам организации. Свои ответы они аргументируют так: «Чтобы изучать психологические процессы у специалистов транспортной сферы»; «Чтобы помогать людям»; «Чтобы понимать значимость психологической работы на транспорте»; «Эти знания очень востребованы»; «Чтобы студенты понимали роль психолога в разных отраслях»; «Так как у нас есть приоритет в работе на РЖД или других транспортных структурах»; «Эти знания пригодятся в работе»; «Для выбора будущей специализации» и т. д.

Наиболее важными разделами «Транспортной психологии» студенты считают следующие: «Человеческий фактор в грубых нарушениях и авариях» и «Психологическая работа с жертвами аварий» (рис. 1). Наименее важным студенты считают такой раздел, как «Рабочее место и технические средства» (см. рис. 1).

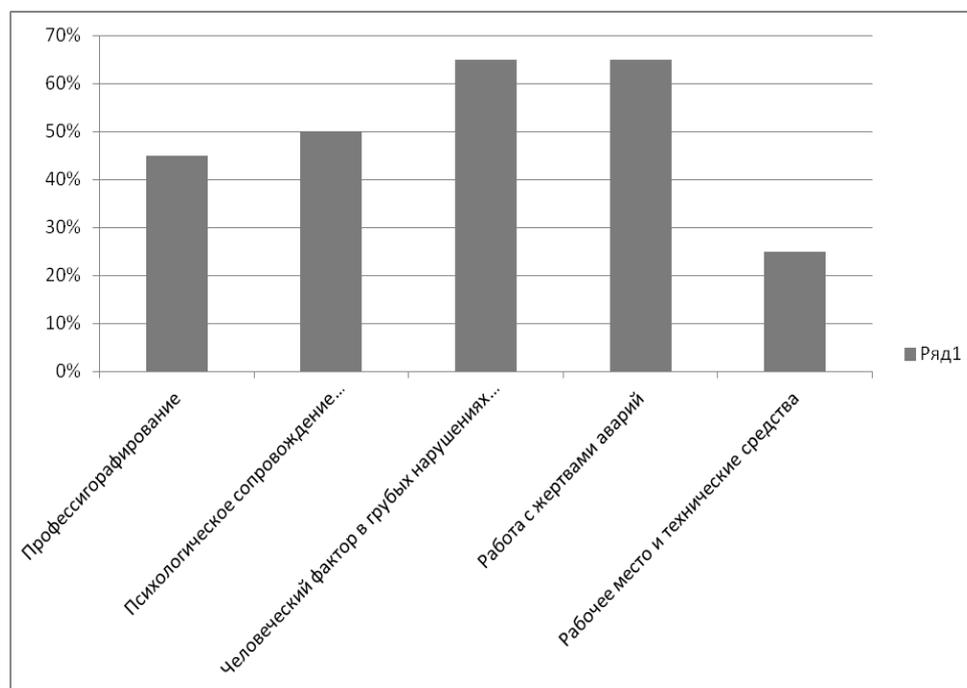

Рис. 1. Наиболее важные разделы дисциплины «Транспортная психология» при обучении будущих психологов в транспортном вузе с точки зрения студентов-психологов

В конце нашего опроса мы попросили студентов оценить по пятибалльной шкале, насколько информация, полученная при освоении учебной дисциплины «Транспортная психология», полезна, актуальна и имеет прикладной аспект. Следует отметить, что на данный момент студенты только начали изучать дисциплину (опрос проводился в начале октября), поэтому их оценки пока касаются лишь некоторых тем. Тем не менее считаем целесообразным представить полученные данные.

60 % опрошенных студентов считают, что информация полезна, 10 % – бесполезна (рис. 2).

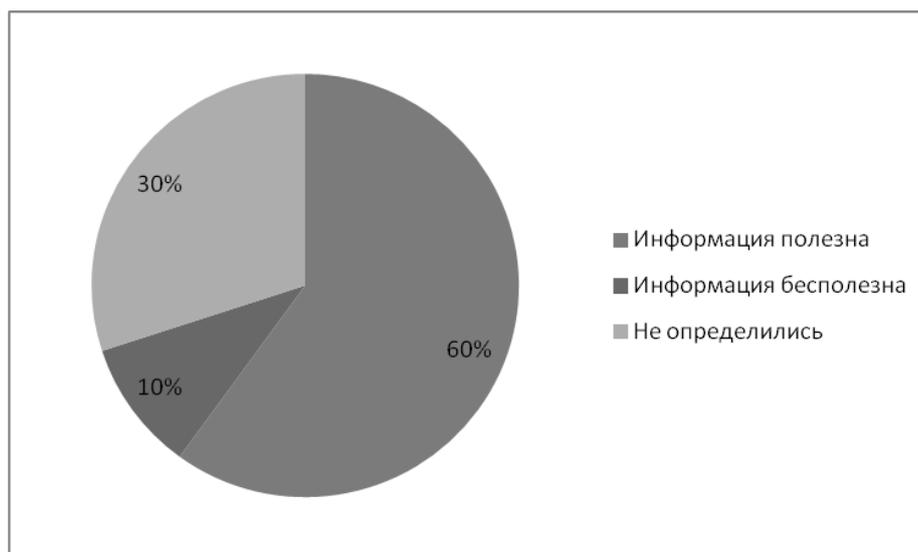

Рис. 2. Распределение мнений при ответе на вопрос, полезна ли информация, полученная при освоении учебной дисциплины «Транспортная психология»

50 % студентов считают, что информация актуальна, 10 % – неактуальна (рис. 3).

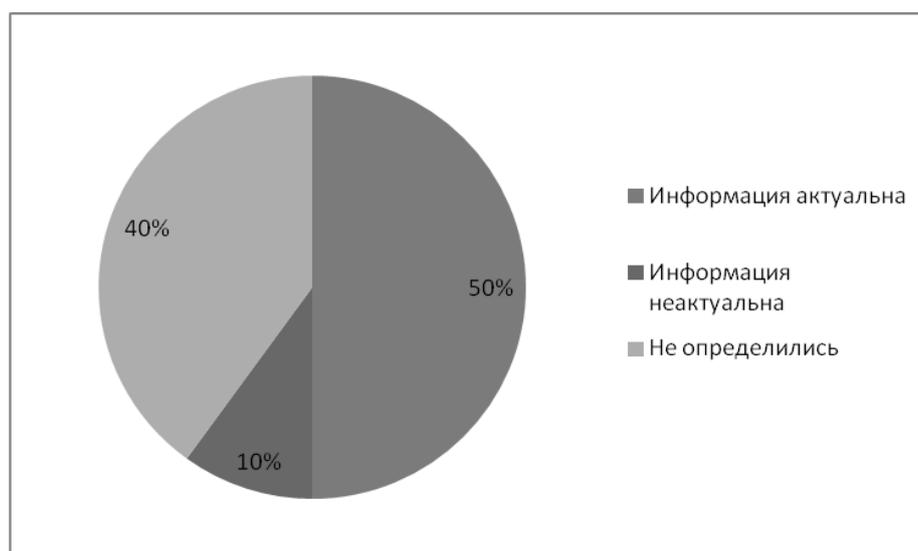

Рис. 3. Распределение мнений при ответе на вопрос, актуальна ли информация, полученная при освоении учебной дисциплины «Транспортная психология»

40 % студентов считают, что информация имеет прикладной аспект, 10 % – не имеет (рис. 4).

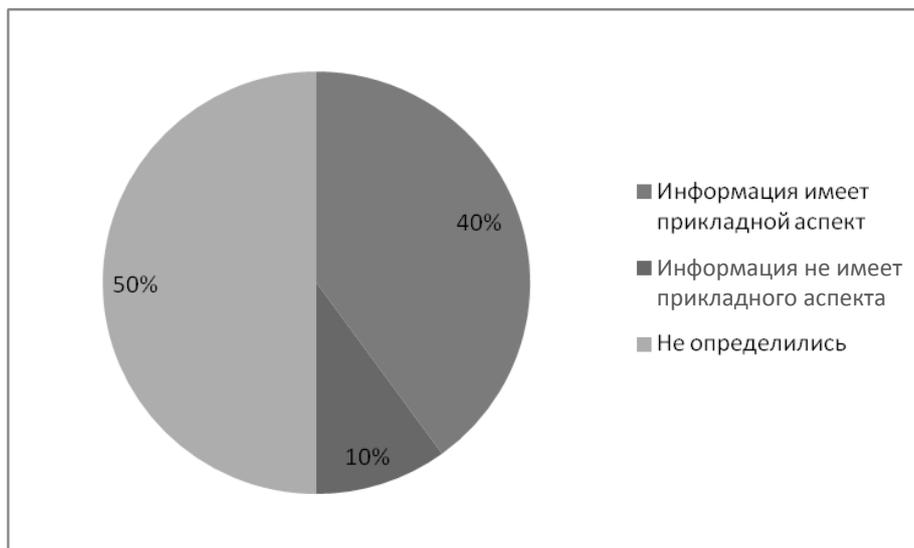

Рис. 4. Распределение мнений при ответе на вопрос, имеет ли прикладной аспект информация, полученная при освоении учебной дисциплины «Транспортная психология»

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости наполнения учебного курса «Транспортная психология» новыми актуальными данными, результатами различных научных исследований, проведенными за последние годы. Следует признать, что с точки зрения методологии «Транспортная психология» разработана слабо, это скорее набор фрагментарных данных по разным видам транспорта. Необходимо провести научный анализ данных, полученных на базе транспортных организаций, направленных на решение прикладных задач психологии, провести их систематизацию, обобщение. Необходимо обратить особое внимание на формирование умений и навыков по профессиональному позиционированию будущих психологов в организациях транспортной сферы.

Библиографический список

1. Соломин, И. Л. Основы транспортной психологии : учебное пособие / И. Л. Соломин. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2018. – 64 с. – Текст : непосредственный.

Трансфер института супервизии в помогающих профессиях из Германии в Россию как технологии сопровождения профессиональной деятельности

Ключевые слова: *супервизия, институт супервизии, супервизия в помогающих профессиях, сопровождение профессиональной деятельности.*

В России супервизия традиционно считается одним из методов теоретического и практического повышения квалификации специалистов в области психологического консультирования и психотерапии в форме психологического консультирования и анализа целесообразности и качества используемых практических подходов и методов психотерапии [3]. В соответствии с этим становление психологической супервизии происходит в рамках психоанализа, системного консультирования, групповой динамики, поведенческой, разговорной терапии, символдрамы, социодрамы, психодрамы, социометрии, гештальт-психологии и др. При этом усилия супервизора направлены на сохранение фокуса внимания супервизируемого на процессах, происходящих во время психотерапии с клиентом, психотерапевтический процесс с интервенциями психотерапевта и его контрпереносами, осознание им собственных эмоциональных реакций на клиента, правильном их истолковании [1, 2, 6, 7].

Сегодня в России появились профессиональные сообщества супервизоров-психотерапевтов: АНО «Институт супервизии и групповой терапии» (Москва), АНО ДПО «Институт супервизоров и консультантов» (г. Новосибирск) и др. Наблюдается также становление супервизии в системе социальных служб, которая нацелена на оказание эмоциональной поддержки социальным работникам [3]. Кроме того, особенностью развития российского института супервизии является тот факт, что супервизия пока развивается в групповом формате в виде «балинтовских групп» для психологов, психотерапевтов и врачей (Санкт-Петербургская Ассоциация тренинга и психотерапии, Балинтовская ассоциация (Россия), Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования и др.) [1].

Тем не менее следует констатировать факт отставания развития института супервизии в России. В качестве причин можно назвать, во-первых, слабую проработанность понятия «институт супервизии», которое при этом является часто употребляемым в научных публикациях, посвященных супервизии как психологической практике. Во-вторых, имеется большое многообразие толкований самого понятия супервизии, нерешенные вопросы о технологии проведения супервизорских сессий, о процессе выстраивания взаимоотношений в рамках супервизии и роли авторитета супервизора, требованиях к его профессионализму; отсутствует достаточное количество учебников по супервизии и эмпирических исследований, доказывающих эффективность супервизорской практики. В-третьих, у российских психологов, психотерапевтов, врачей и социальных ра-

ботников супервизия пока не является обязательной для осуществления своей основной профессиональной деятельности, у них нет потребности в ней. И наконец, до недавнего времени отсутствовала система подготовки профессиональных супервизоров, в том числе для психологов и терапевтов и тем более для специалистов помогающих профессий. И только в последнее время начинает свое становление в рамках дополнительного профессионального образования психологов и психотерапевтов [2].

В свою очередь, в странах Западной Европы в течение последних десятилетий одновременно с «супервизией для психологов и психотерапевтов» активно развивается «супервизия для специалистов помогающих профессий» в виде индивидуальной, групповой и командной супервизий [6]. В дальнейшем, чтобы не вводить в заблуждение российских психологов и психотерапевтов, предлагаем раскрыть понятие «супервизия в помогающих профессиях (супервизия в ПП)». В Германии супервизия в ПП практикуется в организациях образовательной и социальной сфер, в системе здравоохранения, правоохранительных органах с целью сохранения профессиональной формы. В данном случае супервизия в ПП имеет тройную цель: 1) проработать актуальные конфликтные рабочие ситуации в сфере коммуникации и кооперации сотрудников, их клиентов и руководства; 2) содействовать организациям и фирмам в осознании того, как лучше решать поставленные перед ним задачи и достигать собственные цели; 3) повысить уровень профессиональной подготовки сотрудников и руководящих работников в сфере коммуникации, групповой динамики.

В связи с этим супервизия помогает в общении не только с трудными клиентами, но и с трудными коллегами, руководителями, подчиненными, воспитанниками, системой, способствует улучшению навыков коммуникации и кооперации отдельных лиц, групп, команд, организаций. Она является методом профилактики и коррекции эмоционального выгорания специалистов, формой их спасения от профессионального одиночества. Также супервизия в ПП может быть направлена на сопровождение структурных изменений в организации, становление и развитие профессиональных ролей, расширение способности восприятия рабочей ситуации, получение большего удовлетворения от работы и в целом на развитие личности [2, 7].

Под супервизией в ПП мы понимаем технологию сопровождения профессиональной деятельности специалиста, т. е. метод его образования, повышения квалификации, процесс оказания поддержки на разных этапах его профессионального развития через прояснение профессиональных ситуаций с целью познания себя, мира, активации личных ресурсов, гуманного преобразования действительности из негативной в благоприятную. Кроме того, супервизия в ПП является важной частью заботы о самом себе, предоставив шансы подняться и оглядеться, отказаться от легкого пути обвинения других (клиентов, пациентов, учеников, граждан, коллег, организации, общества) и даже самого себя, шанс начать поиск новых возможностей [5].

В рамках данной статьи будет описан опыт трансфера института супервизии в ПП из Германии в Россию как технологии сопровождения профессио-

нальной деятельности на примере сотрудничества двух университетов и двух общественных организаций: Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (САФУ) (г. Архангельск), университета прикладных наук Эмден-Леер (ФРГ), АРОО «Гильдия специалистов помогающих профессий» и НКО «Институт экологии, образования и супервизии» (г. Оснабрюк, ФРГ).

В связи с этим необходимо обозначить понятие «институт супервизии в ПП». В ходе исследования нами установлено, что данное понятие является часто употребляемым в научных публикациях, но степень разработанности данного понятия оставляет желать лучшего. Опираясь на работы М. Б. Глотова, Г. Б. Клейнера, Д. Г. Мида, П. В. Разова, И. А. Шмерлиной о социальном институте в системе научного знания и опыт коллег из Германии, мы определяем институт супервизии в ПП как форму организации профессиональной жизни супервизоров с целью регулирования их социальных связей и действий; своеобразное выражение духовной общности супервизоров, характеризующееся стереотипами мышления, формальными и неформальными отношениями в этом сообществе, которые систематизируют и стандартизируют профессиональное поведение людей по определенным нормам и правилам.

Институт супервизии в ПП можно рассматривать также как системы учреждений, в которых определенные члены группы (университетские руководители образовательной программы, члены правления общественных организаций и др.) получают полномочия для выполнения определенных функций ради удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей, а также передают концепт супервизорства из поколения в поколение. Институт супервизии в ПП – это не учреждение и не здание, где встречается супервизорское сообщество, это более широкое понятие, поскольку функциональный и смысловой ряд института супервизии гораздо шире процесса функционирования определенного учреждения.

Кроме того, мы считаем, что в Германии институт супервизии в ПП представляет собой продукт культурно-исторического развития, закреплена разработанными нормативными документами, функционирует на уровне подсознательных поведенческих установок, имеет идеализирующую природу. Он обеспечен специально подготовленными кадрами, особыми органами управления и самоуправления, характеризуется стремлением к одной цели – развить и усилить институт супервизии в ПП не только в Германии, но и в других странах, используя ресурсы профессиональных вузов и НКО.

По нашим наблюдениям немецкие супервизоры имеют достаточно четкое осознание себя в качестве субъекта в пространстве общества, осознанность своей субъектности. У них сформирована потребность в развитии института супервизии в ПП, удовлетворение которой требует совместных организованных действий, институционального взаимодействия и обмена, укрепления межинституциональных связей. Имеется также особая система социальных взаимоотношений (духовные позиции, привычный образ жизни каждого), прочность социальных связей, основанных на долговременном и устойчивом взаимодействии людей, четкое разделение функций между людьми с конкретными образ-

цами поведения, нормами, правилами, ценностями и установками, традициями, ритуалами, моральными заповедями. При этом в Германии социальные нормы и правила поведения сообщества супервизоров появлялись в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок при взаимодействии с органами власти.

Как уже говорилось выше, одним из условий развития института супервизии в ПП является подготовка специализированных кадров. В Германии двухлетние курсы подготовки дипломированных супервизоров в ПП появились уже в конце XX века [2, 7]. В России единственным университетом, в котором в 2011 году приступили к реализации ДПП ПП «Супервизия в помогающих профессиях» в партнерстве с УПН Эмден-Леер (ФРГ), является САФУ. Программа предусматривает обучение сроком на 3 года в объеме 432 часа.

Цели программы: 1) формирование у слушателей профессиональных компетенций в сфере супервизорства, связанных с оказанием поддержки специалистов ПП в появлении у них установок, направленных на гармоничное развитие в профессии, поддержание и сохранение психического и физического здоровья; 2) развитие института супервизии в ПП в России. При этом подготовка супервизоров в ПП по германской модели обучения требует от слушателей осознанности каждого этапа образования как составной части системы их непрерывного образования: довузовского, вузовского и послевузовского.

На довузовском этапе абитуриент обязан пройти 15 индивидуальных и 15 групповых супервизий в ПП. Также он должен обсудить со своим супервизором возможность его обучения по программе «Супервизия в помогающих профессиях» в САФУ и попросить рекомендательное письмо для обучения. В ходе реализации вузовского этапа слушатель программы должен приобрести навыки поиска и сохранения супервизантов (супервизируемых) и провести 15 индивидуальных и 15 групповых супервизий в ПП, получить опыт прохождения 10 учебных супервизий с опытным (учебным) супервизором и 10 балинтовских групп.

Обучение супервизии по германской модели является инновационным для российской системы вузовского образования, поскольку основано на «погружении» самого образовательного процесса в супервизорскую практику, построено на принципах гуманизации, демократизации, дифференциации, индивидуализации и бережного отношения к себе и коллегам. Оно направлено на исследование и формирование профессионального жизненного мира будущего супервизора, предполагает использование коллегиального консультирования, модели обучения «равный – равному», происходит преимущественно на основании собственного опыта, «здесь и сейчас», «в потоке», «на себе», «вживую», в групповой динамике в рамках демонстрационных сессий и обсуждения материала супервизорской практики через рефлекссию получаемого опыта. Основными методами обучения в рамках учебных сессий являются поисковая коллективная самостоятельная деятельность, диалог, дискуссии, мысленный эксперимент, анализ кейсов, содержательное оценивание вместо традиционных оценок.

Учебный процесс отличается наложением на него терапевтического процесса, который имеет совершенно иные ценности, нормы, стандарты, организа-

цию проведения, отличается конфиденциальностью, безоценочностью, обратной связью, принципами поддержки. Поэтому особое внимание в процессе обучения уделяется определению роли руководителей (а не преподавателей) программы, которые находятся «рядом» со слушателями (не «над» или «вместе»), направляют слушателя в нужное русло, формируя самодостаточную, уверенную в себе личность. Также особое внимание уделяется формированию безопасного психологического климата, в котором происходит, с одной стороны, «выращивание» личности, а с другой – становление профессионального сообщества.

Германская модель подготовки супервизоров в ПП предполагает открытие региональных групп для приобретения, с одной стороны, опыта развития профессионального сообщества супервизоров, а с другой – для обсуждения слушателями учебных заданий. Эти группы собираются самостоятельно без руководителей программы примерно 1–2 раза в месяц и действуют на протяжении всех лет обучения. На последнем курсе слушатели принимают участие в выездных мастерских супервизии в России или Германии, а также Днях открытых дверей ДПП ПП «Супервизия в помогающих профессиях» в САФУ. В рамках этих мероприятий они демонстрируют свои профессиональные компетенции при проведении групповых супервизий и заявляют о себе как супервизорах в ПП.

В качестве основной задачи послевузовского этапа выступает создание условий для повышения квалификации практикующих супервизоров. С этой целью была открыта программа повышения квалификации «Учебная супервизия в подготовке начинающих супервизоров в помогающих профессиях». В настоящий момент при сотрудничестве с немецкими коллегами подготовлено 27 супервизоров в помогающих профессиях, 9 учебных супервизоров, 25 человек являются еще слушателями программы. Всего проведено 5 международных мастерских супервизии, а также 4 германо-российских конференции в России и Германии.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в качестве условий развития института супервизии в ПП в России как технологии сопровождения профессиональной деятельности выступают: 1) сотрудничество университетов России и Германии с целью внедрения и адаптации германской модели обучения и сопровождения супервизоров в ПП в российские условия; 2) стремление к одной цели – развить и усилить институт супервизии в ПП в России, используя ресурсы профессиональных НКО; 3) развитие межличностных профессиональных и личных отношений, в которых состоят представители сообщества с целью создания и укрепления долгосрочной сети обмена идеями, создающих питательную среду для коллективного творчества и рождения новых проектов; 4) формирование чувства принадлежности, которое, развиваясь, формирует профессиональную идентичность супервизора в ПП; 5) осуществление супервизорской практики в соответствии с нормами, критериями и этическими принципами сообщества; 6) распространение практики в более широкое сообщество, что, по сути, является миссией профессионального сообщества супервизоров в ПП.

В качестве рисков развития института супервизии в ПП в России выступает, во-первых, в общероссийском классификаторе профессий рабочих, должно-

стей служащих и тарифных разрядов отсутствует профессия «супервизор», в отличие от должностей служащих «медицинский психолог», «педагог-психолог», «стажер-исследователь (в области психологии)», «научный сотрудник (в области психологии)» [4]. Из-за этого у будущих супервизоров в ПП усиливаются естественные человеческие защитные реакции, страх из-за непринятия, конкуренции и критики со стороны уже сформированного психологического сообщества, неуверенность в получении образования по супервизии вызывает сомнения в эффективности супервизорской практики.

Во-вторых, существующая система подготовки и повышения квалификации кадров, которая как бы утверждает, что специалист выгорающих профессий, получающий или получивший достаточный объем теоретических знаний и практических навыков, однозначно способен позаботиться о своем эмоциональном здоровье и обязан работать эффективно. Поэтому для них характерно ярко выраженное сопротивление к сохранению своей «профессиональной формы», несостоятельность в том, чтобы заботиться о себе, что вызывает трудности у слушателей программы в поиске супервизантов. Кроме того, руководители различных структур в большинстве своем настороженно относятся к психологам и опасаются грубого критикующего внедрения посторонних лиц в частную жизнь организации, сами не имеют опыта клиентской или супервизорской практики, считают себя «нормальными» и поэтому отвергают «вражескую» психологическую услугу в виде супервизии в ПП. К сожалению, они не заинтересованы в профессиональном и личностном развитии своих подчиненных-коллег из-за страха утратить власть над ними, «уронить» авторитет и т. п.

В-третьих, к сожалению, у обучающихся, получивших образование в российских вузах, имеются установки на передачу знаний в готовом виде. Такие характеристики современного образования, как оценочность, принуждение, усредненный подход в обучении, изолированность от общения друг с другом, слабая речевая деятельность, слабая обратная связь, безличность образовательного процесса и т. п. мешают реализации германской модели обучения супервизии в ПП. Мы наблюдаем со стороны обучающихся ломку стереотипов, феномен сопротивления «новшествам». Кроме того, приходится признать тот факт, что учебный процесс связан с амбициями руководителей программы, которые в среднем за три года хотят подготовить супервизоров в ПП, и по своей сути он постепенно становится нарциссическим для всех его участников. В связи с этим у слушателей программы появляется, с одной стороны, чувство «мы», исключительности и уникальности, «новой касты супервизоров», а с другой – чувство одиночества, все формы защиты, а также сопротивления из-за осознания необходимости идти на личную терапию. В-четвертых, в России институт супервизии в ПП на базе САФУ пока еще не охватывает всех без исключения ее членов, система статусов и ролей только оформляется. Процедуры, связанные с определением норм и правил, только определяются. Система санкций для поддержания норм и правил пока не установлена. Имеются проблемы с признанием значимости норм, правил, ценностей, еще не приступили к обсуждению механизма социального контроля.

Тем не менее по официальному признанию университета прикладных наук Эмден-Леер и института экологии, образования и супервизии (г. Оснабрюк, ФРГ) институт супервизии в ПП в рамках сообщества на площадке САФУ находится на этапе институализации. Германские партнеры отмечают развитие способности у супервизорского сообщества в ПП стать влиятельным коллегиальным субъектом, определяющим рамки и условия взаимодействия с другими субъектами, взять ответственность за процесс и результат своего собственного формирования.

Библиографический список

1. Гаранькова, И. Ю. Краткая история развития супервизии / И. Ю. Гаранькова. – URL: <https://supervis.ru/content/1296485948-garankova-iyu-kratkaya-istoriya-razvitiya-supervizii> (дата обращения: 04.11.2022). – Текст: электронный.
2. Залевский, Г. В. Супервизия: практика в поисках теории / Г. В. Залевский. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 30. – С. 7–13.
3. Кулаков, С. А. Супервизия в психотерапии : учебное пособие для супервизоров и психотерапевтов / С. А. Кулаков. – Санкт-Петербург : ВИТА, 2004. – 126 с. – Текст : непосредственный.
4. Постановление Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 367, ред. от 19.06.2012. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58964 (дата обращения: 04.11.2022). – Текст: электронный.
5. Ховкинс, П. Супервизия. Индивидуальный, групповой и организационный подходы / П. Ховкинс, Р. Шохет. – Санкт-Петербург : Речь, 2002. – 352 с. – Текст : непосредственный.
6. Konzepte für Supervision. Neun theoretische und methodische Ansätze. Kölner: Eigenverlag der DGSV. – 2008. – 48 s. – Текст : непосредственный.
7. Schmelzer, D. Verhaltenstherapeutische Supervision: Theorie und Praxis / D. Schmelzer. – Göttingen: Hogrefe, 1996. – S. 91–104. – Текст : непосредственный.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ТРАНСПОРТНОГО ВУЗА И ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Бендюков М. А., Пьянкова Ю. В.

Биографические методы успешности профессиональной карьеры работников железнодорожного транспорта

Ключевые слова: *успешность, биографический метод, профессиональная карьера, стратегия, жизненный путь.*

В данной статье рассматриваются теоретические особенности использования биографических методов успешности профессиональной карьеры сотрудников современного предприятия. Биографический метод позволяет исследовать карьерное развитие человека, учитывая индивидуальность его жизненного пути, анализируя жизненные события и тем самым делая возможным составление прогноза на будущее.

Развитие современной экономики России невозможно представить без железнодорожного транспорта. Железнодорожный комплекс имеет особое стратегическое значение для России. Он является связующим звеном единой экономической системы, обеспечивает стабильную деятельность промышленных предприятий, своевременный подвоз жизненно важных грузов в самые отдаленные территории, а также самым доступным и распространенным транспортом для российских граждан.

Профессиональное развитие работников железнодорожного транспорта в современных реалиях становится исключительно важным, поскольку тенденции, происходящие в мире экономической и социальной нестабильности, приводят к изменениям в подходе работника к реализации своей профессиональной карьеры внутри компании. Эти новые формы карьеры предполагают расстановку акцентов на иные показатели успешности, требуют от работников демонстрации иных личностных свойств (самоидентичности, гибкости, адаптивности). Для реализации всех стратегических целей компании работникам железнодорожного транспорта недостаточно только высокой эффективности труда. Актуальность темы данного исследования обусловлена влиянием индивидуальных и жизненных особенностей человека на его карьерный путь в той или иной организации.

Структура успешности профессиональной карьеры работников железнодорожного транспорта включает показатель удовлетворенности трудом как субъективный показатель и успех карьеры, как объективный показатель, а также группы предикторов: характеристики индивидуального карьерного потенциала человека (настойчивость, адаптивность, влияние на других людей), особенности управления карьерой (профессиональная мобильность и целеустремленность), организационный контекст (справедливость организации, удовлетворенность организацией, приверженность организации) [3, с. 95].

В ходе проводимого исследования необходимо оценить роль использования биографических методов успешности, позволяющих выявить предпосылки для карьерного роста.

В общем виде биографический метод можно определить как собирание и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности. Предметом биографического метода является жизненный путь, т. е. последовательность качественных изменений личности во всем их многообразии и интенсивности. Источником данных для биографических методов является сам человек, а также личные документы (мемуары, записки, дневники и т. п.) либо материалы интервью и бесед.

Существует взаимосвязь между психологическим благополучием и уровнем материальной обеспеченности. Показано, что люди с более высокими доходами имеют более высокий уровень психологического благополучия, однако исследования показывают, что как только степень заработной платы достигает определенной точки, дополнительный финансовый доход не повышает степени благополучия.

Биографический метод позволяет исследовать карьерное развитие человека, учитывая индивидуальность его жизненного пути, анализируя жизненные события и тем самым делая возможным составление прогноза на будущее.

В качестве оснований использования биографических методов в профессиональной деятельности можно сделать несколько допущений:

- во-первых, лучший прогноз относительно будущего поведения можно получить из прошлого опыта;

- во-вторых, люди легче обсуждают объективные события в их прошлой жизни, чем субъективные причины своего поведения, что снижает вероятность фальсификации;

- в-третьих, биографический метод часто используют в работе с персоналом в организациях, поскольку он относительно недорог в сравнении с другими методами и может прогнозировать успешность в работе, вероятность текучести кадров, а также облегчает обработку большого количества анкет претендентов на должность [4, с. 177].

Основными группами методов, используемых в биографических исследованиях, являются событийное описание биографии, выделение когорт, прогноз на будущее.

В событийном описании жизненный путь человека описывается с точки зрения событий личностно и эмоционально значимых, для которых у человека нет готовой программы поведения (критические жизненные события). Анализируются эмоциональные отношения к событиям, темпераментные особенности человека и их проявление. Это является готовым сценарием поведения, который, как считается, будет воспроизводиться в новых, незнакомых ситуациях и осуществлять прогноз его поведения в будущем [5]. Выделение когорт подразумевает исследование людей с близкими годами рождения, проживающих в сходных исторических условиях, особенностями их культуры, материального положения и экономическими условиями. В прогнозе на будущее единицами

анализа являются не события и не уклад жизни, а прогноз поведения в целом (асоциальное поведение, заболевания, успешность и т. д.).

Биографический подход предполагает определенные требования к разработке методов для сбора данных, формулированию вопросов в опроснике, а также обработке полученных данных.

Для разработки биографических данных используется четыре стратегии: эмпирическая (установление статистически достоверной связи между биографическими данными и исследуемой характеристикой), поведенческая (отбор или конструирование вопросов, которые соотносятся с исследуемой характеристикой, основываясь на предположении, что поведение в прошлом является лучшим показателем того, как человек будет вести себя в будущем), рациональная или дедуктивная (выявление необходимых для данной позиции знаний, умений, навыков и подбор для интересующих показателей соответствующих вопросов) и факторная (выявление величин, которые лежат в основе биографических данных и предсказывают исследуемый элемент). Schoenfeldt провел исследование, в котором сравнивал эффективность этих четырех подходов, и показал, что все предложенные стратегии могут быть успешными в предсказании интересующего конструкта [1, с. 46].

Обычно для сбора биографических данных используют бланковые бумажные методики и Интернет (при заполнении методик через сеть снижается уровень социальной желательности в ответах, уменьшается эксцесс и разброс данных).

Существуют ограничения в использовании биографических данных.

Первое – генерализованность (возможность использования методов, разработанных для одного типа выборки, в отношении другой выборки). Первые исследования действительно показывали низкую генерализованность. В более поздних исследованиях ограничение снималось за счет большего объема выборок из разных организаций, привлечения респондентов с разными демографическими переменными, введения конструктов, которые не являются специфическими в какой-то одной профессиональной отрасли.

Второе – валидность. Биографические данные теряют актуальность со временем и требуют обновления каждые 2–3 года из-за смены критериев оценки успешности, изменений в жизни людей, а также в структуре и методах управления организациями.

Третье – одинаковая оценка респондентов из различных групп, как малочисленных, так и многочисленных (например, учитывает национальную принадлежность). Ограничение снимается за счет введения неоднозначных по правильности ответов, которые не сравнивают человека с другими людьми. Вопрос должен подойти для каждого респондента.

Четвертое ограничение – агрессивность биографических опросников, которая может снизить мотивацию к заполнению. Стоит не включать слишком личные вопросы (религия, пол, политические убеждения, социальное происхождение, сексуальная ориентация или поведение), а использовать вопросы о школе, работе, общественной деятельности.

Пятое – чувствительность к фальсификации из-за стремления респондентов выглядеть лучше. Объективные проверяемые данные более устойчивы к

фальсификации, чем субъективные. Введение разнообразных вопросов затруднит респондентов в определении того, что есть «правильный» и «неправильный» ответ.

Шестое – применение тестирования к сотрудникам компании. Подходы должны различаться (тесты для сотрудников нельзя применять к кандидатам), потому что эти респонденты обладают различным профессиональным опытом и имеют разную мотивацию.

Седьмое – отношение к биографическим данным как к «пустому эмпирицизму», который прогнозирует поведение, но не объясняет связь между данными и конструктом и не способствует дальнейшей разработке теории. Однако исследователь при желании может проанализировать эту связь и выйти на теоретическое ее обоснование [2].

Рассмотренные выше особенности биографического метода позволяют подходить к исследованию человека комплексно, рассматривая весь путь его становления начиная от особенностей родительской семьи. Использование данного подхода обосновано при исследовании профессионального развития и карьеры, поскольку это процессы, длящиеся всю жизнь, оказывающиеся под влиянием множества факторов.

Карьерное развитие, являясь реализацией профессионального развития в жизни конкретного человека, протекает в течение всего жизненного пути в определенных условиях и может быть охарактеризовано исходя из его этапов, мотивов, источников.

Профессиональная карьера перестала рассматриваться исключительно как административный рост внутри организации. «Карьера длиной в жизнь» подразумевает разнообразные виды деятельности, управляемые самим человеком, которые не привязываются к организационным процессам.

Теории карьеры позволяют описать карьерное развитие, рассматривая этот процесс с различных сторон: с точки зрения индивидуальных черт, динамических особенностей карьерного пути, его стадиальности, соотношения карьерного пути и человека, выражающегося через процессы когнитивной и поведенческой саморегуляции и учитывающего условия контекста [2].

Теории карьеры становятся интегральными, учитывающими несколько факторов. Современные виды карьеры, поскольку они развертываются в течение всей жизни, требуют использования биографического подхода, который позволит разработать структуру успешности профессиональной карьеры, которая бы включала не только рабочую биографию человека, но и внерабочую.

Интегральный подход к исследованию современной карьеры должен учитывать показатели карьерной успешности и предикторы: индивидуальные, структурные и поведенческие, которые в совокупности выражаются в формировании уникального карьерного пути и проявлении индивидуального карьерного потенциала.

Из-за изменений, происходящих в глобальной экономике, современных организациях и профессиональной деятельности в целом, меняется сама карьера. Стадиальность карьеры, приверженность долгосрочным контрактам, возмож-

ность найти лучшее сочетание профессиональных качеств под конкретное место работы теряет свою актуальность. Современный мир изменяется слишком быстро, и человек, чтобы быть успешным, должен быстро подстраиваться под эти изменения. Но просто адаптации становится тоже недостаточно, поскольку высоко изменчивая среда требует новаторов, которые сами могут инициировать изменения. Все описанные выше изменения могут быть применены и к организационной среде компании «Российские железные дороги». Именно концепция проактивной карьеры позволяет описать такой формат карьерного поведения в рамках железнодорожного транспорта, который в наибольшей степени ориентирован на достижение инновационных задач, которые стоят перед холдингом.

В результате проведенного теоретического исследования можно сделать вывод, что использование биографических методов в исследовании профессиональной карьеры работников железнодорожного транспорта наполняет содержанием понятие «индивидуальный карьерный потенциал», раскрывает современное представление о таких концептах, как «профессиональная карьера», «проактивность в современной профессиональной карьере».

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности. Психология труда, инженерная психология, эргономика / Н. Е. Водопьянова. – Текст : непосредственный // Вестник СПбГУ. – 2015. – Вып. 1. – Сер. 16. – 2015. – С. 45–54.
2. Кораблина, Е. П. Особенности карьерных ориентаций студентов различных профилей обучения / Е. П. Кораблина, Н. Б. Лисовская, С. Б. Пашкин. – Текст : непосредственный // Научное мнение. – 2018. – № 3. – С. 72–78.
3. Лебедева, Л. В. Исследование автобиографического опыта профессионального и жизненного пути человека / Л. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Образование и наука. Философские исследования. – 2008. – № 3. – С. 91–97.
4. Старикова, М. А. Биографические предикторы успешности профессиональной карьеры работников железнодорожного транспорта / М. А. Старикова. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2022. – № 3 (159). – С. 175–185.
5. Толочек, В. А. Профессиональная карьера: исследования, результаты, возможные перспективы / В. А. Толочек. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8. – Вып. 1 (29). – С. 19–29.

Особенности жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов

Ключевые слова: *студенты, жизнестойкость, мотивация к успеху, агрессивность.*

Изучение жизнестойкости студентов является актуальной темой в последнее время. Студенческая пора считается подходящим периодом для развития жизнестойкости, жизнестойкость благоприятствует улучшению психического и физического самочувствия молодых людей при прохождении кризисов и реализации себя как профессионала в будущей профессии. Жизнестойкость трактуется мерой возможности индивида переживать стрессовое состояние, сохраняя внутреннюю уравновешенность и не снижая благополучность деятельности.

Актуальность данной темы также обусловлена тем, что в жизни любого человека встречаются трудности, с которыми ему приходится взаимодействовать, но все справляются с ними по-разному: кто-то получает психологические травмы, кто-то, преодолев их, растет личностно, таких людей называют жизнестойкими. Жизнестойкость рассматривали как отечественные психологи Л. А. Александрова, Г. В. Ванакова, С. И. Кудинов, Д. А. Леонтьев, Н. А. Логинова, М. А. Одинцова, так и зарубежные – С. Мадди, С. Бернанд и др. [1, 3].

Мотивация является основной составляющей в любой деятельности, также и в учебной. Исследователи, рассматривающие проблему мотивации учебной деятельности, выделяют важную значимость ее развития и сохранения. Только учебная мотивация считается гарантом становления познавательной активности, развития мышления, нужной для успешной профессиональной деятельности человека.

Но в современном мире при достаточно большом доступном количестве информации, предоставляемом таким ресурсом, как Интернет, трудно мотивировать студентов к регулярному обучению, к эффективному использованию знаний в процессе обучения.

Мотивации посвящено много работ, ее рассматривали отечественные психологи С. Л. Рубинштейн, Н. Ц. Бадмаева, В. С. Мухина, А. С. Афанасьева, А. К. Маркова, Ф. Э. Зеер и зарубежные – Х. Мюррей и др. [4, 5].

Тема агрессивности играет одно из важных мест в личности каждого человека. Некий уровень агрессивности характерен всем людям и является обязательным для благоприятной адаптации человека к действительности. Тем не менее присутствие агрессивности как устойчивого образования – показание нарушений в личностном развитии. Агрессивность может воспрепятствовать в становлении профессиональной деятельности, что привлечет к конфликтам в общении. Но стоит отметить, что агрессивное поведение может проявиться и как реакция на угрозу, как психологическая защита, и при данном обстоятельстве человек должен уметь корректировать свое поведение и совладать с ним.

Агрессивность в своих работах рассматривали отечественные психологи Т. Б. Дмитриева, П. А. Ковалев, Е. П. Ильин, А. А. Реан, Т. А. Шульгина, Е. А. Чайко, Н. Б. Казначеева, а также зарубежные – Г. Амон и др. [2, 6].

С целью определения особенностей и связей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов было проведено следующее исследование. В качестве объекта исследования были выбраны респонденты от 18 до 22 лет со средним возрастом 20,2 года, являющиеся студентами Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, а также Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в количестве 60 человек, из них 30 юношей и 30 девушек. Предметом исследования стали особенности жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия между показателями жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей и девушек.

2. Существуют различия в структуре связей показателей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей и девушек.

В соответствии с целью и задачами исследования были подобраны следующие методики:

- методика жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева;
- методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса;
- методика «Виды агрессивности» Л. Г. Почебут.

Анализ результатов исследования показал, что по методике жизнестойкости С. Мадди у общей выборки студентов средние показатели по жизнестойкости, по методике диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса имеют средний уровень мотивации к достижению успеха, а по методике «Виды агрессивности» Л. Г. Почебут – средний уровень агрессивности и адаптированности.

С помощью t-критерия Стьюдента были проанализированы различия показателей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей и девушек. Анализ результатов показал, что юноши и девушки склонны к предметной агрессии (уровень значимости – 0,05). Но у юношей склонность к предметной агрессии выше, чем у девушек. Возможно, это связано со спецификой выражения негативных эмоций в зависимости от пола. Юношам более свойственно срывать свою агрессию на окружающих предметах (хлопанье дверью и т. д.).

Для изучения взаимосвязей показателей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у студентов на основании полученных результатов был проведен корреляционный анализ с использованием компьютерной программы EXCEL.

Для наглядного представления обнаруженных взаимосвязей была построена корреляционная плеяда (рис. 1).

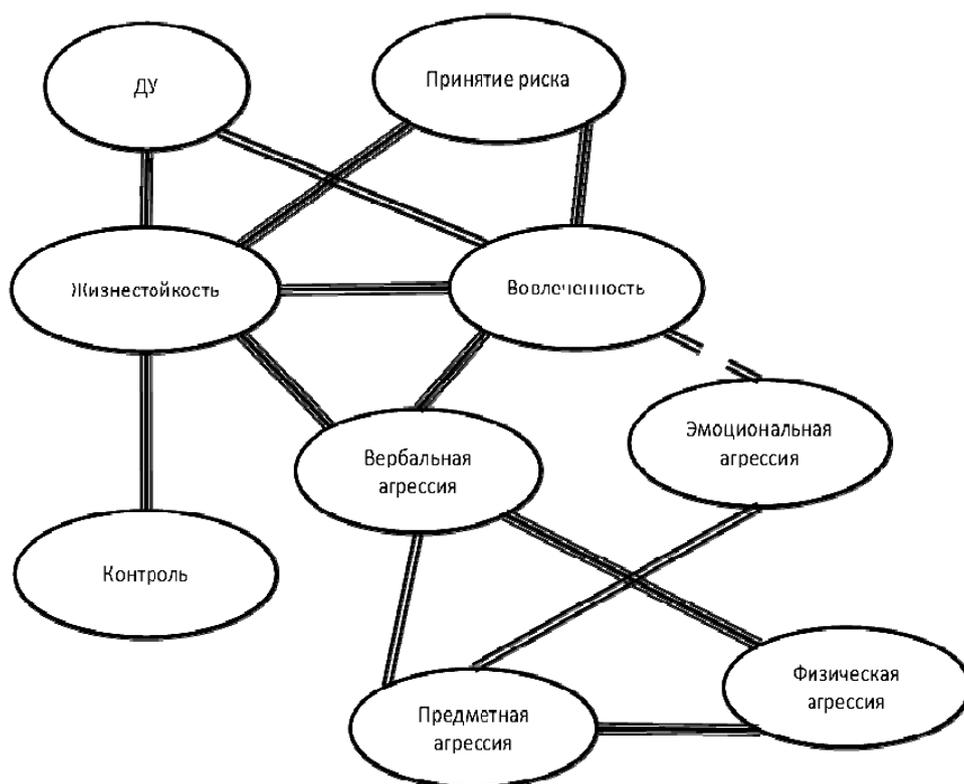

Рис. 1. Корреляционная плеяда связи жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей

Условные обозначения названия шкал:

ДУ – достижение успеха;

==== – прямая связь ($p < 0,01$);

===== – прямая связь ($p < 0,001$);

== == – обратная связь ($p < 0,01$)

Исходя из полученных результатов можно сказать, что для юношей характерны следующие взаимосвязи исследуемых показателей. Выявлены прямые положительные связи ($p < 0,001$) между вовлеченностью и принятием риска, это связано с тем, что когда юноши вовлечены в то, что они делают, они могут пойти на риск ради своего интереса, который содействует их развитию за счет овладения знаниями, извлекаемыми из опыта; между вовлеченностью и жизнестойкостью, это говорит о том, что когда молодые люди занимаются любимым делом, то это помогает им в жизни меньше отвлекаться на суету, позволяет выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации; между вовлеченностью и вербальной агрессией, что свидетельствует о том, что если у некоторых юношей что-то не получается в деле, которым они увлекаются, то агрессия может проявиться в виде словесных оскорблений по отношению к другим людям; между контролем и жизнестойкостью, что связано с тем, что юноши, которые умеют противостоять различным жизненным трудностям, эффективно преодолевают стрессовые ситуации, а также считают, что лично выбирают собственную деятельность, свой путь; между принятием риска и жизнестойкостью, это говорит о том, что все жизненные трудности, которые случаются с молоды-

ми людьми в жизни, содействуют их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта; между жизнестойкостью и достижением успеха, это свидетельствует о том, что молодые люди, которые умеют противостоять жизненным трудностям, эффективно преодолевают внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами, достигают чаще всего в жизни успехов; между жизнестойкостью и вербальной агрессией, это связано с тем, что если юноши не умеют противостоять трудным жизненным ситуациям или стрессу, то это может проявиться в виде словесных оскорблений по отношению к другим людям; между вербальной агрессией и физической агрессией, это говорит о том, что некоторые юноши, когда злятся, проявляют это в виде физической силы по отношению к другим людям или в виде словесного оскорбления; между физической агрессией и предметной агрессией, это свидетельствует о том, что молодые люди, когда они вне настроения, могут проявлять агрессию в виде физической силы по отношению к другим людям или в виде срыва агрессии на окружающих предметах.

Также была построена корреляционная плеяда для девушек (рис. 2).

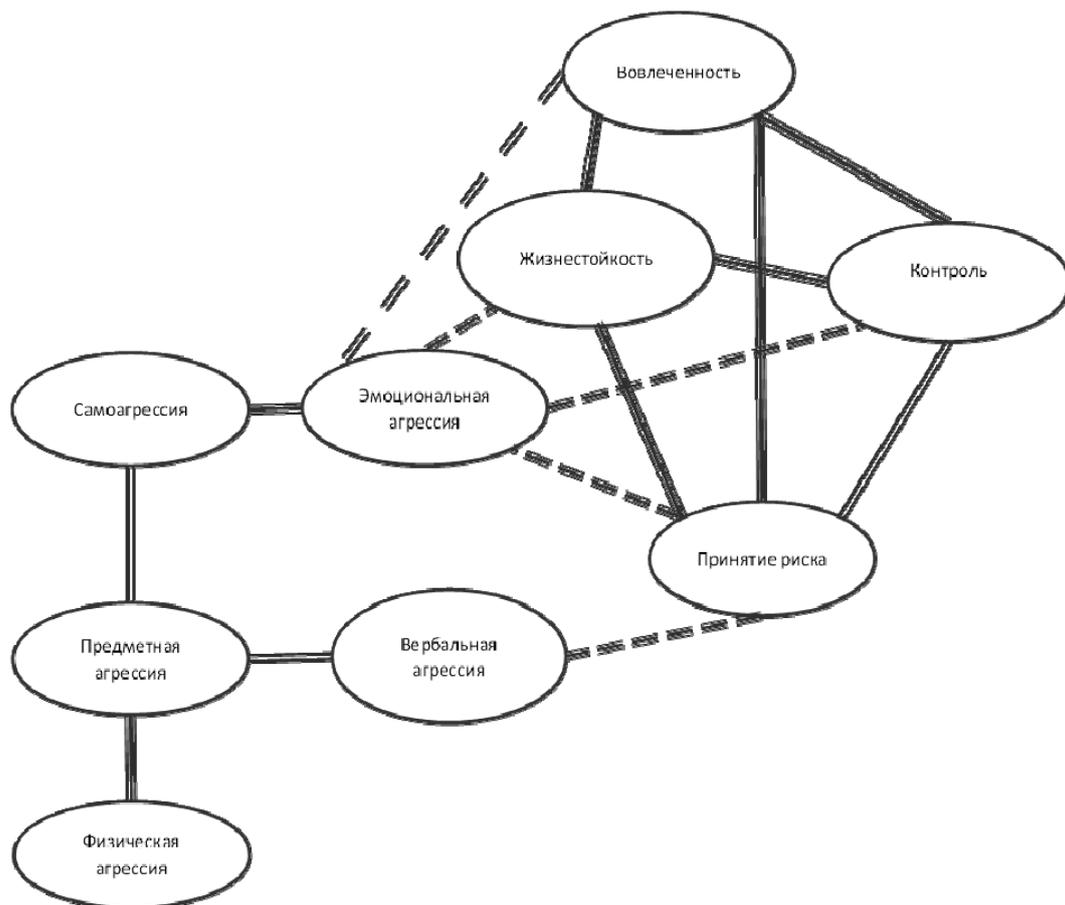

Рис. 2. Корреляционная плеяда связей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у девушек:

- ==== — прямая связь ($p < 0,01$);
- ===== — прямая связь ($p < 0,001$);
- ==== - - - — обратная связь ($p < 0,01$);
- ===== - - - — обратная связь ($p < 0,001$)

Исходя из полученных результатов можно сказать, что у девушек были выявлены следующие прямые положительные связи (на уровне значимости $p < 0,001$): между вовлеченностью и контролем, это говорит о том, что девушки, самостоятельно выбирающие собственную деятельность в жизни и умеют контролировать ее, как правило, получают удовольствие от этой деятельности; между вовлеченностью и принятием риска, что свидетельствует о том, это девушки, которые увлечены своим делом, могут пойти на риск ради своего интереса, который содействует их развитию за счет овладения знаниями, извлекаемыми из опыта; между вовлеченностью и жизнестойкостью, это связано с тем, что когда девушки занимаются любимым делом, то оно помогает им в жизни меньше отвлекаться на суету, позволяет выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации; между контролем и жизнестойкостью, это говорит о том, что девушки, которые умеют противостоять различным жизненным трудностям, эффективно преодолевают стрессовые ситуации, а также считают, что лично выбирают собственную деятельность, свой путь; между принятием риска и жизнестойкостью, это свидетельствует о том, что если у девушек что-то случается в их делах, в которых они рискнули что-то изменить, то это помогает им в будущем преодолевать стрессовые ситуации и почти не замечать их; между физической агрессией и предметной агрессией, это связано с тем, что когда девушки злятся, они проявляют агрессию при помощи физической силы к другим людям, а также при помощи срыва агрессии на окружающих предметах; между эмоциональной агрессией и самоагрессией, это говорит о том, что если у девушек что-то не получается, агрессия может проявляться не только путем помощи неприязни при общении с другими людьми, но и в виде недовольства собой.

Таким образом, полученные результаты позволили подтвердить выдвинутые ранее гипотезы о том, что существуют различия между показателями жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей и девушек и что существуют различия в структуре связей показателей жизнестойкости, мотивации к успеху и агрессивности у юношей и девушек.

Библиографический список

1. Александрова, Л. А. Концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова / под редакцией М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. – С. 82–90. – Текст : непосредственный.
2. Дмитриева, Т. Б. Агрессия и психическое здоровье / Т. Б. Дмитриева, Б. В. Шостакович. – Санкт-Петербург : Юрический центр Пресс, 2002. – 207 с. – Текст : непосредственный.
3. Логинова, М. В. Жизнестойкость личности как фактор адаптации к условиям обучения в вузе / М. В. Логинова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 6. – С. 77–80.
4. Рожков, Е. М. Мотивация достижения успеха и избегания неудач в работах отечественных и зарубежных ученых / Е. М. Рожков. – Текст : непосредственный // Современная наука. – 2014. – № 3. – С. 44–46.
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 712 с. – Текст : непосредственный.
6. Чайко, Е. А. Гендерные особенности агрессивности студентов с разным уровнем самооценки / Е. А. Чайко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 3. – С. 147–151.

Смысложизненные ориентации и завистливость у студентов транспортного вуза

Ключевые слова: *смысложизненные ориентации, осмысленность жизни, направленность личности, зависть, завистливость, зависть-уныние, зависть-неприязнь.*

В современном обществе, характеризующемся ухудшением межличностных отношений вследствие ряда социальных факторов, зависть становится одной из актуальных проблем для психологической науки, оказывающих разрушительное влияние на личность и социум. Возникновение завистливости прежде всего зависит не от ее объекта, а от преобладающих направленностей и смысложизненных ориентаций личности, которая испытывает зависть.

Изучением завистливости занимались такие исследователи, как К. Муздыбаев [10], Т. В. Бескова [1], Н. В. Усова [16], Р. М. Шамионов [18]. Ряд научных работ посвящен описанию структуры завистливости, ее компонентов и уровней. Завистливость рассматривается на трех уровнях – сознания, эмоционального переживания и реального поведения [11]. Авторы выделяют несколько видов зависти в зависимости от вызываемых эмоций и ее осознанности. Т. В. Бескова описывает такие виды зависти, как зависть-неприязнь и зависть-уныние [1].

Современные исследования феномена зависти направлены на выявление взаимосвязи завистливости с различными психологическими явлениями. Зависть связывают с объективным и субъективным экономическим благополучием личности – удовлетворенность материальных потребностей является медиатором связи такого вида зависти, как зависть-уныние [18]. Изучение взаимосвязи завистливости и ценностной сферы завидующей личности позволяет выявить определяющие для нее ценности: центральной для зависти является оппозиция ценностей универсализма и щедрости; специфичной для зависти-уныния является оппозиция ценностей универсализма и стимуляции, для зависти-неприязни – оппозиция ценностей традиции и щедрости [16]. Также было установлено, что самую высокую и статистически значимую склонность к зависти проявляют студенты [10].

Тема смыслов неоднократно поднималась в работах Д. А. Леонтьева [8], Б. С. Братуся [2], Т. Н. Сахаровой [14] и др. Смысл жизни в научных трудах определяется как насущная потребность, основа которой – противоречие между универсальной сущностью рода и индивидуальной границей бытия или смертностью [2]. Смысл жизни «является стержневым образованием смысловой сферы личности и ведущей инстанцией мотивационной регуляции ее индивидуальной жизнедеятельности» [7].

Смысложизненные ориентации описываются как ярко выраженные смысложизненные направленности личности, представляющие собой совокупность

мотивов поиска человеком смысла своего существования [17]. Выделяются такие смысловые образования, как формирование личностью образа своего будущего для определения активности и принципов ведения данной активности, возможности внутренней оценки своих поступков и развития внутренних ориентиров [3].

Д. А. Леонтьев разделяет осмысленность жизни на следующие составляющие: цели в жизни (будущее), ее процесс (настоящее) и результативность (прошлое), а также локус контроля как интернальность личности. По мнению ученого, смысложизненные ориентации включают в себя как индивидуальное отражение отношения человека к объектам деятельности, так и систему стремлений личности [8].

Исследования смысложизненных ориентаций на сегодняшний день связаны со многими психологическими концепциями. Работы, связанные с изучением смысложизненных ориентаций у студентов, заслуживают особого внимания. Широкий спектр исследований раскрывает специфику формирования смысложизненных ориентаций в процессе обучения и подготовки к профессиональной деятельности.

Исследователи отмечают, что в юности смысложизненные ориентации лежат в области образовательной сферы и сферы увлечений [14]. Анализ смысложизненных ориентаций как одного из личностных факторов сферы увлечений и досуга позволяет сделать следующие выводы: чем больше выражены осмысленность и результативность жизни у молодежи, тем более разнообразен ее досуг, больше положительных переживаний, связанных с досуговой активностью, также субъективно отсутствуют препятствия для реализации досуговой активности [4].

Особенности смысложизненных ориентаций и их связь с направленностью личности в период обучения раскрываются в работе А. П. Мережникова. Для девушек характерно стремление при любых обстоятельствах поддерживать отношения с другими людьми, и они воспринимают свою жизнь более осмысленной, чем юноши, для юношей – увлечение процессом деятельности. Общую осмысленность жизни юношей снижает преобладание мотивов собственного благополучия [9].

Активным изучением направленности личности за последние несколько лет занимались И. Н. Ефремкина [6], Л. Н. Степанова [15], Т. В. Шершнева [19], О. А. Мусатова [12], С. И. Дьяков [5]. Направленность личности представляет собой специфический мотив, определяющий деятельность человека. Она состоит из смыслового содержания и динамического компонента [13].

Современные исследования охватывают проблему профессиональной направленности и ее влияния на деятельность человека. Т. В. Шершнева в своей работе, посвященной анализу профессиональной направленности студентов, связывает ее с понятием карьерных ориентаций [19]. Понятие профессиональной направленности личности выступает как фактором готовности к трудовой деятельности [12], так и составным образованием мотивационно-ценностной

сферы [5]. В статье Л. Н. Степановой наряду с феноменом направленности личности рассматривается проблема суверенности психологического пространства личности в юношеском возрасте, а также проводится анализ их взаимосвязи [15]. И. Н. Ефремкина, обращаясь к теме направленности личности, раскрывает ее в контексте взаимосвязи с установками и мотивами как стержневую психологическую особенность [6].

Целью исследования являлось определение особенностей смысложизненных ориентаций и завистливости у студентов транспортного вуза.

Объектом исследования выступили юноши и девушки – студенты транспортного вуза, предметом исследования – смысложизненные ориентации, направленность личности и завистливость у студентов транспортного вуза.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия между показателями шкал смысложизненных ориентаций, направленности личности и завистливости у юношей и девушек – студентов транспортного вуза.

2. Существуют различия в структуре связей между показателями шкал смысложизненных ориентаций, направленности личности и завистливости у юношей и девушек – студентов транспортного вуза.

В состав выборки исследования вошли 60 человек – 37 девушек и 23 юноши в возрасте от 17 до 23 лет. Выборка представлена студентами различных направлений подготовки Петербургского государственного университета путей сообщений Императора Александра I. Использовались следующие методики: методика исследования завистливости личности Т. В. Бесковой, тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, методика диагностики направленности личности Б. Басса (Опросник Смекала-Кучера; адаптация В. Черны, Т. Колларик).

Эмпирическое исследование выявило статистически значимые различия (уровень значимости – 0,05) по комплексу методик исследования у студентов с ведущей направленностью «на взаимодействие» и студентов с ведущими направленностями «на себя» и «на задачу». Студенты с направленностью «на общение» меньше удовлетворены прожитой частью жизни, чем студенты с направленностью «на себя» и профессиональной направленностью.

Для определения связей между показателями смысложизненных ориентаций, направленности личности и завистливости у юношей и девушек был проведен корреляционный анализ.

Корреляционный анализ результатов общей выборки показал следующие связи. Направленность «на задачу» у студентов имеет прямые связи с локусом контроля-Я и осмысленностью жизни. Студенты с направленностью «на задачу» видят себя зрелыми личностями и ориентируются в жизни на свои осознанные взгляды. Направленность «на взаимодействие» имеет обратные связи с целями в жизни и общим показателем осмысленности жизни. Для студентов с направленностью «на общение» характерно отсутствие осмысленных целей в будущем. Результат жизни имеет обратную связь с завистью-унынием. Локус контроля-Я имеет обратные связи с завистью-неприязнью и завистью-унынием.

Локус контроля-жизнь имеет обратные связи с завистью-неприятностью и завистью-унынием. Общий показатель осмысленности жизни имеет обратные связи с завистью-неприятностью и завистью-унынием. Осмысленные и удовлетворенные прожитым отрезком жизни студенты не склонны к завистливости.

Корреляционный анализ результатов девушек показал следующие связи. Направленность на взаимодействие имеет обратные связи с локусом контроля-Я и осмысленностью жизни. Девушки с направленностью «на взаимодействие» не видят себя осознанными сильными личностями, способными осмысленно ставить цели в будущем. Зависть-уныние имеет обратные связи с локусом контроля-Я, локусом контроля-жизнь и осмысленностью жизни. Девушки, имеющие осмысленные представления о своей жизни, не испытывают печали и отчаяния по отношению к предмету зависти.

Корреляционный анализ результатов юношей показал следующие связи. Направленность «на задачу» имеет прямые связи с целями в жизни и локусом контроля-Я. Юноши с профессиональной направленностью воспринимают себя сильными свободными личностями и ориентируются на свои осмысленные цели в будущем. Направленность «на задачу» имеет обратную связь с завистью-неприятностью. Юноши с направленностью «на задачу» не склонны к агрессии из-за зависти. Зависть-неприятность имеет обратные связи с целями в жизни, результатом жизни, локусом контроля-Я, локусом контроля-жизнь и осмысленностью жизни. Зависть-уныние имеет обратные связи с результатом жизни и осмысленностью жизни. Удовлетворенные осмысленно прожитой частью жизни юноши не склонны к зависти-унынию.

Полученные результаты позволяют характеризовать студентов с направленностями «на себя» и «на задачу» как более удовлетворенных прожитой частью жизни, чем студенты с направленностью «на взаимодействие».

Представление о себе как о зрелой осознанной личности у студентов связано с направленностью «на задачу». Отсутствие осмысленных целей в будущем у студентов связано с направленностью «на взаимодействие». Студенты, удовлетворенные прожитой частью жизни и ориентирующиеся на свои осознанные взгляды, не склонны к проявлениям зависти.

Отсутствие уверенности в своих силах, невозможность контролировать свою жизнь в соответствии с целями и представлениями о ее смысле у девушек связаны с направленностью «на взаимодействие». Проявление зависти-уныния не характерны для девушек, имеющих осмысленные представления о своей жизни.

Представление о себе как о сильной целеустремленной личности у юношей связано с направленностью «на работу». Юноши с профессиональной направленностью не склонны к проявлениям зависти-неприятности. Проявления зависти-неприятности характерны для юношей, не удовлетворенных пройденным отрезком жизни и не имеющих осмысленных целей на будущее. Юноши, удовлетворенные осмысленно прожитой частью жизни, не склонны к проявлениям зависти-уныния.

Гипотеза исследования подтвердилась в части наличия значимых различий в структуре связей между показателями шкал смысло-жизненных ориентаций,

направленности личности и завистливости у студентов, но не подтвердилась в том, что различия существуют между девушками и юношами – различия были выявлены между студентами с направленностями «на себя» и «на задачу» и студентами с направленностью «на общение».

Таким образом, можно сделать вывод, что студенты, обладающие более высоким уровнем осмысленности, удовлетворенные прожитым отрезком жизни и уверенные в своей способности контролировать жизнь, меньше склонны к завистливости.

Библиографический список

1. Бескова, Т. В. Особенности проявления зависти в межличностном взаимодействии субъектов / Т. В. Бескова. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 12 (5-1). – С. 103–109.

2. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 304 с. – Текст : непосредственный.

3. Братусь, Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания / Б. С. Братусь / под редакцией А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. – Москва : Смысл, 1999. – С. 285–298. – Текст : непосредственный.

4. Воробьева, А. Е. Личностные факторы досуговой активности молодежи / А. Е. Воробьева, А. А. Акбарова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2020. – № 1. – С. 55–64.

5. Дьяков, С. И. Семантика свойств мотивационно-ценностной самоорганизации в профессиональной направленности студентов-психологов / С. И. Дьяков. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2021. – № 2 (54). – С. 153–158.

6. Ефремкина, И. Н. Исследование взаимосвязи направленности личности с мотивами и установками в юношеском возрасте / И. Н. Ефремкина. – Текст : непосредственный // *Akademická Psychologie*. – 2019. – № 4. – С. 29–33.

7. Карпинский, К. В. Бездуховный смысл жизни как источник кризиса в развитии личности / К. В. Карпинский. – Текст : непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8. – № 1. – С. 27–58.

8. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев – 3-е изд., доп. – Москва : Смысл, 2007. – 511 с. – Текст : непосредственный.

9. Мережников, А. П. Особенности направленности личности, смысложизненных ориентаций и их взаимосвязей у юношей и девушек первого года обучения в вузе / А. П. Мережников. – Текст : непосредственный // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. – № 12 (154). – С. 341–344.

10. Муздыбаев, К. Психология зависти / К. Муздыбаев. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1997. – № 6. – С. 7–20.

11. Муздыбаев, К. Завистливость личности / К. Муздыбаев. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 39–48.

12. Мусатова, О. А. Профессиональная направленность личности как фактор психологической готовности к вхождению в трудовую деятельность / О. А. Мусатова, В. Н. Футин. – Текст : непосредственный // Психолого-педагогический поиск. – 2021. – № 2 (58). – С. 122–130.

13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 720 с. – Текст : непосредственный.

14. Сахарова, Т. Н. Возрастная динамика смысложизненных ориентаций личности / Т. Н. Сахарова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного технологического университета. – 2012. – № 10-2. – С. 156–160.

15. Степанова, Л. Н. Суверенность психологического пространства и направленность личности в юношеском возрасте / Л. Н. Степанова. – Текст : непосредственный // Вопросы педагогики. – 2020. – № 3-1. – С. 213–216.

16. Усова, Н. В. Ценностные приоритеты субъектов зависти / Н. В. Усова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 60–64.

17. Чудновский, В. Э. Смыслжизненный аспект современного процесса образования / В. Э. Чудновский. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 50–70.

18. Шамионов, Р. М. Взаимосвязь завистливости и характеристик объективного и субъективного экономического благополучия личности / Р. М. Шамионов. – Текст : непосредственный // Экспериментальная психология. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 87–97.

19. Шершнева, Т. В. Анализ профессиональной направленности личности современных студентов / Т. В. Шершнева. – Текст : непосредственный // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 3 (87). – С. 145–150.

Прялухина А. В.

Образ собственного тела и личностные характеристики студентов транспортного вуза

Ключевые слова: *образ собственного тела, личностные характеристики, смысложизненные ориентации, локус контроля, удовлетворенность жизнью, самоотношение.*

Статья посвящена восприятию собственного тела студентами транспортного вуза. Проведен сравнительный анализ образа собственного тела, смысложизненных ориентаций, самоотношения и уровня субъективного контроля у студентов с разным уровнем удовлетворенности собственным телом. Результаты исследования показали, что у удовлетворенных собственным телом, осмысленность и результативность жизни выше, чем у студентов, неудовлетворенных собственным телом. У студентов, удовлетворенных собственным телом, среднее значение показателей по всем шкалам выше, чем у неудовлетворенных собственным телом. Однако сравнение групп студентов с разным уровнем удовлетворенности собственным телом показало, что студенты обеих групп планируют цели в жизни, адекватные их возможностям.

Проблемы, связанные с образом тела, затрагивают людей всех возрастов. В современном обществе с растущим представлением об идеальном теле молодые люди пытаются похудеть или набрать мышечную массу, чтобы достичь идеального тела. Образ тела – многомерное понятие, которое включает в себя положительное и отрицательное восприятие, личностные характеристики, поведение и отношение людей к своему телу и внешнему виду. Идеальный стандарт красоты, определяемый как наличие стройного и/или мускулистого тела, заставляет молодежь обращать внимание на малейшие недостатки своей внешности и приписывать ей несуществующие, что приводит к негативному восприятию и снижению удовлетворенности собственным телом.

Теоретический анализ данной проблемы показал, что отношение к телесному облику у студентов-юношей и студентов-девушек имеет различия, которые вызваны стереотипами, идеалами, модными тенденциями [4]. По мнению Н. А. Каминской, механизмами формирования положительного образа своего внешнего облика выступает смысловое опосредствование в рамках образа физического «Я», положительная эмоциональная оценка своего тела, а негативного образа своей внешности – недостаток средств принятия себя (фрустрированность потребностей) [2]. О. А. Скугаревский структуру неудовлетворенности собственным телом представляет в виде двух компонентов: оценочного (основанного на мышлении) и перцептивного (основанного на восприятии) [3].

В исследовании образа тела Yarmohammadi S. и др. показано, что удовлетворенность жизнью коррелирует с восприятием образа тела. Несоответствие между субъективным восприятием образа тела и стремлением к идеальному типу телосложения может мешать ощущению удовлетворения и стремиться к изменениям во внешности, напрямую влияя на психическое здоровье и общее самочувствие [5].

Во многих работах авторы отмечают, что образ собственного тела основан на личностных характеристиках, в основе которых лежит «Я-концепция», отражающая структуру самоотношения и самосознания [1].

Таким образом, появилась необходимость исследовать образ собственного тела и личностные характеристики студентов транспортного вуза. Выборка в количестве 60 человек представлена студентами Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Методики исследования: опросник образа собственного тела (О. А. Скугаревский, С. В. Сивуха); тест «Смыслоразностные ориентации» (Д. А. Леонтьев); методика «Уровень субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткин); методика исследования самоотношения (С. Р. Пантеев).

При помощи опросника образа собственного тела и t-критерия Стьюдента были сравнены 2 группы респондентов: 1-я группа – студенты удовлетворены собственным телом – 52 % и 2-я группа – студенты не удовлетворены собственным телом – 48 %.

У студентов, удовлетворенных собственным телом, среднее значение показателей по всем шкалам выше, чем у студентов, не удовлетворенных собственным телом. Сравнение групп студентов с разным уровнем удовлетворенности собственным телом показало, что студенты обеих групп планируют цели в жизни, адекватные их возможностям.

Однако студенты первой группы имеют конкретные жизненные цели и способы их достижения. Студентам второй группы планирование целей дается сложнее. У студентов первой группы осмысленность и результативность жизни выше, чем у второй, что говорит о высоком уровне жизнестойкости, продуктивности и удовлетворенности жизнью.

Корреляционный анализ показал следующие взаимосвязи шкал исследования у студентов, удовлетворенных своим телом: отраженное самоотношение обладает обратной (отрицательной) связью с процессом ($r = -0,39$, $p \leq 0,05$): чем

ниже потребность студентов в заинтересованности собственного «Я», тем выше неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и желание жить сегодняшним днем. Самообвинение связано прямой (положительной) связью с интернальностью в области межличностных отношений ($r = 0,40$, $p \leq 0,05$): чем выше чувство самообвинения, тем сложнее респонденту выстраивать взаимоотношения с другими людьми.

У студентов второй группы: интернальность в области неудач обладают прямой связью с целью жизни ($r = 0,37$, $p \leq 0,05$): чем выше чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, тем выше целеустремленность человека и наличие целей в будущем.

Интернальность в отношении здоровья и болезни обладает обратной связью с процессом жизни ($r = -0,37$, $p \leq 0,05$): чем ниже ответственность за свое здоровье, тем выше удовлетворенность жизнью в настоящем и желание жить сегодняшним днем.

Самоуверенность связана прямой связью с результатом жизни ($r = 0,45$, $p \leq 0,05$): чем больше у студента выражается самоуверенность, ощущение силы собственного «Я» и высокая смелость в общении, тем больше он оценивает, насколько продуктивно и осмысленно была прожита часть жизни.

Саморуководство связано прямой связью с интернальностью в семейных отношениях ($r = 0,40$, $p \leq 0,05$): чем отчетливее студент переживает собственное «Я» как внутренний стержень, тем сильнее он считает себя ответственным за события, происходящие в его семейной жизни.

Самоценность связана прямой слабой связью с интернальностью в области достижения ($r = 0,40$, $p \leq 0,05$): чем выше ощущение ценности собственной личности, тем выше человек оценивает свой потенциал и свои результаты.

Самопривязанность связана прямой связью с интернальностью в области достижения ($r = 0,48$, $p \leq 0,01$): чем выше ригидность «Я-концепции», стремление сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, тем выше возможности в достижении собственных целей и желаний.

Внутренняя конфликтность обладает прямой связью с целью ($r = 0,51$, $p \leq 0,01$): чем выше преобладание негативного фона отношения к себе, тем выше желание изменить и воплотить свои желания и цели.

Самообвинение связано прямой связью с целью ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$): чем больше человек видит в себе прежде всего недостатки, готовность поставить себе в вину все свои промахи и неудачи, тем больше желание работать и добиваться успехов.

Таким образом, существуют различия в структуре смысложизненных ориентаций, самоотношения и уровня субъективного контроля у студентов с разным уровнем удовлетворенности собственным телом.

Библиографический список

1. Волкова, Т. Г. Анализ образа Я как продукта самосознания личности / Т. Г. Волкова. – Текст : непосредственный // Современная психология : материалы Международной научной конференции, г. Пермь, июнь 2012 г. – Пермь : Меркурий, 2012. – С. 1–4.

2. Каминская, Н. А. Психологические средства формирования личностью образа своего внешнего облика: качественное исследование / Н. А. Каминская. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 1 (25). – С. 72–83.

3. Скугаревский, О. А. Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки / О. А. Скугаревский, С. В. Сивуха. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2006. – № 2 (10). – С. 40–48.

4. Хрупова, А. Н. Представления студентов об идеале собственного тела / А. Н. Хрупова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2019. – № 2. – С. 54–64.

5. Yarmohammadi S. Relationship between Quality of Life and Body Image Perception in Iranian / S. Yarmohammadi, M. Ghaffari, H. Yarmohammadi, P. Hosseini Koukamari, A. Ramezankhani // Medical Students: Structural Equation Modeling. Int J Prev Med. 2020 Oct 5;11:159. doi: 10.4103/ijpvm.IJPVM_203_19. – Текст : непосредственный.

Казначеева Н. Б., Мазурова И. С.

Адаптивность, нервно-психическая устойчивость и уровень работоспособности у специалистов

Ключевые слова: *адаптивность, работоспособность, нервно-психическая устойчивость, организационная психология, первичная адаптация.*

В активно развивающемся мире адаптация является одним из основных условий, которые нужны для комфортной и полноценной жизни. Это касается не только социальной адаптации, но и адаптации на работе, в новой деятельности и новых условиях. Одним из критериев адаптации является нервно-психическая устойчивость, которая оказывает влияние на все аспекты нашей жизни и является не только психологической характеристикой, но и психофизиологической составляющей каждого человека. Так как данные показатели напрямую оказывают влияние на все аспекты жизни современного человека, эти же показатели оказывают воздействие на уровень работоспособности индивида, а уровень работоспособности – один из важных показателей для организаций и работодателей. Этот аспект может быть ключевым не только во время приема на должность, но и важным в течение всей работы.

Для организации необходимо, чтобы человек быстро влился в работу и коллектив, чтобы его показатели не падали, а работоспособность только росла. Все это зависит не только от мотивации, способностей и желаний, но и от адаптационных возможностей человека, поэтому мы хотим найти связь и выявить их важность. Если мы обратимся к предшествующим работам по смежным темам, то можно выявить следующее. Успешная первичная адаптация работника может быть спрогнозирована исходя из его устойчивых психологических и социальных характеристик, которые были сформированы в процессе социализации. Также отмечается, что у работников можно выявить своеобразные социально-психологические ресурсы, которые обычно отражают особенности организационной субкультуры [4].

Тогда мы можем говорить о том, что, имея нужный методический аппарат, мы сможем узнать уровень первичной адаптации работников на рабочем месте и выделить важные социально-психологические характеристики, профессионально важные для организации.

Рассматривая такой показатель, как работоспособность, не стоит забывать, что он относится к числу не только психологических, но и психофизиологических. Работоспособность зависит от времени суток, длины рабочего дня, времени года и протекания рабочей недели. Также данный показатель может быть представлен в количественном эквиваленте, что делает его весьма ощутимым для работодателя. Это может быть количество продукции, объем часов или документации, количество посетителей или клиентов, процент от общего объема работы и т. д.

Чаще всего в отношении данного фактора вводят термин «функциональное состояние». Функциональное состояние – термин из психологии и физиологии, означает системную реакцию организма в виде динамического комплекса наличных характеристик физиологических функций и качеств человека, которые прямо или косвенно определяют выполнение деятельности [5].

Если мы вспомним Э. Ф. Зеера и его профессионально обусловленную структуру личности специалиста, то в данном исследовании есть одна из подструктур, которая называется «профессионально значимые психофизиологические свойства» и включает в себя такие факторы, как сила нервной системы, подвижность нервной системы, лабильность нервной системы, динамичность и активированность [6]. Из всего вышеперечисленного нам больше всего интересны сила и лабильность нервной системы, так как эти показатели являются основными составляющими нервно-психической устойчивости.

Свойства нервной системы имеют генотипическую природу и понимаются в этом смысле как практически неизменные, стабильные характеристики человека, поэтому нельзя не считаться с ними и не обращать на них внимание, особенно когда они оказывают прямое влияние на деятельность человека [8]. Именно поэтому такие показатели, как нервно-психическая устойчивость (НПУ) и работоспособность, так тесно связаны между собой и важны для работодателей и работников.

Рассматривая нервно-психическую устойчивость, нужно помнить, что она обусловлена активностью адаптационных механизмов, именно поэтому показатели НПУ, адаптивности связаны и рассматриваются в связке, а также именно механизмы адаптации обеспечивают возможность функционирования систем организма в изменяющихся условиях среды [10].

В трудах Л. И. Божович [3] рассматриваются процессы адаптации в онтогенезе. Психические особенности качества на ранних этапах онтогенеза возникают путем приспособления субъекта к требованиям среды, а уже затем они приобретают самостоятельность и начинают определять их дальнейшее развитие.

Г. Селье [9] в процессе исследования закономерностей адаптации вывел понятие «стресс» для обозначения неспецифической реакции организма на любое предъявляемое ему требование. Все результаты Г. Селье отобразил в кон-

цепции об общем адаптационном синдроме, где выявил три стадии: первая – стадия тревоги – это мобилизация защитных реакций организма; вторая – стадия сопротивления, повышения уровня сопротивления травмирующему стрессору, если оно совместимо с возможностями адаптации (на данной стадии проявляется нервно-психическая устойчивость личности), третья стадия – стабилизация или истощение.

Ю. А. Александровский [1] рассматривает психическую адаптацию с позиции теории функциональных систем П. К. Анохина [2] «как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, активность которой обеспечивается не просто совокупностью отдельных компонентов (подсистем), а их взаимодействием и «содействием», порождающим новые интегративные качества, не присущие отдельным образующим подсистемам».

В концепции о личностном адаптационном потенциале А. Г. Малкаров [7] говорит, что адаптационные способности являются интегральными свойствами личности и индивида, в которых системно выражены взаимосвязанные и наиболее значимые для процесса адаптации индивидуальные особенности личности. Именно к таким особенностям Малкаров и относит нервно-психическую устойчивость, а также морально-нравственные и коммуникативные качества. В разрезе данной концепции НПУ характеризует способность человека к обеспечению регуляции взаимодействия с окружающей средой и средой деятельности, особенно в экстремальных или стрессовых ситуациях. Моральная нормативность представляет собой адекватность понимания человеком собственной социальной роли и адекватность отношения к морально-нравственным нормам поведения. В то время как коммуникативные качества – это умение строить межличностные контакты.

Это лишь малая часть тех данных, которые мы можем привести в качестве примеров взаимосвязи таких показателей, как адаптация, нервно-психическая устойчивость и работоспособность. Каждый из этих факторов несет в себе огромное множество дополнительных включений, которые могут быть подвержены более тщательному изучению и которые мы, несомненно, будем рассматривать в нашей работе. Туда можно отнести и стресс в его широком понимании, и его влияние на показатели работоспособности, и НПУ. Также мы обязательно коснемся копинг-стратегий, их выбора и того, как те или иные стратегии влияют на адаптацию и работоспособность специалиста.

Библиографический список

1. Александровский, Ю. А. Пограничные психические расстройства / Ю. А. Александровский. – Москва : Медицина, 1993. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Анохин, П. К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин – Москва : Наука, 1978. – 400 с. – Текст : непосредственный.
3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Москва : Просвещение, 1968. – 435 с. – Текст : непосредственный.
4. Волкова, Н. В. Первичная адаптация персонала как процесс усвоения организационной культуры / Н. В. Волкова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2013. – 25 с. – Текст : непосредственный.

5. Ворфоломеева, Н. П. Разработка методики повышения работоспособности персонала / Н. П. Ворфоломеева. – Томск : ТГУ, 2017. – 65 с. – Текст : непосредственный.
6. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учебное пособие для студентов вузов / Э. Ф. Зеер ; Моск. психол.-социал. ин-т. – Москва : Моск. психол.-социал. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – 480 с. – Текст : непосредственный.
7. Малкаров, А. Г. Личностный адаптационный потенциал, его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Малкаров. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.
8. Психологический словарь / под редакцией В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Педагогика-пресс, 1999. – 440 с. – Текст : непосредственный.
9. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – Рига : Виета, 1992. – 109 с. – Текст : непосредственный.
10. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 536 с. – Текст : непосредственный.

Мобильное устройство как средство регулирования межличностной дистанции

Ключевые слова: *общение, взаимодействие, мобильное устройство, дистанция, культурно-историческая концепция.*

Мобильное устройство (далее – устройство), созданное изначально для облегчения связи между людьми, в настоящее время способно играть иную роль. Устройство продолжает выполнять его главную функцию с дополнительным усовершенствованием (к голосовой связи добавился текстовый обмен), но технический прогресс позволил всегда иметь при себе когда-то огромный предмет с проводами, уменьшив его до таких размеров, что легко помещается в карман брюк. Частое присутствие устройства в жизни человека не может не оказывать влияния на различные сферы. Исследователи еще с прошлого века предпринимают попытки понять феномен влияния не только компьютера на жизнь человека, но и его «мини-версии» (телефон в современном виде взял на себя большинство функций, выполняемых компьютером).

Мобильное устройство оказывает непосредственное влияние на одну из важных сфер жизни – межличностное взаимодействие. Возникновение новых явлений, отражающих эмоциональную привязанность человека к мобильному устройству, потребность адаптации этикета во время общения между людьми в связи с использованием устройств, с быстрым развитием технологий – все это создает значимое и перспективное поле для исследований. В своей работе мы не призываем отказываться от «новых» средств, а отмечаем важность понимания, какие последствия возможны при влиянии устройства на взаимодействие между людьми.

Мы допускаем, что мобильное устройство способно выступать средством регуляции дистанции между людьми в процессе общения. Поэтому цель нашего исследования – выявить роль, которую занимает мобильное устройство в регулировании межличностной дистанции при взаимодействии между людьми.

Анализ литературы позволил выделить новые понятия, которые отражают влияние мобильных устройств на человека или на межличностные отношения: синдром фантомной вибрации (Humphreys L., Mazmanian M. A., Deb A., Drouin M.), техноференция (McDaniel B. T., Moser C., Hall J. A., Baym N. K.), фаббинг (Roberts J. A., David M. E., Krasnova H., Gonzales A. L.), номофобия (Yildirim C., King, Cheever N. A.). Обнаружены исследования, направленные на изучение влияния присутствия телефона на общение между людьми, свидетельствующие о негативном влиянии (Przybylski A. K., Weinstein N. A., Allred R. J., Crowley J. P.). При этом в доступной литературе не удалось обнаружить исследований причин

применения устройства во время межличностного взаимодействия. Некоторые исследователи отмечают использование мобильного устройства как ограничение или отстранение от реального партнера по взаимодействию. Отграничение – это один из процессов регулирования дистанции, поэтому мобильное устройство действительно может выступать средством регулирования межличностных отношений.

В своем исследовании мы опирались на культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, которая позволяет не сводить поведение человека к зависимости от устройства, а ведет к пониманию того, что мобильное устройство – это лишь орудие-средство, которым пользуется человек.

Для определения роли мобильного устройства при межличностном общении нами рассмотрены основные компоненты общения, которые представляют процессуальную сторону межличностного общения: контакт, коммуникация и взаимодействие.

С функциональной стороны *контакт* является средством удовлетворения потребности в существовании через восприятие и взаимное подтверждение партнеров по общению. Установленный контакт через постоянный обмен информацией обеспечивает стабильность создаваемых связей между людьми. *Взаимодействие* позволяет создать уникальные системы между партнерами по общению через вложение взаимных усилий в действия, направленных друг на друга. Вспомогательным (инструментальным) компонентом общения выступает *коммуникация* как прямой обмен сообщениями (текст и контекст), который имеет смысл для партнеров по общению.

Каждый из компонентов раскрывает свою сторону одного большого процесса – общения между людьми. И каждый из них на своем уровне имеет способы регуляции допустимой близости между партнерами. Возникает вопрос о привлечении мобильного устройства как средства связи, несмотря на то что в обычном понимании оно воспринимается лишь как материальный предмет.

Определимся с тем, что понимается под межличностной дистанцией (близостью, границами и т. д.). Наиболее близко определение дистанции через приватность («privacy»), которую рассматривал И. Альтман: «Приватность является процессом пограничного контроля, при котором люди иногда делают себя открытыми и доступными для других, а иногда закрываются от других» [2, с. 67]. Механизмы дистанцирования состоят из вербального и паравербального компонентов поведения – личное пространство, территориальность, культурно определенные стили реагирования [1].

Во время общения так или иначе люди создают не только физическую дистанцию (регулируя территориальное пространство), но и семантическое/коммуникативное поле (используя те или иные фразы/жесты, предоставляя ту или иную информацию и т. д.). Обращаясь к культурно-исторической концепции, мобильное устройство как материальный предмет в современное время начинает приобретать определенный статус в процессе взаимодействия. Устройства начинают присутствовать почти во всех сферах жизнедеятельности человека. И чем больше времени человек уделяет своему техническому «другу», тем яснее воз-

никает необходимость разграничивать использование устройства в различных сферах. Например, собирается компания друзей, и, возможно, за неимением начала темы для разговора (или другой причины) каждый постепенно «уходит» в свой телефон. Другой пример, когда один из членов компании все время отвлекается на звонки, при этом не извиняясь перед собравшимися или не предупредив их заранее о возможных неудобствах с его стороны, в то время как члены компании лишь про себя выражают недовольство по поводу его поведения, но не говорят своему партнеру об этом (этот пример к вопросу о современной этикете общения). Подобных примеров в своей жизни может наблюдать каждый, но задумывается ли он над тем, поступает ли он так же.

Эмпирическая часть нашей работы заключалась в проведении феноменологического (с элементами психосемантического) исследования, в процессе которого был использован авторский стимульный материал и интервью. Обработка полученных данных производилась с применением метода контент-анализа, обработка полученных результатов – с помощью метода математической статистики и качественного анализа.

Фактологическая база: 60 респондентов от 13 до 80 лет мужского и женского пола.

Стимульный материал. Специально созданные для исследования карточки, на которых изображены 8 различных ситуаций из повседневной жизни людей в компании или в паре, при этом в каждой ситуации присутствует мобильное устройство. Во избежание искажения данных ситуации на карточках придумывались самостоятельно, а не были использованы сюжеты из фильмов/литературы, поскольку возможно узнавание сцены, героев, истории и т. д., которые могут способствовать накладыванию отношения/мнения респондента к фильму/герою на личное отношение к задаваемой ситуации. При этом мы постарались сделать изображенные ситуации приближенными к реальным ситуациям, без явных возрастных, эмоциональных акцентов.

Процедура сбора данных – полуструктурированное интервью. Чтобы избежать вопросов, навязывающих предполагаемый нами ответ, процесс создания конечной инструкции и вопросов проходил в несколько этапов. Вначале нескольким респондентам было предложено описать ситуации, изображенные на карточках; таким образом были выявлены определенные темы и направления, которые позволили сформулировать первые вопросы. Далее респондентам вновь предлагались все карточки с просьбой описать их, и задавались уже составленные вопросы. После ответы обрабатывались, вопросы модифицировались еще раз, процедура проверки составленных вопросов повторялась. После трех опросов были выявлены следующие замечания: процесс описывания всех ситуаций являлся утомительным для респондентов и долгим для дальнейшей интерпретации; первые составленные вопросы не отвечали нашим требованиям по достижению цели.

Было решено предлагать респондентам самостоятельно выбирать ситуации, по которым далее интервьюер задавал вопросы. Предлагалось разобрать минимум две ситуации, а дальнейший разбор зависил от респондента, что поз-

воляло снизить утомляемость как респондента, так и интервьюера и сохранить динамику интервью.

Вопросы на основании первых полученных ответов приняли конечную форму и были вновь опробованы. Задачей было настроить респондента на разбор повседневных ситуаций, а не сформировать позитивное или негативное отношение к мобильному устройству.

Интервью проходило с респондентом индивидуально. Респонденту зачитывалась следующая инструкция: *«Перед вами лежат восемь изображенных ситуаций. Далее вам будут заданы вопросы, связанные с этими ситуациями. У нас нет цели диагностировать непосредственно вас. Наше исследование посвящено пониманию того, как устроено современное общение между людьми в повседневной жизни. Интервью будет записываться на диктофон».*

Во время зачитывания инструкции перед респондентом раскладывались карточки с изображением. Респонденту предлагалось выбрать одну ситуацию, по которой будут заданы определенные вопросы. Затем предлагалось выбрать еще одну, задавались те же вопросы, что и к первой ситуации. Интервью завершалось обобщающими вопросами.

Диктофонные записи расшифровывались в текстовый документ со всеми ответами респондентов. Набранные тексты подвергались контент-анализу. Ответы респондентов делились на смысловые единицы и распределялись по определенным категориям в общий документ (таблицы Microsoft Excel). В результате интеграции теоретически заданных и эмпирически выявленных категорий были получены 24 категории.

К обработке матриц контент-анализа были приглашены независимые эксперты, для которых была написана инструкция для кодирования ответов. Матрицы контент-анализа, полученные от экспертов, проходили обработку по отдельности. Полученные в ходе обработки результаты по каждой категории суммировались. По общей матрице полученных данных был проведен анализ, обсуждение которого проводится ниже.

Первые результаты, которые мы рассматривали, – *категории в зависимости от их субъективной значимости*. Под субъективной значимостью понимается вес представленности категории в сознании респондентов. Мы исходили из того, что чем больше элементов попали в некую категорию, тем значимее она представлена в сознании респондентов, и поэтому интерпретировали как повышенную субъективную значимость этой категории.

В целом проведенный качественный анализ по субъективно значимым категориям выявил, что мобильное устройство в ряде ситуаций действительно выступает средством регулирования параметров близости в межличностном общении. Подкрепление данного вывода получили как в части категорий, заданных на основе теоретической части нашей работы, так и в части категорий, выявленных эмпирически. Часть теоретически заданных категорий оказались по субъективной значимости ниже, чем часть других теоретически заданных, это говорит о том, что в работе нам удалось сделать точный акцент на параметры близости общения, которые получили высокое подкрепление в представле-

ниях у респондентов. Эмпирически выявленные категории, которые также обладают повышенной субъективной значимостью, свидетельствуют о том, что существующие представления у респондентов о регулировании доступа к своим границам не были учтены нами в должной мере.

Далее мы получили результаты *категорий в сравнении между возрастными группами испытуемых* (статистический анализ). Возрастная группа от 13 до 32 лет – 30 человек, возрастная группа от 33 до 80 лет – 30 человек. Статистическая значимость различий между возрастными группами оценивалась с помощью U-критерия Манна – Уитни (программа STATISTICA 8.0). Отличий между возрастными группами при использовании мобильного устройства как средства регулирования межличностной дистанции выявлено не было. Скорость внедрения мобильных устройств в сферы жизнедеятельности людей с каждым годом увеличивается. Все больше становится новых пользователей разного возраста. Плотность взаимодействия с устройством становится чаще, что дает основания предполагать о минимизации разницы между возрастными группами в оценивании мобильного устройства как средства регулирования межличностной дистанции.

В результате качественного анализа мы выявили, что как молодое, так и старшее поколения используют мобильное устройство при межличностном общении как средство регулирования дистанции при общении. Но молодежь чаще прибегает к такому способу оградиться от окружающих, в то время как старшее поколение больше ориентировано на соблюдение норм общения.

Общий статистический анализ подкрепил предположение об отсутствии разницы между возрастными группами в оценивании мобильного устройства как средства регулирования межличностной дистанции, а качественный анализ показывает, что на самом деле процесс овладения этими средствами еще продолжается.

Одним из результатов исследования стал перечень рекомендаций от респондентов, соблюдение которых позволит уберечься от проблем в общении, связанных с использованием мобильного устройства. Респонденты предпочитают, чтобы телефон не использовался во время личных встреч, но важным для них является, чтобы все недопонимания были озвучены вслух и обговорены.

Еще один результат был получен при анализе и интерпретации изображений, выступавших стимульным материалом. Люди чаще выбирают ситуацию, которая вызывает яркую эмоциональную реакцию (положительную или негативную).

Выводы. В данной работе мы рассмотрели наличие связи между межличностной дистанцией и мобильным устройством. В научной литературе не удалось обнаружить явных исследований данного явления, но были получены представления о новых изучаемых феноменах, которые отражают влияние мобильного устройства на человека.

Мобильное устройство становится новым орудием в руках человека. Полученные результаты подтверждают культурно-историческую концепцию: одновременное отсутствие и наличие различий между поколениями в использова-

нии мобильного устройства при межличностном взаимодействии. Молодое поколение чаще использует устройство с целью регулирования доступа к своим границам. Ориентация старшего поколения на процесс живого общения со временем снижается в связи с увеличением временипрепровождения с устройством. При этом как старшее, так и молодое поколение прибегают к использованию мобильного устройства при межличностном общении как к средству регулирования дистанции.

Также показано, насколько редко люди стали встречаться лично, насколько важен процесс живого общения. Но даже редкие минуты, когда человек обращает на это внимание и задумывается над этим, не заставляют его отложить телефон в сторону при личной встрече. В компании друзей кажется, что если я не один такой, то это нормально и ничего страшного, но ощущение одиночества не проходит. Люди выбирают легкий способ ухода от неприятной темы, неинтересного собеседника или нежеланной встречи, просто достав свой телефон.

В данной работе мы стремились показать существование такого феномена, как влияние мобильного устройства на процесс живого, личного взаимодействия. В дальнейшем исследование требует более точного подкрепления, полученные результаты не являются фундаментальными, а открывают новое представление об использовании мобильного устройства при межличностном взаимодействии.

Ограничения, которые удалось выявить в процессе нашего исследования, касаются работы экспертов. Различный уровень профессиональной квалификации экспертов (т. е. эксперты, которые впервые выступали в данной роли и те, которые имеют опыт) ведет к потере тонкостей при обработке, что отражается на результатах. Минимизация рисков для дальнейших исследований включает в себя: подбор более квалифицированных экспертов, создание экспертной группы из большего количества человек, обучение экспертов, создание более детализированной инструкции.

Таким образом, данная работа выявляет наличие нового феномена в современных реалиях, с которым сталкиваются не только люди во время общения, но и эксперты в разных областях.

Библиографический список

1. Доценко, Е. Л. Психология общения : учебное пособие / Е. Л. Доценко. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2011. – 296 с. – Текст : непосредственный.
2. Altman, I. Privacy regulation: Culturally universal or culturally specific? / I. Altman. *Journal of social issues*, 1977. – Т. 33. – №. 3. – С. 66–84. – Текст : непосредственный.

Установки по отношению к Интернету и совладание с трудными ситуациями у студентов

Ключевые слова: *цифровизация, Интернет, установки по отношению к Интернету, склонность к интернет-зависимому поведению, совладание, трудные ситуации, студенты.*

В статье рассматривается проблема установок по отношению к Интернету и совладание с трудными ситуациями у студентов (на базе транспортного и технического вуза). Актуальность исследования обусловлена возрастанием внимания к проблеме интернет-зависимости молодых людей, а также необходимостью развития социально-психологической компетентности у будущих работников транспортной сферы в связи с высокими рисками и социальной ответственностью представителей данной группы профессий. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить установки по отношению к Интернету и способы совладания с трудными ситуациями у студентов. В качестве методик исследования послужили следующие: методика проблематичного использования Интернета Р. Дэвиса в адаптации Э. Губенко; методика «Решение трудных ситуаций» Я. Боукала в модификации О. Ю. Михайловой; методика «Шкала интернет-зависимости» С.-Х. Чена в адаптации В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова. Участниками исследования стали 76 студентов транспортного и технического вузов различных направлений обучения – 38 девушек и 38 юношей в возрасте от 18 до 23 лет.

Определены преобладающая установка по отношению к Интернету (отвлечение) и способ совладания с трудными ситуациями (возрастание усилий к достижению цели) у студентов. Определены различия между показателями установок по отношению к Интернету (одиночество/депрессия выше у девушек), склонности к интернет-зависимому поведению (симптомы отмены выше у девушек) и способов совладания с трудными ситуациями (возрастание усилий к достижению цели и сравнение своих проблем с другими выше у девушек) у студентов разного пола. Определены различия в структуре связей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у студентов и студенток.

При формировании социально-психологических компетенций будущих работников транспортной сферы, в том числе в сфере решения трудных ситуаций, необходимо учитывать их возрастную и половую специфику.

Цифровизация представляет собой комплексный вызов обществу и государству, имеющий сложную природу и разноплановые эффекты в самых различных сферах бытия человека, общества и государства [5]. Интерес к проблеме социального функционирования личности в условиях стремительного развития современных цифровых технологий и средств массовой информации, в том

числе зависимости человека от Интернета, носит всеобщий, междисциплинарный характер, включающий в себя не только подходы естественных и технических наук, но и методологию социально-гуманитарного знания. К наиболее актуальным направлениям научных исследований, которые востребованы обществом и государством, по мнению СПЧ, относится прогнозирование возможных социальных последствий цифровизации, влияния на здоровье нации, рост социальной напряженности.

На данном этапе развития общества социальное развитие человека без включенности в цифровую среду представляется немислимым. При этом Интернет как единая цифровая площадка раскрывает перед людьми, с одной стороны, огромные возможности, в том числе академические, с другой – несет опасность в виде невероятно огромного количества контента, часто имеющего негативный характер.

Актуальность данной темы обусловлена возрастанием внимания к проблеме интернет-зависимости молодых людей. Изучение установок по отношению к Интернету поможет прояснить проблему мотивации активных интернет-пользователей, определить эффективные адаптивные стратегии при использовании сетевого пространства, обеспечить защиту пользователя от определенных угроз информационного, личностного, социального характера.

Проблема зависимости от сети Интернет имеет относительно небольшую историю, но уже раскрыта в различных аспектах и представлена в работах таких ученых, как А. Е. Жичкина, А. Е. Войскунский [1], С. И. Кедич [8], А. А. Колмогорцева [3] и многих других. В более ранних работах обозначена проблема изучения совладающего поведения [2], показана взаимосвязь смысловой сферы личности, стратегий совладающего поведения и удовлетворенности жизнью у студентов [7], что обозначает актуальную проблему социальной психологии личности в аспекте цифровизации современного общества. Специфика студентов транспортного вуза в зависимости от фактора пола определена на примере многих психологических конструктов, например относительно личностной агрессивности, самооценки и жизненной позиции [6], в связи с чем рассмотрение данной проблемы в аспекте половых различий стало содержанием некоторых задач исследования.

По данным социологических опросов, основными пользователями сети в России на сегодняшний день являются молодые люди в возрасте 18–23 лет, т. е. студенты. Для них всемирная сеть представляет собой возможность не только для образования и самообразования, но и для ухода от действительности или качественно иного времяпрепровождения, что может приводить к закреплению проблематичных установок по отношению к Интернету и, соответственно, росту дезадаптивных стратегий решения жизненных проблем. Проблема установок по отношению к Интернету раскрывается в работах Д. А. Михайловой, Н. Л. Сунгуровой [4] и др. В данном исследовании мы опираемся на классификацию установок по отношению к Интернету, предложенную Р. Дэвисом [9].

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить установки по отношению к Интернету и способы совладания с трудными ситуациями у студентов.

Объект исследования: студенты 1–4-х курсов Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I и Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» имени Д.Ф. Устинова разных направлений подготовки в количестве 76 человек, из них 38 человек – девушки и 38 человек – юноши в возрасте от 18 до 23 лет.

Предмет исследования: установки по отношению к Интернету «Социальный комфорт», «Сниженный самоконтроль», «Одиночество/депрессия», «Отвлечение» и способы совладания с трудными ситуациями у студентов и студенток.

Гипотеза исследования:

1. Существуют различия между показателями установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у юношей и девушек.

2. Существуют различия в структуре связей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у юношей и девушек.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ научной литературы по исследуемой теме, подобрать методики исследования.

2. Определить преобладающие установки по отношению к Интернету и способы совладания с трудными ситуациями у студентов.

3. Выявить различия показателей установок по отношению к Интернету, склонности к интернет-зависимому поведению и способов совладания с трудными ситуациями у студентов разного пола.

4. Выявить взаимосвязи установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у студентов разного пола.

В процессе решения задач и проверки достоверности гипотезы были использованы следующие методики исследования: методика проблематичного использования Интернета Р. Дэвиса в адаптации Э. Губенко; методика «Решение трудных ситуаций» Я. Боукала в модификации О. Ю. Михайловой; методика «Шкала интернет-зависимости» С.–Х. Чена в адаптации В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова.

Обработка данных осуществлялась при помощи методов математической статистики с применением критериев различия (Ф-критерий Фишера) и корреляционного анализа К. Пирсона.

Были получены следующие результаты исследования: показатели трех установок по отношению к Интернету – «Социальный комфорт» (31,20 б), «Одиночество/депрессия» (25,22 б), «Сниженный самоконтроль» (28,76 б) – находятся в пределах средних значений, а показатель установки «Отвлечение» (33,17 б) – выше среднего. Для большинства студентов Интернет является пространством, которое позволяет достичь социального комфорта, реализовать потребность в общении, почувствовать себя важным и нужным, обрести чувство безопасности и спокойствия, уйти от реальных дел и обязанностей, и именно реализация последней установки («Отвлечение», показатель выше среднего) может свидетельствовать о проблематичном использовании Интернета студентами (например, «Я часто использую Интернет как предлог, чтобы уйти от неприятных занятий»). Среди способов совладания с трудными ситуациями у студентов преобладают «Возрастание усилий к достижению цели» (17,05 б), «Ин-

трапунитивное восприятие ситуации» (14,82 б.), «Компенсация» (14,76 б.), «Вербальная агрессия» (14,66 б.), «Сравнение своих проблем с проблемами окружающих» (14,61 б.). При возникновении трудностей студенты склонны затрачивать большие усилия, настойчивость и терпение, чтобы добиться поставленной цели, довести начатое дело до конца, несмотря на препятствия или прежние неудачи. Также они обычно берут ответственность на себя и замечают источник трудностей в себе (в недостатке знаний и умений или в чертах характера), стремятся достичь успеха в другой области, но также отличаются склонностью в трудных ситуациях использовать резкие фразы и замечания, успокаивать себя тем, что у других людей дела обстоят еще хуже. В целом студентам несвойственно решение трудных ситуаций с помощью таких способов, как «Наркотизация» (9,37 б.) и «Аутоагрессия» (9,79 б.), т. е. для них нехарактерно стремление решать свои проблемы путем поиска эйфории и самонаказания.

Степень выраженности некоторых установок по отношению к Интернету различается у девушек по сравнению с юношами показатели установки к Интернету «Одиночество/депрессия» значимо выше ($F = 2,483, p \leq 0,01$). Можно предположить, что для девушек в большей степени, чем для юношей, Интернет выступает как средство, помогающее избежать чувство одиночества и избавиться от негативных эмоциональных состояний. При этом у девушек по сравнению с юношами выраженность «Симптомов отмены» заметно выше ($F = 2,210, p \leq 0,05$). Можно предположить, что для девушек в большей степени характерно ощущение дискомфорта, которое они испытывают, если приходится прекратить пользоваться Интернетом на определенный период. Студенты разного пола отличаются также по таким показателям стратегий совладания с трудными ситуациями, как «Возрастание усилий к достижению цели» ($F = 2,678, p \leq 0,01$) и «Сравнение своих проблем с другими» ($F = 2,104, p \leq 0,05$). При возникновении проблем девушки чаще, чем юноши, затрачивают большие усилия, проявляя настойчивость и терпение в достижении целей, прибегают к социальному сравнению и поиску социальной поддержки. Таким образом, гипотеза 1, согласно которой существуют различия в показателях установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у юношей и девушек, нашла свое подтверждение в полученных результатах.

Далее был проведен анализ на определение взаимосвязей показателей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у студентов разного пола. Результаты анализа представлены на рис. 1 и 2.

Сравнивая корреляционные плеяды у студентов-юношей (см. рис. 1) и студенток-девушек (см. рис. 2), можно отметить следующие различия:

1. Различия по установке «Социальный комфорт»: у юношей показатель этой установки по отношению к Интернету связан с такими способами совладания с трудными ситуациями, как «Аутоагрессия» ($r = 0,395, p < 0,05$), «Интрапунитивное восприятие ситуации» ($r = 0,410, p < 0,01$) и «Компенсация» ($r = 0,385, p < 0,05$). У девушек показатель этой установки по отношению к Интернету связан с таким способом совладания с трудными ситуациями, как «Сравнение своих проблем с другими людьми» ($r = 0,323, p < 0,01$).

Рис. 1. Корреляционная плеяда связей показателей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у юношей

Условные обозначения:

— прямая связь, уровень значимости $p < 0,05$

Рис. 2. Корреляционная плеяда связей показателей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у девушек

Условные обозначения:

— прямая связь, уровень значимости $p < 0,05$

--- обратная связь, уровень значимости $p < 0,05$

2. Различия по установке по отношению к Интернету «Одиночество/депрессия»: у юношей показатель этой установки связан с такими способами совладания с трудными ситуациями, как: «Уход» ($r = 0,591, p < 0,001$), «Наркотизация» ($r = 0,321, p < 0,01$), «Механизмы снижения психического напряжения» ($r = 0,389, p < 0,05$) и «Агрессия к предметам» ($r = 0,385, p < 0,05$). У девушек показатель этой установки связан с такими способами совладания, как «Интрапунитивное восприятие ситуации» ($r = 0,331, p < 0,05$), «Компенсация» ($r = 0,444, p < 0,01$), «Возрастание усилий к достижению цели» ($r = -0,372, p < 0,05$).

3. Различия по установке «Сниженный самоконтроль»: у юношей показатель этой установки по отношению к Интернету связан с такими способами совладания, как: «Уход» ($r = 0,616, p < 0,001$), «Сравнение своих проблем с другими людьми» ($r = 0,458, p < 0,01$) и «Агрессия к предметам» ($r = 0,590, p < 0,001$). У девушек показатель этой установки по отношению к Интернету связан с таким способом, как «Уход» ($r = 0,400, p < 0,01$).

4. Различия по установке «Отвлечение»: у юношей показатель этой установки по отношению к Интернету связан почти со всеми (с 9 из 11) способами совладания с трудными ситуациями – такими, как: «Уход» ($r = 0,528, p < 0,001$), «Наркотизация» ($r = 0,402, p < 0,01$), «Сравнение своих проблем с другими людьми» ($r = 0,400, p < 0,01$), «Механизмы снижения психического напряжения» ($r = 0,469, p < 0,01$), «Вербальная агрессия» ($r = 0,466, p < 0,01$), «Агрессия к людям» ($r = 0,456, p < 0,01$), «Агрессия к предметам» ($r = 0,596, p < 0,001$), «Интрапунитивное восприятие ситуации» ($r = 0,449, p < 0,01$) и «Компенсация» ($r = 0,408, p < 0,01$). У девушек показатель этой установки по отношению к Интернету связан с такими способами совладания, как «Уход» ($r = 0,408, p < 0,01$), «Вербальная агрессия» ($r = 0,483, p < 0,01$), «Агрессия к людям» ($r = 0,431, p < 0,01$), «Интрапунитивное восприятие ситуации» ($r = 0,321, p < 0,05$) и «Компенсация» ($r = 0,379, p < 0,05$).

Таким образом, гипотеза 2, согласно которой «существуют различия в структуре связей установок по отношению к Интернету и способов совладания с трудными ситуациями у студентов и студенток», нашла свое подтверждение в полученных результатах.

Различия в структуре связей показателей у студентов разного пола показывают нам специфику решения жизненных трудностей при выраженности той или иной установки на Интернет у юношей и девушек. Чем более выражена установка «Одиночество/депрессия», т. е. тенденция избавляться от неприятных чувств, в том числе чувства одиночества с помощью погружения в виртуальную среду, тем меньше девушки прилагают усилий к достижению своих целей в реальной жизни. В то время как у юношей эта установка связана со склонностью уклоняться от решения проблем и стремлением облегчить восприятие проблемы путем достижения состояния эйфории. У юношей интернет-установка «Сниженный самоконтроль» связана с разными способами совладания с трудными ситуациями («Уход», «Сравнение своих проблем с другими», «Агрессия к предметам»), в то время как у девушек эта установка связана только с таким

способом совладания, как «Уход». То есть для девушек при наличии навязчивых мыслей об Интернете характерна склонность уходить от решения проблем в реальной жизни. Можно предположить, что наличие навязчивых мыслей об Интернете, неспособность сократить время пользования Интернетом делает девушек более ограниченными в выборе способов совладания с трудными ситуациями и создает ситуацию «замкнутого круга» (чем больше я сижу в Интернете в обычное время, тем больше вероятность того, что при встрече с трудной ситуацией я «уйду» в интернет-пространство). Такая установка по отношению к Интернету, как «Отвлечение» выражена и у юношей, и у девушек, она связана со многими способами совладания с трудными ситуациями. То есть молодые люди независимо от пола, использующие Интернет преимущественно как средство для избегания выполнения более важных и ответственных дел, применяют разные способы совладания с трудными ситуациями.

При формировании социально-психологических компетенций будущих работников транспортной сферы, в том числе в сфере решения трудных ситуаций, необходимо учитывать их возрастную и половую специфику. Перспективой дальнейших исследований выступает определение установок по отношению к Интернету и особенностей совладания с трудными ситуациями у студентов с разным уровнем склонности к интернет-зависимому поведению.

Библиографический список

1. Войскунский, А. Е. Зависимость от Интернета: актуальная проблема / А. Е. Войскунский. – Текст : непосредственный // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2015. – № 3. – С. 79.
2. Битюцкая, Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями / Е. В. Битюцкая. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2011. – № 1. – С. 100–111.
3. Колмогорцева, А. А. Психологические предикторы и «протекторы» интернет-зависимости студенческой молодежи / А. А. Колмогорцева, Е. А. Рыльская. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 5. – С. 122–146.
4. Сунгурова, Н. Л. Сравнительный анализ установок студентов по отношению к Интернету / Н. Л. Сунгурова. – Текст : непосредственный // Акмеология. – 2016. – № 4. – С. 156–162.
5. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ). – Москва, 2021. – URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>. – Текст : электронный.
6. Ященко, Е. Ф. Гендерные особенности личностной агрессивности, самооценки и жизненной позиции студентов транспортного вуза / Е. Ф. Ященко, Е. Г. Щелокова, К. Г. Карапетян. – Текст : непосредственный // Человек и транспорт: психология, образование, эргономика : материалы Национальной с международным участием научно-практической конференции ; под общей редакцией Е. Ф. Ященко. – 2022. – С. 105–114.
7. Ященко, Е. Ф. Смыслоразнообразные ориентации, стратегии совладающего поведения и удовлетворенность жизнью у студентов как проблема социальной психологии личности / Е. Ф. Ященко. – Текст : непосредственный // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 88–96.
8. Berezovskaya, I., Affective And Cognitive Factors Of Internet User Behaviour / I. Berezovskaya, O. Shipunova, N. Popova, S. Kedich. – Текст : непосредственный // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Т. 184. – P. 38–49.

9. Davis, R. A. Validation of a new scale for measuring problematic Internet use: Implications for preemployment screening / R. A. Davis, G. L. Flett, A. Besser. – Текст : непосредственный // CyberPsychology & Behavior. – 2002. – № 4. – P. 331–345.

Церфус Д. Н., Зуев Т. Л., Иванова Т. В.

Личностные характеристики, смысложизненные ориентации и мотивация работников сферы услуг

Ключевые слова: *личностные характеристики, смысложизненные ориентации, мотивация, работники сферы услуг.*

В настоящее время сфера услуг занимает ведущие позиции в системе рыночной экономики, а уровень ее развития, динамика, технологические, структурные и другие характеристики оказывают определяющее воздействие на экономический и социальный прогресс. На общехозяйственном фоне сфера услуг выделяется очевидным прогрессом по ряду направлений модернизации и является безусловным лидером на современном рынке труда как отрасль, нуждающаяся в современно подготовленных кадрах и обеспечивающая население страны наибольшим количеством рабочих мест.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что длительное время сфера услуг вообще не вызвала особого интереса. И лишь в последние десятилетия в странах различного социально-экономического типа она стала притягивать внимание многих исследователей, в том числе психологов.

Профессиональная деятельность сферы услуг сопряжена со стрессовыми воздействиями, к числу которых можно отнести возрастающие требования к знаниям, умениям работника, увеличение темпа деятельности, специфику общения с клиентами, дефицит времени и пр. Во многом данные стресс-факторы приводят к повышению психологической напряженности индивида, снижению самоконтроля, функционального уровня ЦНС и работоспособности. Выраженный уровень повседневных стрессоров оказывает влияние на личностные характеристики, смысложизненные ориентации и мотивацию работников [4].

Мотивационная сфера – одна из научных областей, которая тесно связана с личностью и интерес к которой не ослабевает на протяжении многих лет. Изучением личности и мотивации посвящены работы отечественных и зарубежных психологов, к числу которых можно отнести А. Маслоу [5], С. Л. Рубинштейна [5], Э. Эриксона [5], Д. А. Леонтьева [3] и др.

Согласно А. Маслоу [4], поведение человека зависит от потребностей, способностей, определяется внутренними и внешними мотивами, образующими целостную систему, имеющую несколько уровней: от биологических потребностей до потребностей самоактуализации.

С. Л. Рубинштейн [5] в своих работах отмечает, что мотив действий человека неотъемлем от его цели потому, что мотивом является стремление ее до-

стичь. При этом мотив и цель могут как сходиться, так и расходиться. Здесь целью является выполнение общественной деятельности, а мотивом – удовлетворение личных потребностей. Единство деятельности – это совокупность целей, на которые она направлена, и мотивов, из которых она исходит.

Во многом формирование внутренних и внешних мотивов человека связано с направленностью смысложизненных ориентаций. Д. А. Леонтьев в своих работах объединяет личностные характеристики и смысложизненные ориентации, учитывая, что аспекты смысложизненных ориентаций и есть продукт личности [3].

На современном этапе изучению личности, смысложизненных ориентаций и мотивации посвящены научные труды П. В. Худяковой [5], А. В. Горбушиной [1], К. В. Карпинского [2] и др.

П. В. Худякова [5] отмечает, что мотивация играет немаловажную роль в жизни любой трудовой сферы.

Таким образом, исследование личностных характеристик, смысложизненных ориентаций и мотивации в области психологии изучено достаточно широко, но не теряет своей актуальности. Исследование мотивации помогает лучше узнать о мотивах человека и более четко определить потребности работников сферы услуг.

Целью исследования явилось изучение личностных характеристик, смысложизненных ориентаций и мотивации работников сферы услуг.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что существуют различия между показателями шкал личностных характеристик, смысложизненных ориентаций у женщин с высоким и низким уровнем мотивации и структура связей между изучаемыми явлениями имеет свои особенности.

Выборка была представлена женщинами-дизайнерами города Ставрополя, работающими в сфере услуг. Количество исследуемых – 30 человек: женщины в возрасте от 25 до 45 лет с опытом работы до 5 лет. Исследование проводилось на базе сети салонов штор «Тюлькин дом».

Эмпирические методы включают следующие методики: опросник диагностики личностных особенностей профессионала (ЛОП) И. Г. Сенина, В. Е. Орла; тест-опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А. А. Реана, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности в адаптации С. С. Бубновой.

В исследовании были использованы методы математико-статистической обработки данных с применением критериев различия (t-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ.

В соответствии с целью исследования выборка женщин-дизайнеров (далее – работники) была разделена по уровню мотивации на низкий и высокий исходя из полученных результатов по тесту-опроснику «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А. А. Реана.

В рамках сравнительного анализа по тесту смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева были достоверно установлены более высокие результаты в группе работников с высоким уровнем мотивации по показателю шкалы

«Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» при уровне значимости $p \leq 0,01$. На основании данных результатов можно утверждать, что работники с высоким уровнем мотивации склонны видеть свою жизнь более эмоционально насыщенной, наполненной смыслом.

Значимые различия также были выявлены по показателю шкалы «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией». Исходя из полученных результатов можно предположить, что работники с высоким уровнем мотивации испытывают большую удовлетворенность от уже прожитого отрезка своей жизни, воспринимают его как продуктивный и осмысленный (при $p \leq 0,01$).

При дальнейшем анализе были выявлены достоверно значимые различия по показателям шкалы «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» ($p \leq 0,01$). Исходя из полученных результатов можно сделать следующий вывод: работники с высоким уровнем мотивации в большей мере убеждены, что человеку свойственно контролировать свою жизнь и принимать решения.

При анализе корреляционных зависимостей в группах работников с низкой и высокой мотивацией было установлено большее количество связей по всем методикам. При анализе результатов применяемых методик у работников с высокой мотивацией было установлено наличие положительной связи между показателями шкал «Высокий социальный статус и управление людьми» диагностики ценностных ориентаций личности и «Экстраверсия (Э)» опросника ЛОП, что может свидетельствовать о том, что общительные и активные работники больше стремятся к карьерному росту и занятию высоких управленческих должностей (при $p \leq 0,001$). В данной изучаемой группе по результатам анализа характерно наличие отрицательной связи между показателями шкал «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» и «Нейротизм (Н)» ($r = -0,62$; $p \leq 0,001$). Наличие данной связи может означать, что чем выше у работников с высоким уровнем мотивации ощущение осмысленности и продуктивности пройденного отрезка жизни, тем меньше они склонны воспринимать свою профессиональную деятельность как источник стресса.

У данной группы респондентов установлена положительная связь между показателями шкал «Познание нового в мире, природе, человеке» диагностики ценностных ориентаций и «Открытость опыту (О)» опросника ЛОП ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$), что может означать следующее: чем больше у испытуемых выражено желание познавать окружающий мир, тем они более открыты к получению новых профессиональных знаний, умений, принятию новых ценностей и идей.

При корреляционном анализе результатов исследования работников с низким уровнем мотивации была установлена отрицательная связь между показателями шкал «Сотрудничество (С)» опросника ЛОП и возрастом ($r = -0,94$; $p \leq 0,05$). Можно утверждать, что чем старше возраст работников, тем меньше они проявляют желание к совместной деятельности и поддержанию отношений внутри коллектива.

При анализе у работников с низким уровнем мотивации было установлено наличие положительной связи между показателями шкал «Осмысленность жизни» и «Экстраверсия (Э)» (при $p \leq 0,01$). Чем выше уровень осмысленности

жизни, тем в большей степени они склонны к общительности и активности в своей деятельности.

Наличие положительной связи между показателями шкал «Открытость опыту (О)» и «Общение», «Поиск и наслаждение прекрасным» (при $p \leq 0,01$) в данной группе респондентов означает, что чем сильнее проявляются общительность, созерцание и поиск прекрасного в обычной жизни, тем более работники открыты к принятию новых идей и опыта в профессиональной сфере.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования можно сделать следующие выводы, что женщины-дизайнеры с высоким уровнем мотивации чаще имеют определенные цели в жизни, более удовлетворены своей самореализацией, убеждены в том, что могут контролировать свою жизнь и выстраивать ее в соответствии со своими ценностями и идеалами.

Было установлено, что для общительных, напористых и активных работников с высокой мотивацией характерно стремление к карьерному росту, к занятию высоких управленческих должностей. Также было обнаружено, что чем более работники с высокой мотивацией удовлетворены своими достигнутыми профессиональными достижениями, тем они меньше склонны воспринимать свою профессиональную деятельность как источник переживаний.

У работников с высоким уровнем мотивации с ростом желания быть финансово обеспеченными, обладать высоким социальным статусом, влиять на окружающих, стремления к общению и любви повышается уровень активности и настойчивости. Также следует отметить, что стремление работников к познанию нового в мире, природе и человеке ведет к большей открытости новым идеям и опыту в профессиональной сфере.

Чем более осмысленной работники с низким уровнем мотивации видят свою жизнь, тем чаще в своей профессиональной деятельности они проявляют качества, присущие экстравертам, а именно общительность, напористость, активность. Также можно сказать, что работники, стремящиеся к общению с людьми и поиску красоты в процессе своей жизни, более открыты для принятия новых профессиональных идей и опыта.

Результаты исследования могут быть полезны при профессиональном психологическом сопровождении, а именно при оценке карьерных амбиций, мотивации к определенной профессиональной деятельности. Также полученные результаты могут быть использованы при составлении тренинговых программ для более продуктивной деятельности компании, улучшения ее психологического климата и взаимоотношения между ее работниками.

Библиографический список

1. Горбушина, А. В. Закономерности изменения мотивации профессиональной деятельности педагогов / А. В. Горбушина, Г. И. Корчагина. – Текст : непосредственный // Высшая школа экономики. – 2020. – Т. 17. – № 4. – С. 696–718.
2. Карпинский, К. В. Смыслжизненные задачи состояния в развитии личности как субъекта жизни / К. В. Карпинский. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 71. – С. 79–106.

3. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2007. – 511 с. – Текст : непосредственный.

4. Синельникова, Е. С. Эмоциональное выгорание студентов и работников предприятий. Ресурсы его преодоления / Е. С. Синельникова, М. Р. Премонтайте. – Текст : непосредственный // Гуманитаристика как школа мысли : сборник научных трудов. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – 2020. – С. 159–163.

5. Худякова, П. В. Современные представления о системе мотивации труда / П. В. Худякова, О. В. Аршанская. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 1–2 (59). – С. 160–164.

Иванов М. В.

Становление исторической психобиографии как научной дисциплины

Ключевые слова: *личность, время, историческая психобиография, историческая психология.*

Историческая психобиография формируется на пересечении двух исследовательских линий психологии: психобиографии и исторической психологии. Психобиография в современном научном контексте тяготеет к изучению современного человека, т. е. стремится минимизировать временной разрыв между моментом исследования биографии и биографическими событиями. Это дает ей преимущество применять классические психологические методы (интервью, эксперимент, тестирование, тренинги, групповой опрос, даже психокоррекционные процедуры) и устанавливать обратную связь с героем биографии. Такое направление продемонстрировано в капитальной книге Н. А. Логиновой «Психобиографический метод исследований и коррекции человека», изданной в 2001 году. Только на последней странице высказывается мысль о возможном союзе двух отраслей психологии: «Закономерно взаимное тяготение биографической и исторической психологии, так что выделяется проблемная область исторической психологии личности, в которой ставятся вопросы исторической типологии личности, зависимости ее состояний от конкретных исторических ситуаций и событий, механизмов ее исторической адаптации и исторического поведения. В исторической психологии личности, опирающейся на биографический метод, личность не только теоретически, но и эмпирически исследуется как современник эпохи и сверстник поколения» [12, с. 166]. Поэтому большинство положений данной книги о структуре и методах психобиографии может иметь лишь метафорический смысл или эвристическое значение при анализе исторической личности.

Используя классические методы изучения человека (эксперимент, наблюдение, тестирование, самоотчет и пр.), историческая психобиография способна вычленить временный аспект психической жизни и создать динамические типологии личности (т. е. бытия личности во времени). Полученные типологии можно соотнести с историческим материалом, проанализированным гуманитарными методами интерпретации и реконструкции. Диагностика исторической

личности имеет свои ограничения: опытный эксперт способен дать лишь качественный анализ наиболее выраженных явлений (патологии, акцентуаций, личностных типов в разных системах – от телосложения и темперамента до системы личностных диспозиций).

Донаучный период формирования фонда наблюдений и идей исторической психобиографии начинается с появления первых биографических повествований. В древности люди могли судить о душевной жизни конкретного человека отдаленной эпохи только по текстам пророков, философов, историков и писателей. В первом тысячелетии до нашей эры были созданы Библия, поэмы Гомера, драмы Софокла, диалоги Платона, исторические труды Геродота и Фукидида. На закате античности появились «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Анналы» Тацита и «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского. Читатель, познакомившийся только с этими произведениями, открыл бы для себя огромный мир характеров, страстей, интеллектуальных поисков и стремлений постичь сущность человека. Парадокс состоит в том, что именно эпоха античности не просто зафиксировала биографии исторических личностей, она породила биографическое сознание у развитых личностей. Появление письменности создало знаковую структуру, которая могла явить образ человека, имеющего биографию, так как биография построена по правилам письменного текста. Поэтому психобиография может внести серьезные уточнения и в социальную психологию, и в психологию личности.

При исследовании уровней нравственного развития современных традиционных обществ (племенных и сельских) в рамках пятиуровневой теории Колберга гарантированно выявлены были только низшие два уровня нравственного обоснования (из страха, ожидания награды и принятия договоренности), а уровень автономной (посттрадиционной) морали проявлялся только в сложных городских сообществах, да и то спорадически [29, р. 228].

Письменная культура, породив биографию, создала предпосылки создания текстовой структуры личности, обеспечив сознанию повышенную устойчивость структурированных фактов личной внешней и внутренней жизни, укрепленную тождественность себя, породив стремление выстроить достойный жизненный путь. Средневековье укрепило социальную оценку именно внутренних качеств личности (меры высшей саморегуляции как силы совести): мотив поступка стал оцениваться сильнее факта деяния. С эпохи Просвещения начинается последовательное применение рационального подхода к научному исследованию. Тогда и зарождается стремление дать научную и тем самым достоверную картину жизненного пути личности.

Написание биографий до сих пор в основном находится в руках писателей, историков, журналистов и искусствоведов. В серии «Жизнь замечательных людей» опубликованы сотни биографий знаменитых личностей, но в редчайших случаях их создают психологи. В последние годы исключением является книга о Фрейде, написанная П. Лохимсоном – специалистом по психоанализу [13].

Приложение психологии к анализу исторической личности первоначально возникло в зоне психиатрии, но там сравнивалось аномальное поведение чело-

века и достаточно нечеткое представление о нормальной личности. Научная психология XIX века считалась сугубо экспериментальной, ведущей была парадигма В. Вундта, а личностный уровень еще не стал предметом эксперимента. Но идея синтетического характера психики существовала. Его связывали с координацией выделенных психических процессов – и прежде всего с памятью. В «Психическом автоматизме» (1889) психиатр Пьер Жане, опираясь на богатый опыт французской психиатрической школы, выделил два уровня памяти: «Прежде всего есть элементарная, или чувствительная, память, состоящая просто в воспоминаниях известного ощущения, рассматриваемого отдельно, а затем память сложная, интеллектуальная, которая состоит из воспоминания сложных идей и которая может существовать у человека только благодаря дару речи» [6, с. 105]. Ученый уже употребляет категорию «Я», поэтому «сложная память» восходит к его высшим уровням, что открывает путь к изучению биографической памяти, исследование которой так важно для психиатра. «По отношению к настоящему ориентирована автобиография, становящаяся отправной точкой идентичности личности» [6, с. 101]. Как справедливо пишет Н. Ю. Федунина, «биографическая память, воспоминания – это рассказ человека о своей жизни (об этом писал еще Пьер Жане). Он бывает построен по эстетическим критериям драматического произведения, где есть завязка, кульминация и развязка. Образованный, начитанный человек склонен рассказывать о своей жизни примерно так, как писатель пишет роман или пьесу, драматизируя жизнь, делая ее более насыщенной и интересной» [18, с. 87].

Поэтому возникла устойчивая традиция, по которой психологи и психиатры исследуют жизнь исторических личностей в оппозиции «нормальное-патологическое» в их психике. В России особенно прославился В. Ф. Чиж – психиатр, учившийся у Вундта, Бернгейма и Шарко, основатель первого в стране кабинета для экспериментальных исследований. Он опубликовал работы, посвященные русским писателям (Пушкину, Тургеневу, Достоевскому, Гоголю,) и русским политическим деятелям (Павлу I, Аракчееву и архимандриту Фотию (эти три очерка объединены в позднем издании [28] 2001 г.). В начале XX века в печати с психобиографическими исследованиями стал выступать основатель первого русского журнала по психиатрии профессор П. И. Ковалевский (с 1901 по 1909 год он опубликовал очерки об Иване Грозном, Петре Великом, Петре III, Павле I, Суворове, Магомете, Орлеанской деве, Наполеоне и др.) [7]. В настоящее время появился ряд исследований личности знаменитых людей. Авторы с разной научной достоверностью создают исторические портреты, привлеченный богатый фактический материал представляет большую ценность [3, 10, 16].

С начала XX века стали выходить исследования патопсихологов, авторы которых придерживались постулатов психологических школ, уже имеющих сформированные концепции личности. На основе психиатрической практики строились и теория защитных механизмов З. Фрейда, и теории психологов, вышедших из школы психоанализа, – К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, Э. Эриксона. Собранием психолого-теоретических эскизов исторических личностей мож-

но назвать главу «Гениальные» [9] в книге немецкого психиатра Э. Кречмера «Строение тела и характер», название которой прямо определяет теоретическую позицию автора. В книге А. И. Личко проводится типологическое изучение акцентуированной личности: «История глазами психиатра. Иван Грозный, Сталин, Гитлер, Гоголь и другие» [11].

Важным моментом названных исследований является учет фактора времени – и не только в формальном плане (развертывание биографии в хронологическом аспекте), но и в содержательном: как изменение внутреннего мира личности [4].

Собственно теоретические подходы к психобиографии, основанные на исследовании индивидуальной жизни в режиме обратной связи с героем анализа, опираются на теоретическую базу и стараются решить следующие проблемы: 1) создать периодизацию жизни личности и объяснить ее; 2) определить движущие силы личностного изменения с использованием категорий «мотивация», «становление», «развитие», «восхождение», реже – «деградация», «деструкция»; 3) воссоздать «жизненный путь» человека как сюжет – с опорой на опыт искусствознания и текстологии; 4) соотнести психобиографические построения с социологическими, социально-психологическими и социокультурными современными исследованиями [7].

Психология может опираться на все психологические исследования, дисциплины, где предметом служат процессы (т. е. структурные изменения личности во времени). Человек имеет следующие векторы изменения:

«*Ребенок – взрослый*». Ведущую роль здесь играет возрастная психология, имеется солидный запас наблюдений и концепций. Особенно важны генетическая психология Ж. Пиаже, эпигенетическая теория Э. Эриксона, теория социализации Л. С. Выготского.

«*Необразованный – образованный*». Это область педагогической психологии. Ведущие концепции связаны со снабжением личности умственным инструментом. Теория установки Д. Узнадзе, «Зона ближайшего развития» Л. С. Выготского, концепция пролепсиса М. Коула тому пример.

«*Социально ущербный – социально развитый*». Психобиографическое направление берет начало в этой зоне, потому что великие люди решают свои личные вопросы, возвышая их до общечеловеческих и часто переводя в социальную плоскость. Особенно ценны здесь исследования психологов гуманистической школы (А. Маслоу, К. Роджерса) и наших отечественных теоретиков (Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна).

«*Дикарь – человек цивилизованный*». Современная культурно-историческая психология, продолжая традиции Л. Г. Моргана, Э. Тейлора, Д. М. Леви-Борюля, Л. С. Выготского и А. Р. Лурии, выдвигает серьезные аргументы в пользу единства человечества и пытается установить корреляцию этнографической и исторической параллелей, что особенно необходимо в эпоху, когда расширяется объем информационного обмена и усиливаются миграционные процессы.

Об оппозиции «*больной – здоровый*» было сказано выше.

Остановимся на кратком обзоре основных психобиографических трудов. В педагогической психологии начало изучения детской психики относят к выходу в 1787 году книги немецкого врача и философа Д. Тидемана (провел первое лонгитюдное и синтетическое исследование ребенка от рождения до трех лет) «Наблюдения над развитием душевных способностей ребенка», где был представлен богатый фактический материал об изменениях в душевной жизни и поведении ребенка. Для психобиографии большое значение имеет периодизация человеческой жизни. Наиболее последовательно ее пытались установить из практических соображений в США, где философия прагматизма была особенно влиятельна. Разделение жизни на этапы в рамках теории рекапитуляции психического развития было проведено Г. Стэнли Холлом в 1882 году для решения практической задачи: организации религиозного воспитания молодежи «Моральное и религиозное воспитание детей» [27]. В развернутом и разработанном виде система воспитания была представлена автором в объемном двухтомнике «Юность» (1904) [28]. Историко-религиозный подход был соединен с психолого-педагогическим. В младенчестве дитя нуждается в заботе, внимании и поддержке, и помощь взрослых формирует у него чувства благодарности и благоговения. В детстве воспитание любви к природе и веры в лучшее в человеке соответствует становлению ранних форм религиозной культуры в древности (без нарочитого морализирования надо рассказывать добрые сказки). В подростковом возрасте начинают бушевать страсти (гнев, ярость, страх, мстительность). Рассказы из Ветхого Завета помогают понять значение правосудия, закона, почтения. В юности (с ее колебаниями между экстазом, самолюбованием и самоотрицанием) половая страсть открыта для постижения более высоких и бескорыстных чувств любви к ближним и к Богу, выраженная в Евангелии. Если снять религиозную тематику, то отчетливо виден путь к теории Э. Эриксона.

У. Джемс отказался от умозрительного подхода к психике как к соединению простейших сенсорных и перцептивных элементов и заговорил о «потоке сознания», в котором происходит приспособление психического процесса к насущным задачам жизни личности («Основы психологии», 1890). Личность уже не ограничивается пределами тела, сливается с миром материально (продолжается в предметах и плодах рук своих), социально (в круге группового взаимодействия) и духовно (в высших ценностных установках и идеалах), а также обладает рефлексивностью, что создает уникальную общую структуру психики. Джемс указывает на источник активности психики, который связан с мотивацией, в знаменитой формуле «Самоуважение = Успех/Притязание». При неудаче следует либо приложить усилия для достижения лучшего результата, либо снизить личные претензии. Первое и определяет не просто достижение делового благополучия, но и рост личности. Дается биографический вектор. Особенно ясно такая позиция проявилась в книге Джемса «Многообразие религиозного опыта» (1904), где анализ психики верующего человека часто проходит во временном (биографическом) срезе. Здесь важно выделить три момента. Во-первых, жизнь личности выступает как движение в осознанном направлении, как «путь», причем сама личность эволюционирует. «В каждом из нас нормаль-

ная эволюция нашего характера состоит главным образом в объединении нашего внутреннего «Я» и в направлении его по заранее намеченному пути. Высшие и низшие чувства, полезные и вредные импульсы – все это вначале находится в нас в хаотическом состоянии, но они должны в конце концов стать твердо установленной и правильно подчиненной нашему сознанию системой психических функций» [5, с. 92]. Во-вторых, она уникальна, потому что узор персональных проблем всегда неповторим, а личные переживания представляют не подвластную времени ценность и неустранимы из биографического описания. «Нет на свете двух людей, перед которыми бы вставали одни и те же жизненные затруднения и от которых можно было бы ожидать одинакового разрешения их. Каждый из нас имеет свой индивидуальный угол зрения на тот круг явлений и на те трудности, среди которых он живет, и потому он должен относиться к ним и бороться с ними своим особенным, индивидуальным образом» [5, с. 252]. «Описывать мир, исключая из него многообразные чувства личной участи и разнообразные духовные состояния, – а ведь они точно так же поддаются описанию, как все другое, – значит подать напечатанное меню вместо сытного обеда» [5, с. 253]. В-третьих, смысл личного существования не сводится к сиюминутным нуждам и не ограничивается даже пределами физического бытия. «С биологической точки зрения св. Павел является неудачником, так как он был обезглавлен. Тем не менее его жизнь была великолепно приспособлена к более широким историческим условиям; и поскольку такая жизнь представляет в мире закваску новой, высшей жизни, она уже является успешной, какова бы ни оказалась личная судьба самого святого» [5, с. 199].

В трудах У. Джемса намечены стратегические пути психобиографического исследования, направленного на структурное и динамическое понимание биографии, а также на утверждение гуманитарного подхода к уникальности личного пути и самооценности внутреннего процесса – переживания событий своего существования.

Интенсивное развитие психологии в первой половине XX века обеспечило психологию личности важным инструментарием. Разработка тестов позволила реально измерять показатели (например, тест «Бине-Стенфорд»), выделять этапы умственного (теория Ж. Пиаже, Л. С. Выготский) и нравственного (Ж. Пиаже, Л. Колберг) возрастного развития, становления уровней мотивации (А. Маслоу).

Первую серьезную попытку соединить психологическую теорию и психобиографический анализ сделали З. Фрейд и его последователи. Фрейду принадлежат исследования жизненного пути Леонардо да Винчи, Вудро Вильсона, Ф. М. Достоевского [15, 18, 20], в основе которых лежит теория этапов полового созревания личности, возрастных травм и защитных механизмов, обеспечивающих стабилизацию личности или приводящих к ее невротизации и патологическим тупикам. Расхождения Фрейда с его учениками были вызваны их стремлением снизить жесткость теоретических построений учителя и отказаться от преувеличения влияния детства на дальнейший путь человека. Аналитический аппарат Фрейда не потерял значения до сих пор (особенно описание защитных механизмов). Но стремление Фрейда к свехдетерминизму объяснения

поступков и некоторая пессимистичность взгляда на человека не стыковались с развитием в XX веке культурно-психологических представлений о свободе личности и ее творческой сущности, о добрых началах в людях. А. Адлер заговорил о «социальном чувстве» и активности личности в изменении мира и себя (через преодоление «комплекса неполноценности»). Э. Фромм ввел понятие деструктивной личности, объясняя ее формирование как злокачественное отклонение от нормального пути развития (к биофилии), и на биографическом материале нацистских вождей описал характер некрофилии.

Важным этапом в становлении психобиографии стала вышедшая в 1933 году книга австрийской исследовательницы Шарлотты Бюлер «Жизненный путь человека как психологическая проблема» [24]. Шарлотта была сначала ученицей, а затем стала женой крупного ученого (психолога и лингвиста) Карла Бюлера, выдвигавшего близкие к гештальт-психологии идеи. Обработав биографические материалы, собранные учеными Венского психологического института, Ш. Бюлер выдвинула концепцию жизненного пути человека. Психическая жизнь личности – это длительный процесс, который выявляет заложенные в ней позитивные потенции. Психика направлена на совершенствование человека и условий его бытия. Врожденное стремление осуществить себя может не реализоваться из-за дурного воспитания и внешних препятствий. Ценным аспектом исследования Ш. Бюлер является выделение и описание этапов жизненного пути. Основным механизмом изменения личности является самоопределение (*Selbstbestimmung*), т. е. рефлексивное отношение к себе, способное определять личностную перспективу и регулировать движение к цели. На первом этапе (до 16–20 лет) оно отсутствует, и целенаправленность реализуется разве что через стремление к хорошему самочувствию. На втором этапе (до 30 лет) самоопределение имеет диффузный характер, потому что личность находится в ситуации выбора и проверяет себя в разных видах самореализации (в профессии, общении). На третьем этапе (до 50 лет) прочно определяется призвание или устойчивый образ существования, происходит конкретизация и уточнение типа деятельности. Это самый продуктивный период. На четвертом этапе (до 70 лет) физическое угасание сопровождается увяданием самоопределения. Пятый же этап представляет бесцельное существование.

В теоретическом построении Бюлер сразу чувствуются гештальтистские корни. М. Вертгеймер утверждал, что сознание дано нам, чтобы улучшать ситуацию, и это наша изначальная установка. Интенциональность личности Ш. Бюлер также объясняет генетической программой. Такую позицию Бюлер отстаивала и тридцать лет спустя в публикации «Генетические аспекты самости (*self*)». Для нее самоосуществление – это «ценности и цели, к которым стремился человек, осознанно или неосознанно», которые «получили адекватную реализацию» [25]. Творческий поиск гештальтисты выводят из стремления к «хорошему гештальту, которое осуществляется через смену плохого гештальта путем инсайта». В трактовке Ш. Бюлер человек и должен годами поисков найти свою истинную сущность, обнаружить и завершить свой образ. Такой жизненный путь предстает как движение, но не плавное, а дискретное (как уточняю-

шая смена образов себя). И не ясен механизм перехода от этапа к этапу. Кроме того, никак не опровергается подозрение читателя книги Бюлер, что тот образ, который маячит перед юношей в отдаленной перспективе, уже провиденциально заложен в нем с момента рождения. Не является ли в таком случае самоопределение (*Selbstbestimmung*) человека многолетней археологией самого себя? Описание Бюлер состоявшейся личности представляет яркую, вдохновляющую картину и справедливо считается первым эскизом концепции гуманистической психологии (например, расширение репертуара интересов и сфер влияния субъекта). Но есть отчетливые и уязвимые места. После исследований психоанализа первый этап (до 16 лет) выглядит подозрительно беспроблемным и пассивным (особенно с учетом биографий Моцарта, Гаусса, Пушкина). Сфера поисков себя слишком прочно замкнута внутри личности, а большой мир скорее напоминает ярмарку, где субъект выбирает подходящий товар. Исследования интеракционистов (особенно теория ролей, Я-концепции), социологов, культурно-историческая школа Л. С. Выготского, разработка проблем интериоризации – все это ставит под сомнение идею, что личность определяет себя простым выбором соответствующих социально-психологических вариантов, а не участвует в культурном диалоге с окружением, когда позитивный результат заранее непредсказуем. «Зона ближайшего развития» Л. С. Выготского располагает человека к освоению языка культуры, на которых и определены исторически виды миссий. Значит, должен существовать избыток потенций в пробуждающемся разуме, а не фиксированная монолитная персональная «сущность».

Значительно больше возможностей для создания богатой картины жизни человека дала теория Э. Эриксона [22], которая объясняет жизненный путь личности как движение от этапа к этапу с успешным или неудачным преодолением возрастных кризисов с учетом характеристики современной культуры, т. е. введя гуманитарную составляющую. В той степени, в которой исследования неопределенности соотносятся с позициями современной социальной психологии, они могут учитываться с большей достоверностью в создании психобиографий. Свою теорию жизненного цикла, оформившуюся к 1950 году, Э. Эриксон назвал эпигенетической (от греч. *epi* – после, поверх; *genesis* – происхождение, возникновение). Эриксон учился у дочери основателя психоанализа Анны Фрейд, поэтому всегда внутренне ориентировался на психоаналитическую традицию с ее гуманитарным и общефилософским подходом к человеку. Но Фрейд выводил жизненный сценарий человека из того, как у последнего складывалось детство. Эриксон же утверждал, что проблемы развития личности распределяются на протяжении всего жизненного пути.

В отличие от теории Ш. Бюлер в системе Эриксона дано объяснение механизма движения, развития – преодоление жизненного кризиса. «Каждая последующая стадия... есть потенциальный кризис вследствие радикального изменения перспективы». Слово «кризис» употребляется в контексте представлений о развитии для того, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменения, критический период повышенной уязвимости и возросших потенций и вследствие этого онтогенетический источник возможного формирования хорошей

или плохой приспособляемости» [22, с. 105]. Суть замысла Эриксона состояла в том, чтобы показать, что на каждом возрастном этапе происходит либо благоприятное преодоление кризиса, либо неблагоприятное. В первом случае личность крепнет и овладевает средствами для решения новых жизненных задач, во втором – личность оказывается в следующей стадии, будучи отягощена неизжитыми проблемами прошлого. Названа сильная сторона личности, которая укрепляется в случае успешного разрешения каждой возрастной проблемы (надежда/вера, сила воли, целенаправленность, компетентность, верность, любовь, забота, мудрость). Эти достоинства совпадают с характеристиками самоактуализации, которые назвал А. Маслоу, и поэтому теория Эриксона сближается с учением гуманистической психологии. В этом случае невозможным было представление о безнадежном опустошении личности в старости, заявленном в теории Ш. Бюлер. Жизненное восхождение у Эриксона направлено на достижение мудрости.

В 1958 году Эриксон опубликовал книгу «Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование», обозначив новый этап в психобиографическом исследовании. Была продемонстрирована применимость восьми стадий роста личности к анализу исторического материала. Эриксон прямо выразил основную мысль, что исторические изменения осуществляются через преодоление сложившегося в обществе кризиса путем разрешения внутреннего кризиса великой личности: «Онтогенетический опыт является необходимым звеном и преобразователем между одной стадией истории и последующей. Это звено психического свойства» [23, с. 457]. Любовь матери в раннем детстве (1-й этап) подарила Лютеру веру, сделав его впоследствии религиозным реформатором. Подчинение суровому отцу (2-й этап) отразилось на решении вопросов веры с учетом подчинения властям. «Духовный возврат к вере... в сочетании с политической покорностью тем, кто необходимо должен владеть мечом светского закона, – казалось, совершенно соответствует его личной потребности в компромиссе» [23, с. 457]. Можно спорить с трактовкой социальных и теологических проблем, затронутых Эриксоном, но стремление искать личные возрастные диспозиции в социально значимых поступках человека представляется обоснованным. В 1968 году Эриксон опубликовал еще одно психобиографическое исследование «Истина Махатмы Ганди: о происхождении воинствующего ненасилия» [27].

В научной литературе советского периода также вставала тема личностной автономии и уникальности жизненных решений. С. Л. Рубинштейн в книгах «Основы психологии» (1935) и «Основы общей психологии» (1940, 1946) выдвигал идею субъектности, преломления внешних воздействий во внутреннем мире личности, в результате чего биография предстает как индивидуальная история продуктивности человека: «Сущность человеческой личности находит свое завершающее выражение в том, что она не только развивается как всякий организм, но и имеет свою историю... Всякий человек имеет свою историю, поскольку развитие личности опосредовано результатом ее деятельности, аналогично тому, как развитие человечества опосредуется продуктами общественной

практики» [17, с. 641]. Слабо выраженная субъектность характеризуется диффузностью самопонимания и неререфлексивностью, а эти характеристики ориентируют на анализ исторического, социального и культурного развития человека. Личность может быть представленной на шкале «низшая-высшая»: «Внешними событиями и теми внутренними изменениями, которые они вызывают, никак не исчерпывается процесс становления и развития личности. Они закладывают лишь основу личности, осуществляют лишь первую, грубую ее формовку; дальнейшая достройка и отделка связана с другой, более сложной внутренней работой, в которой формируется личность в ее высших проявлениях» [17, с. 637]. Последовательница С. Л. Рубинштейна К. А. Абульханова-Славская выдвинула идею «жизненной линии»: «Активность личности выражается в том процессе организации своей жизни, в котором личность отодвигает одни, приближает другие ситуации, преодолевает препятствия, проводя свою жизненную линию» [1, с. 41]. Личностный процесс осуществляется на основе постоянного выбора при преодолении возникающих препятствий. Б. Г. Ананьев представил проявления человека на трех уровнях: индивида (природном), личности (социальном) и индивидуальности (интегративном). Важно, что личность не может быть понята без исторического контекста: «Личность всегда конкретно-исторична, она – продукт своей эпохи и жизни страны, современник и участник событий, составляющих вехи истории общества и ее собственного жизненного пути» [2, с. 276–277]. Своеобразие же человека измеряется его способностью к саморегуляции и масштабностью деятельности. «Одним из важных индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидательной, творческой деятельности человека, воплощение, реализация в ней всех великих возможностей исторической природы человека» [2, с. 328–329]. При такой позитивной установке на сущность человека естественным выглядит косвенное несогласие с идеей Ш. Бюлер о безнадёжности и неплодотворности старости. Б. Г. Ананьев рассматривает два типа старения: конвергентный и дивергентный. Только первый печален, так как физическое увядание не сопровождается психической компенсацией и духовным ростом. «При дивергентном развитии наряду с регрессом психофизиологических функций мозга в старости действуют противостоящие старению операциональные и мотивационные механизмы личностного происхождения, обусловленные историей ее жизни, деятельности и поведения» [2, с. 329].

Таким образом, был создан психобиографический категориальный аппарат, необходимый для профессионального психологического анализа исторической личности, а историко-культурную типологию предложили специалисты гуманитарных наук: историки, культурологи, философы. Важную роль сыграли социальные психологи и исследователи в области исторической психологии.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегии жизни / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Мысль, 1991. – Текст : непосредственный.
2. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1968. – Текст : непосредственный.

3. Белкин, А. Вожди или призраки / А. Белкин. – Москва, 2001. – Текст : непосредственный.
4. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наукова думка, 1984. – Текст : непосредственный.
5. Джемс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – Москва, 1910. – Текст : непосредственный.
6. Жане, П. Психический автоматизм / П. Жане. – Санкт-Петербург, 2009. – Текст : непосредственный.
7. Иванов, М. В. Человек на берегу Леты / М. В. Иванов. – Санкт-Петербург : АНО «София», 2021. – Текст : непосредственный.
8. Ковалевский, П. И. Психиатрические эскизы / П. И. Ковалевский. – Москва, 1995. – Текст : непосредственный.
9. Кречмер, Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – Москва : Ленинград, 1924. – Текст : непосредственный.
10. Лесны, И. О недугах сильных мира сего / И. Лесны. – Ростов-на Дону, 1998. – Текст : непосредственный.
11. Личко, А. И. История глазами психиатра. Иван Грозный, Сталин, Гитлер, Гоголь и другие / А. И. Личко. – Санкт-Петербург, 1996. – Текст : непосредственный.
12. Логинова, Н. А. Психобиографический метод исследований и коррекции человека / Н. А. Логинова. – Алматы, 2001. – Текст : непосредственный.
13. Лохимсон, П. Фрейд / П. Лохимсон. – Москва, 2014. – Текст : непосредственный.
14. Лурия, А. Р. Психология как историческая наука (К вопросу об исторической природе психологических процессов). История и психология. – Москва : Наука, 1971. – Текст : непосредственный.
15. Нейфельд, И. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. Фрейда / И. Нейфельд. – Москва, 1994. – Текст : непосредственный.
16. Ноймайр, А. Художники в зеркале медицины (Леонардо да Винчи, Гойя, Ван Гог) / А. Ноймайр. – Ростов-на Дону, 1997. – Текст : непосредственный.
17. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва, 1999. – Текст : непосредственный.
18. Федунина, Н. Ю. Проблема памяти в трудах П. Жане / Н. Федунина. – URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1278.html>. – Текст : электронный.
19. Фрейд, З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства / З. Фрейд. – Москва, 1991. – Текст : непосредственный.
20. Фрейд, З. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование / З. Фрейд, У. Буллит. – Москва, 1992. – Текст : непосредственный.
21. Чиж, В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика / В. Ф. Чиж. – Москва, 2001. – Текст : непосредственный.
22. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва, 1996. – Текст : непосредственный.
23. Эриксон, Э. Г. Молодой Лютер / Э. Г. Эриксон. – Москва, 1996. – Текст : непосредственный.
24. Buhler, Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches probleme / Ch. Buhler. – Leipzig, 1933. – Текст : непосредственный.
25. Buhler, Ch. Genetic aspects of the self.- In: Fundamentals of psychology of the self.- Annals of the New York Academy of v. 96, art. 3. – N. Y., 1962. – Текст : непосредственный
26. Erikson, E. H.r Gandhi's Truth: On the Origin of Militant Nonviolence. 1969. – Текст : непосредственный.
27. Hall, G. S. The Moral and Religious Training of Children. Princeton Review, 1882, 9. – Текст : непосредственный.

28. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Psychology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, and Education, 2 vol. – New York : D. Appleton, 1904, 2 v. – Текст : непосредственный.

29. Kohlberg, Lawrence. Essays on Moral Development, Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, CA: Harper & Row, 1981. – Текст : непосредственный.

Березовская И. П., Серкова В. А.

Культурология как наследница традиций

Ключевые слова: *российская культурология, методология, традиция, А. С. Кармин, информационно-семиотическая концепция культуры.*

Культурология в России получила статус отдельного направления науки на рубеже 1980–1990-х годов. Но определить начало культурологической мысли в России достаточно сложно, поскольку она, так же как и на Западе, делала свои первые шаги в недрах философии и художественной литературы. Основы новой науки закладывали первые русские философы и вся классическая русская литература в лице Гоголя, Толстого, Достоевского. Первые попытки самоосознания специфики русской национальной культуры восходят или к «Слову о законе и благодати» Илариона, митрополита Киевский и всея Руси (1051–1054 или 1055), в котором через идею благодати, открытой для всех народов, утверждается мысль о равенстве новообращенной Руси с другими христианскими народами и странами, в первую очередь с Византией; или к реформам Петра I, когда было пробито «окно в Европу» и русские задумались над тем, «какие они» и «какие мы». На рубеже XIX–XX веков зарождавшаяся культурологическая мысль получила новые импульсы в результате таких крупных исторических событий, как Отечественная война 1812 года и восстание декабристов, отмена крепостного права, три русские революции начала XX века. Следует отметить некоторые своеобразные черты в культурологической мысли России, такие как понимание, связь понимания сущности культуры с религиозным видением мира, сосредоточенность на раскрытии своеобразия исторических судеб России. Что касается содержательной стороны культурологического вопроса, то здесь российская культурологическая мысль имела свою традицию, как, впрочем, и философская, в недрах которой она формировалась.

Культурологические теории второй половины XIX – начала XX века являются значимыми для мировой культурологической мысли. К ним следует отнести и теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, и научно-историческую цивилизационную теорию С. М. Соловьева, и философско-историческую цивилизационную теорию Б. Н. Чичерина, и марксистскую теорию истории и культуры, представленную на рубеже XIX–XX веков Г. В. Плехановым. В Российской культурологической мысли XX века формируются идеи «евразийства». В творчестве Г. В. Флоровского, Г. В. Вернадского, С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина переосмысливалась выработанная в фило-

софии истории формула «Восток – Запад – Россия». Это переосмысление, с одной стороны, было спровоцировано все тем же вопросом раскрытия своеобразия исторической судьбы России, но от этого ее вклад в формирование мировой культурологической мысли не стал менее значимым.

Российская культурология стала формироваться из традиций русской культурологической мысли и под влиянием методологического анализа культуры европейскими мыслителями.

Вопрос, который обозначен в данной работе, касается методологического значения российской культурологии.

О значении отечественной философской традиции очень емко сказал Василий Биbihин: «Любая школа пойдет нам не впрок, если мы пройдем мимо этой нашей» [1, с. XXV]. В год столетия со дня отправки «философского парохода» разумно задать вопрос о том, могут ли столпами утверждения истины оставаться философская традиция и, в частности, традиции русской религиозной философии? Именно с этой проблемой связаны такие темы культурологической науки, как понимание основ национального мироопределения, осознание смысла исторической деятельности народа, осмысление связи его культурного прошлого и настоящего, значение религиозного основания для всех форм его духовной жизни – бытовых, языковых, художественных, политических событий его истории. Обращение к работам русских религиозных философов имеет особое значение для современного гуманитарного знания, поскольку именно теперь пришло время «собираания камней»: методология, аксиология, идеология русской досоветской философской традиции должны стать предметом тщательного, кропотливого и серьезного изучения. Реконструкция философского наследия российских философских авторов требует весьма обстоятельной, систематичной и последовательной методологической работы на обширном материале источниковедческих, исторических исследований, разнообразных концепций, связанных с темой «русской идеи», монографических работ российских и зарубежных историков философии. В этом деле требуется экспозиция разнообразных подходов к пониманию как смысла «русской идеи», так и множества ее интерпретаций, нашедших свое воплощение в философско-методологической аналитике.

Содержание концептуальных идей проверяется в полемическом контексте, и в этом, пожалуй, самая слабая сторона современной культурологии. Разумеется, культурологи встречаются на конференциях и форумах, однако полемика там носит традиционно принятую форму, это не борьба школ и направлений, это, скорее, «игра по правилам».

Однако те школы культурологии, которые складывались с середины XIX столетия и которые держатся, например, на таких колоссах культурологии как М. С. Каган, А. С. Кармин, Б. С. Ерасов, А. Я. Флиер, не нашли своего продолжения. А. Флиер написал «Культурологию для культурологов» [2], ироничское наставление для тех, кто бежит от тривиальных культурологических тем и методологий. А. С. Кармин пишет учебное пособие «Культурология» [3] – учебник по жанру, но по содержанию – капитальный исследовательский проект,

в котором излагается информационно-семиотическая концепция культуры. Информационно-семиотическая концепция культуры указывает на культуру как на огромную совокупность знаков – культурных кодов, в которых воплощается (кодируется) содержащаяся в ней информация.

В результате на сегодняшний день культурология в России может предстать как сложная и многозначная теоретическая структура исключительно благодаря усилиям ученых прошлого. Именно благодаря им российская культурология имеет сложную структуру, в которую включены философия истории, историко-культурная проблематика, а также вопросы эстетического, религиозного и нравственного порядка.

Хотелось бы отметить плодотворную тенденцию в исследованиях по философско-культурологической проблематике последних лет. Дело касается характера отношений исследователя к смысложизненным идеям и установкам и возможности их реализации и воплощения, когда предмет анализа является не столько отвлеченной теоретической проблемой, но насущной и острой потребностью, требующей своего практического осуществления. Это новая тенденция прочтения национального наследия – российских философских текстов. Эта нарождающаяся традиция возвращает нас к национальным истокам не только посредством кропотливого и заинтересованного анализа философских идей, но и по интуитивному глубинному пониманию необходимости живого участия в этих идеях в собственном нравственном поиске. Именно такого рода исследования позволят преодолеть барьер и разрыв между поколениями русских философов и впишутся в национальную философскую традицию – в живую и актуальную философскую культуру.

Итак, вопрос о том, имеет ли национальная философия отношение к решению насущных проблем действительности, – это вопрос о том, можем ли мы стать наследниками.

При этом существует точка зрения, что академическая культурология классического образца, в том числе российская, «не экзистенциальна», не вовлечена в жизнь, не справляется с вызовами современности. А без этого она, по правде говоря, ровно ничего не стоит.

Последним словом современной гуманитарной науки, ответившим на вызовы времени, были философы-постмодернисты. Именно в их исследованиях была затронута тема о «постчеловеческой» эпохе, свидетельство наступления которой мы в полной мере ощутили сейчас. Что касается постклассических философов, их адепты полагают, что они не только оценивают ситуацию, но и умеют адекватно – в совершенно иной, неклассической терминологии – выразить суть дела. Они могут использовать для описания событий и какие-нибудь старые термины из арсенала классики, но они не следуют ей. Именно на этом основании постмодернисты стремятся развенчать древние иллюзии, согласно которым диалог старой и новой философий возможен.

Постмодернисты приучили нас оценивать и признавать такие виды массового искусства, как, например, граффити, цифровое искусство, «низкие» лите-

ратурные жанры. Неклассическое перестало быть недостойным внимания культуролога материалом.

Традиционный культуролог не справился с заданием на злободневные темы, постмодернист со всей страстью принимается за столь неблагоприятное дело и показывает, что такой анализ не только возможен, но и необходим, потому что массовое искусство – оно на то и массовое, что по своему удельному весу подавляет и вытесняет классические образцы. Создается весьма любопытная ситуация: классически мыслящий философ пытается выяснить позицию своего противника, но не может этого сделать, поскольку последний убеждает его, что понимание начнется только тогда, когда классик перестает быть самим собой, т. е. радикальным классиком.

Но кого мы называем постмодернистом? По-видимому, того, кто явно не бездарен, кто много видит, обладает агрессивной речью (агрессивными были еще античные киники, скептики да и любые адепты, охраняющие чистоту учения, поэтому следует понять истоки агрессивности постмодернистов, что управляет и питает их раздражительную манеру изложения: усталость, дурные предчувствия, бунтарство или цинизм?). Постмодернистам свойствен особый способ утверждения своей точки зрения, особая манера изложения – это полупоэзия, полупроза, авторское письмо, выполненное в «скользящем масштабе». Все это противопоставлено классике, которая экономна в средствах и, как кажется, везде применяет бритву Оккама: «не преумножать сущности без надобности».

Кто такой классик для постмодерниста? Тот, кто мыслит в одной плоскости (вне стратегии и техники «дифферанс»), т. е. вне возможности то же самое осмыслить как-то совсем иначе, так, что явление предстает в границах себя, но себя отрицающим (своим «симулякром»), и, главным образом, это тот, кто перестал мыслить в духе позитивного знания, включая реальности капитализма, масскульта, глобализма, повседневности. Анализ принципов европейской рациональности и, в частности, постмодернистской философии, дает А. Казин в статье «Культура как граница, или Прощание с сущим» [4, с. 251–266]. Постклассический философ пытается мыслить фрагментарно и индивидуально. Он не дает никаких универсальных рецептов на излечение болезни, поскольку культурные мутации происходят столь стремительно, что бессмысленно обобщать и утешать. Но самое главное, источником мутации является их собственная позиция. Когда в одном из классических английских колледжей Жаку Деррида собирались присудить звание почетного доктора, началась серия подметных писем, в которых в один голос выражались сомнения в том, стоит ли удостоивать академического звания того, кто всю свою деятельность сосредоточил на ниспровержении классического знания.

Но так ли уж уникальна наша современная ситуация? И так ли уж ненадежна классика? Этот вопрос остается открытым, и дверь на наш взгляд открывается в русскую (российскую) философию (культурологию).

Библиографический список

1. Бибихин, В. В. Время читать Розанова / В. В. Бибихин. – Москва : Танаис, 1996. – С. 9–25. – Текст : непосредственный.
2. Казин, А. Л. Культура как граница, или Прощание с сущим / А. Л. Казин // Фундаментальные проблемы культурологии. В 4 т. Том 1: Теория культуры. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – С. 251–266. – Текст : непосредственный.
3. Кармин, А. С. Культурология / А. С. Кармин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 928 с. – Текст : непосредственный.
4. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – Москва : Академический проект, 2000. – 496 с. – Текст : непосредственный.

Оконешникова О. В.

Искусственный интеллект: иллюзия или реальность

Ключевые слова: *интеллект, искусственный интеллект, принцип «все или ничего», нейронные сети, слоистая нейронная сеть.*

Анализ исследований по проблеме искусственного интеллекта проводился по литературе, опубликованной в зарубежных и отечественных работах с начала 2000-х годов. Значительную роль в развитии научного направления сыграли нейропсихологи. Первые исследования искусственного интеллекта пришлось на вторую половину XX века, но их результаты не были обнадеживающими. В настоящее время удалось разработать искусственный интеллект, способный к обучению за счет содержательной модели нейронных сетей, и это связано, во-первых, с развитием вычислительных мощностей компьютеров; во-вторых, с расширением возможностей Интернета; в-третьих, с появлением новых методов обработки информации.

Проблемой интеллекта традиционно занимается психология. Как утверждает М. Холодная, существует не менее трех определений интеллекта в психологии.

Психологи определяют интеллект и как способность оперировать символами, и как способность к обучению, и как способность применять имеющиеся знания на практике. Искусственный интеллект относительно легко справляется с символическим языком и законами логики, но решение второй и третьей задачи до недавнего времени было весьма проблематичным. Значительную роль в развитии искусственного интеллекта сыграли нейропсихологи. Нетрудно увидеть аналогии в психофизиологических процессах и в построении машинного языка: это принцип «все или ничего» (двоичная структура шифровки информации). В дальнейшем метафора нейронных сетей стала базовой при разработке искусственного интеллекта.

Выделяют три этапа развития представлений об искусственном интеллекте. На первом этапе основную роль сыграли психологи. Идея формального нейрона как основы нейронной сети принадлежала американскому нейропсихо-

логу Уоррену Мак-Каллоку и нейролингвисту Уолтеру Питтсу (1943). Было показано, что человеческий мозг можно рассматривать как вычислительный аппарат, а нейроны – устройство, оперирующее двоичными числами.

В 1949 году канадский физиолог и психолог Дональд Хебб выдвинул идею о том, что обучение заключается в изменениях силы синаптических связей. Первая обучаемая однослойная нейронная сеть «Перцептрон» была продемонстрирована психологом Корнеллского университета Франком Розенблаттом в 1957 году.

На втором этапе происходит спад интереса к нейронным сетям, вплоть до 2011 года. В 1969 году Марвин Минский и Сеймур Паперт в книге «Перцептроны» привели математическое доказательство того, что перцептрон не способен к обучению в большинстве случаев, и работы были свернуты.

Третий этап – бурное развитие нейронных сетей с 2012 года – связан, во-первых, с развитием вычислительных мощностей компьютеров (появление графических процессоров благодаря индустрии компьютерных игр); во-вторых, с расширением возможностей Интернета; в-третьих, с появлением новых методов обработки информации. Контент социальных сетей и краудсорсинга дал огромный материал для машинного обучения. База ImageNet в 2010 году содержала 15 миллионов изображений в 22 тысячах категорий и была доступна для любого исследователя.

Глубокое обучение предполагает то, что машина сама проектирует функции, вычисляет и делает выводы. Прорыв произошел в 2007 году, Джеффри Хинтон создал алгоритмы глубокого обучения многослойных нейронных систем, хотя идея многослойной обработки своими корнями уходит в психофизиологию зрения.

Революцией в компьютерном распознавании образов, речи, анализе смысла текстов и игры в Го была идея сверточной нейросети, в которой переменные нейроны разбиты на группы, называемые слоями. Слоистая нейронная сеть обучается на большом количестве данных, значение переменных подсчитывается последовательно, и методом обратного распространения ошибки система корректирует параметры каждого слоя.

«Стрекоза и Муравей» как отражение социальной модели взаимоотношений мужчины и женщины: психологический анализ

Ключевые слова: *модели взаимоотношений мужчины и женщины, философская притча, символ, образ.*

В ТГПУ им. Л. Н. Толстого ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция «Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки», в рамках которой обсуждаются вопросы брака, проблемы создания семьи, взаимоотношений мужчины и женщины в современном мире, стили воспитания детей, психолого-педагогическое сопровождение молодых семей и др. Формы работы на конференции разные: пленарная сессия, мастер-классы, дискуссионные и консультационные площадки, психологические мастерские и т. д. Форматы – онлайн, офлайн, гибридный. Научно-исследовательская тематика сочетается с практическими разработками и научно-популярными, просветительскими.

В этом году один из мастер-классов был посвящен психологическому анализу моделей взаимоотношений мужчины и женщины в современном мире на примере басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

За основу был взят культурологический подход и теоретические положения, касающиеся анализа данной басни, представленные в работах В. Жельвиса, Г. Ковалева, Н. Черниковой, Т. Толстой, В. Мокиенко и др.

Своей целью мы ставили раскрытие в ходе мастер-класса новых смыслов известной басни, анализ психотипов и символики образов стрекозы и муравья, изменение стереотипов в восприятии и оценке их поведения в историческом ракурсе, прогнозирование возможной модели развития отношений в подобных парах и обсуждение вариантов их коррекции. Также вместе со слушателями мы планировали обсудить другие модели взаимоотношений мужчины и женщины в парах, провести тест на совместимость с партнером, разработать правила построения их гармоничных отношений.

Необходимо отметить, что рассматриваемая басня И. А. Крылова по сути является философской притчей, которые мы часто используем на занятиях по психологии. В ней автор рассказывает нам о непродолжительном отрезке жизни двух существ – диаметрально противоположных типах, олицетворяющих мужчину и женщину. Прообразом басни стал сюжет, описанный в работах древнегреческого писателя Эзопа, жившего в VI веке до н. э. Также похожий рассказ мы можем найти у Л. Н. Толстого. Создателем похожей басни под названием «Кузнечик и муравей» был Жан де Лафонтен [2], однако популярность и массовое распространение в нашей стране получила именно версия И. А. Крылова, имеющая свои особенности и смысловые оттенки в связи с тем, что на смену двум персонажам-мужчинам пришла новая героиня в женском образе – Стреко-

за, и то, что было недопустимо и действительно осуждаемо, когда речь шла о двух равных, стало иначе восприниматься, когда вопрос коснулся взаимоотношений мужчины и женщины [1].

Психологический анализ образа Стрекозы (как олицетворение определенного типа женщины) мы начали с проблемного вопроса к аудитории. Участники мастер-класса выделили такие ее особенности, как беззаботность, беспечность, недальновидность, непредусмотрительность, непрактичность, несерьезность. Они также указали на то, что Стрекоза не думает о своем будущем, живет одним днем, ведет праздный образ жизни. Она безответственная, легкомысленная, нестабильная, ветреная, белоручка, не любит трудиться, ленивая, с потребительским отношением к жизни, самовлюбленная, эгоистичная, эгоцентричная, капризная, своенравная, не понимает своих ошибок и т. д. Все эти характеристики традиционно не одно поколение обучающихся нашей страны давало данной героине. Это было связано прежде всего с результатами действия государственной политики по построению советской модели гендерного равенства, порицанием тунеядства, праздности и всего прочего, что могло ассоциироваться с буржуазным стереотипом восприятия женщин [4].

Однако современные студенты и школьники подметили не только отрицательные, но и положительные характеристики Стрекозы. Было указано на то, что это активный персонаж с веселым нравом и живым темпераментом; «веселая певунья», которая все время кружится и танцует, постоянно смеется, любит развлечения; праздная лесная жительница – модная, гламурная, нарядная; беспечная попрыгунья – подвижная, энергичная, ни секунды не сидит на месте; символ природного создания – прекрасной, воздушной, обольстительной женщины-праздника. Глядя на это насекомое, думаешь о том, что наша жизнь так быстротечна, что не следует превращать ее в унылую действительность. В качестве особенностей Стрекозы были также названы такие, как изящество, непринужденность, грациозность, скорость, быстрота, умение наслаждаться жизнью, быть счастливой, позитивный настрой, непритязательность, восторженное любовное отношение красотой реального мира, легкость бытия, способность ценить краткий миг удовольствия и счастья и др. Современная женщина, обремененная многими проблемами, зачастую не может себе позволить такой стрекозиной легкости.

Если рассматривать данный персонаж еще глубже, на уровне символики, то Стрекоза трактуется как символ поэтического творчества. И она умирает на пороге дома Муравья, обозначая то, что в нашем бездушном веке прагматизма и материальных ценностей ей нет места.

Помимо этого мы выявили, что стрекоза – одно из древнейших насекомых, чьи останки найдены в отложениях каменного угля времен юрского периода, т. е. эти изящные насекомые не только выжили, но и распространились по всем частям света, что выводит на новый уровень осмысления такую их особенность, как высокая адаптивность, способность меняться под действительность, ее текущие влияния, под ситуацию, что очень востребовано в условиях современного VUCA-мира. Как и бабочка, она символизирует бессмертие, возрождение, применительно к чувствам – способность сочетать тонкие эмоции и развитый

интеллект, способность восстанавливаться (т. е. речь идет о жизнестойкости, без которой сегодня тоже невозможно). Это насекомое может летать со скоростью автомобиля – 90 км/ч, замирать в воздухе, резко взмывать вверх или опускаться вниз, что указывает на такое качество, востребованное в мире людей, как мобильность. Наконец, Стрекоза – это символ:

– внутренней силы, (подчеркивающий внутреннюю мощь при внешней хрупкости и чувствительности, символ возрождения и обретения большей энергии после тяжелых, сложных испытаний);

– спасения души, который приносит счастье и удачу;

– внутренней метаморфозы, раскрытия существующего в человеке скрытого внутреннего потенциала;

– легкости и новизны в партнерских отношениях (от всего этого Муравей отказался!).

Иногда данное насекомое изображается как посланец Бога.

Мужчину-Муравья участники мастер-класса охарактеризовали так: упорный трудяга; крепкий хозяйственник; усердный; любит работать; трудолюбивый; постоянно работает; всегда занят; у него много дел по хозяйству; никогда не сидит на месте, все время занят работой; содержит в порядке дом; умеет распределять и планировать время, запасы, средства; умный, так как понимает, что для того, чтобы зимой была еда и жилье, нужно все лето трудиться; мудрый; справедливый; серьезный; основательный; целеустремленный; настойчивый; всегда настаивает на своем решении; дальновидный; рациональный; расчетливый; ответственный; продуманный; предусмотрительный; сосредоточенный; рассудительный; степенный; усердный, озабоченный. Он не настроен на разного рода развлечения, не любит тратить время в праздности. Если говорить о его типе темперамента, то это неторопливый, уверенный в себе персонаж; держится спокойно, не суетится, не торопится, по его лицу трудно прочесть эмоции; говорит медленно, с ударением, ценит свои слова так же, как и свой труд.

Раньше при анализе басни И. А. Крылова акцент делали на выявлении положительных характеристик муравья. Сегодня же к психологическому портрету такого мужчины участниками мастер-класса были отнесены не только позитивные качества, но и негативные особенности. Они указали, что это скучный и занудный персонаж, который с головой погружен в рутинную работу и ничего другого в жизни не видит и видеть не хочет; простоватый, приземленный, недалекий, ограниченный (необразованный?). Он не замечает красоты окружающего мира, красоты Стрекозы, не умеет радоваться жизни; не страдает от отсутствия поэзии, музыки и прочих возвышенных инстанций. Муравей не умеет отдыхать. Вероятно, у него накопилась большая усталость; возможно, он испытывает тревогу по поводу того, все ли он успел сделать за день, ничего ли он не забыл, что планировал. Мужчина-муравей – хмурый, сторбленный, с усталой походкой, неуклюжий, одет непритязательно. Он прижимистый прагматик. К женщине-Стрекозе относится неодобрительно, возмущается ее поведением, не понимает ее. При этом проявляет себя как прямолинейный, осуждающий, черствый, без-

душный, бессердечный, интолерантный, злой, жестокий тип. Он не принимает другой стиль жизни, что указывает на его негибкость. Творческую работу (пение и танцы) трудом не считает, в его представлении настоящий труд – это забота о материальном благосостоянии. Лишенный эмпатии, Муравей – человек, не умеющий прощать и помогать соседям. Когда к нему приходит стрекоза, то он ее отчитывает, а не жалеет. Он ироничный, циничный, злорадно насмехается, саркастично издевается над Стрекозой. Муравей хладнокровно обрекает живое существо на гибель. Участники мастер-класса обратили внимание на то, что никаких добрых дел для других Муравей не сделал, все его старания были направлены только на собственную пользу, обогащение.

Мораль басни участники также определили каждый для себя по-своему: «нужно уметь совмещать труд и отдых», «ты можешь распоряжаться своей жизнью, как тебе угодно, но ни в коем случае не попадай в зависимость от самодовольных фарисеев», «работай в поте лица и переживешь зиму», «в жизни каждый сам за себя», «нужно нести ответственность за свою жизнь, а не перекладывать ее на других» и др. Эти суждения также отличались от традиционных выводов, звучащих при обычном разборе данной басни И. А. Крылова.

Далее мы задались вопросом: «Возможно ли совместное будущее у такой пары? И если да, то какой будет модель их взаимоотношений?» Под моделью отношений мы понимали комплекс значимых для пары ценностей, разделяемых обоими и поддерживающихся при взаимодействии; ожидания и надежды, присущие им; цели, которые мужчина и женщина ставят перед собой в своем союзе; формат общения; предыдущий опыт (отсутствие опыта) [3].

Предварительно были проанализированы разные модели взаимоотношений в парах, основанные на доминировании, зависимости, равноправии и т. д.: родительско-детская модель (где у одного партнера преобладает позиция родителя, у другого – позиция ребенка); автономная модель; равноправная модель; романтическая модель; приятельская модель и пр.

Были выделены два варианта (модели) построения отношений Стрекозы и Муравья.

Рассмотрим первый вариант. Женщина-Стрекоза наряжается, прихорашивается, собираясь в кино, на танцы, на концерт и т. п. Зовет своего мужчину-Муравья с собой. А тот напряжен, смотрит в недовольстве на свою Стрекозу и хочет оставить ее дома, так как там много дел: надо убраться, приготовить обед и пр. Мужчина испытывает ревность, злость. Он желает, чтобы та занялась делом и прекратила петь и танцевать! Будучи муравьем, он раздражается на свою Стрекозу и желает ее превратить в муравья же, т. е. трудолюбивое, приземленное насекомое, ориентированное на решение насущных бытовых проблем.

Женщина же (Стрекоза) испытывает потребность в том, чтобы петь и танцевать, наслаждаться жизнью... Это ее внутренняя сущность. Она без этого не может. И ей очень обидно, что ее любимый мужчина этого не понимает и обрезает ей крылья своим поведением.

Таким образом, перед нами – маленькая девочка, женщина-ребенок, которой хочется играть, петь и веселиться... А ее загружают тяжелой работой, заставляют веселиться и радоваться жизни, реализовать свои значимые потребности. Ею это воспринимается как психологическое насилие над ее личностью.

Оба партнера идут на консультацию к психологу, выбирая благополучный вариант развития отношений. После переключения энергии дополнительный ресурс делает девочку-Стрекозу более прочной физически, и она пытается совместить свой творческий поток с бытовыми обязанностями – вплести в перерывы между работой игру, пение, танцы... или же в процессе того, что необходимо сделать, начинает петь, пританцовывать, играть. И вот ее внутренний ребенок уже светится и наслаждается, ощущая комфортность преобразованных партнерских отношений. Муравей тоже доволен. В доме порядок, царит атмосфера уюта и любви. Его потребности наконец удовлетворены [5].

Рассмотрим другой вариант развития отношений в паре Стрекоза и Муравей. В этом случае женщина по совету психолога перестает обижаться на мужчину. В то же время она не пытается быть муравьем и спокойно начинает принимать муравьиную природу своего партнера. Стрекоза объясняет ему, что она другая и «легкомысленное», по его мнению, времяпрепровождение, а также творческая самореализация ей жизненно необходимы, при этом не предъявляет ему претензии, упреки, не кричит, не критикует, не демонстрирует капризное поведение, не устраивает истерики, не плачет, а делает это на «вкусном приятном женском ресурсе» [5].

В этой паре именно женщине отводится роль источника жизненной энергии, позволяющей оживить отношения с мужчиной. Такой ресурс есть не у всех, а у Стрекозы имеется, он заложен в ее биологической природе. В этом ее сила.

Мужчина постепенно принимает тот факт, что его женщина другая, отличающаяся от него, ее бесполезно переделывать... В беседах с психологом Муравей начинает осознавать, что влюбился-то он именно в Стрекозу – прекрасную, подвижную, игривую. Ему становится очевиден внутренний конфликт – свой собственный запрет на счастье, радость, безмятежность. Если в этот момент паре удастся сохранить отношения, то можно предположить, что в долгосрочной перспективе такой мужчина может даже научиться у женщины-Стрекозы умению наслаждаться моментом, жизнью в целом.

Проработанная таким образом проблема может многое поменять во взаимоотношениях этой пары и помочь понять, почему Муравей не может радоваться жизни. Психолог помогает мужчине осознать, что желание жить полной жизнью у него есть, но по какой-то причине был сформирован внутренний запрет на безмятежное личное счастье. В результате у него развилось ложное убеждение: кто-то другой виноват в том, что такая жизнь не складывается... Отсюда его недовольство и претензии к Стрекозе. С психологической точки зрения причина, скорее всего, в его пробитой безопасности. Партнер не просто так реагирует – он не может иначе. Понимание, принятие и любовь сделают свое дело – и у отношений появится возможность стать более гармоничными [5].

Таким образом, психологический анализ моделей взаимоотношений мужчины и женщины, проведенный в ходе обсуждения произведения русского баснописца И. А. Крылова, позволил нам раскрыть новые смыслы его сочинения в контексте современных социальных и экономических реалий. Составленная характеристика психотипов и выявленная символика образов Стрекозы и Муравья существенно расширили представления об их личностных особенностях, что сделало их образы более глубокими, многогранными, жизненными, современными, в которых некоторые смогли узнать свои качества. В ходе беседы на мастер-классе были спроектированы эффективные модели развития отношений в анализируемой паре, разработаны правила их гармонизации, способствующие, с одной стороны, каждому оставаться самим собой, реализовать свои потребности и способности, с другой – развиваться и обогащать свой внутренний мир, открывать новые возможности и ресурсы, осваивать несвойственные паттерны поведения благодаря партнеру.

Библиографический список

1. Генералов, В. Актуальна ли сегодня мораль басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей?» // В. Генералов. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d86467dc05c7100aeb62cf6/aktualna-li-segodnia-moral-basni-i-a-krylova-strekoza-i-muravei-5d94df87ba281e00b12d0b46> (дата обращения: 15.09.2022). – Текст : электронный.
2. Жельвис, В. И. Стрекоза и Муравей как предмет культурологического анализа / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 78–94.
3. Кризис в семье и модель отношений. – URL: <https://www.psysovet.ru/articles/205> (дата обращения: 15.09.2022). – Текст : электронный.
4. Мингалева, Л. Новое прочтение басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» / Л. Мингалева. – URL: https://znanio.ru/media/novoe_prochтение_basni_ia_krylova_strekoza_i_muravej_nauchno_issledovatel'skaya_rabota_v_5_klasse-108961 (дата обращения: 15.09.2022). – Текст : электронный.
5. Юликова, Г. Стрекоза и Муравей / Г. Юликова. – URL: https://vk.com/@gulsenem_glushenko-strekoza-i-muravei?ref=group_block (дата обращения: 15.09.2022). – Текст : электронный.

Ермакова Е. С., Павлова А. А.

Связь самоорганизации деятельности, стрессоустойчивости и тревожности работающих женщин

Ключевые слова: *самоорганизация деятельности, стрессоустойчивость, тревожность, работающие женщины разного возраста.*

В эмпирическом исследовании выявлены более высокие показатели ориентации на настоящее работающих женщин 55–63 лет, что связано с возрастным сокращением ожидаемого будущего как субъективного пространства для постановки новых целей, более низкие показатели стрессоустойчивости рабо-

тающих женщин 35–45 лет, что может быть связано с ощущением нестабильности в плане профессионального и личностного развития. Отмечены различия в структуре корреляционных связей показателей самоорганизации деятельности женщин 35–45 и 55–63 лет, что можно объяснить значительным стажем профессиональной деятельности женщин 55–63 лет, требующим проявления профессионально важных качеств личности, связанных с умением ставить цели, планировать свою деятельность.

Современное общество предъявляет повышенные требования к профессионалам, относящиеся как к высокому уровню знаний, умений и навыков, так и к различным способностям человека, важнейшей из которых является способность к самоорганизации собственной деятельности и самостоятельного создания условий для ее оптимизации.

Понятие «самоорганизация» в психологических исследованиях рассматривается в рамках личностного, деятельностного, интегрального, а также акмеологического, организационно-деятельностного, аксиологического подходов. Способность к самоорганизации собственной деятельности носит сознательный характер: человеком осознается цель поступков, осуществляется саморегуляция между компонентами его личности, приобретает смысл и значимость, вследствие чего совершаются активность и практические действия. Самоорганизация относится к волевым качествам человека, которые обуславливают целеустремленность, активность, организованность личности [2].

Современная нестабильная и изменчивая экономическая среда предъявляет повышенные требования к работающим женщинам. О. С. Тарасова отмечает, что индивидуальная самоорганизация реализуется через планирование человеком своего рабочего времени в рамках профессиональной деятельности, формирование принципов личной гигиены, режима питания и отдыха, осуществление контроля за личными эмоциями на окружающие события. Женщинам зрелого, а также пожилого возраста, занятым профессиональной деятельностью, легче организовать себя, свою деятельность и свое личное время. По мнению автора, особенности формирования навыков самоорганизации личности определяются личностным сознанием, поэтому активное обращение с внешними условиями жизни трансформируется личностью в индивидуальное отношение [8]. Исследование А. А. Костылевой, А. С. Пономаревой возрастной динамики самоорганизации деятельности работающих женщин показывает, что общий показатель самоорганизации деятельности у женщин в период пожилого (предпенсионного) возраста самый высокий, в период ранней зрелости – самый низкий. Авторы выявили, что целеустремленность не зависит от возраста женщины, а планомерность, настойчивость, фиксация, ориентация на настоящее у женщин периода ранней зрелости находятся на низком уровне. Планомерность имеет самый высокий показатель у женщин средней, поздней зрелости, а также в пожилом (предпенсионном) возрасте. Настойчивость у женщин в период поздней зрелости имеет самый высокий показатель. Фиксация, а также ориентация на настоящее у женщин в период пожилого (предпенсионного) возраста имеют самые высокие показатели [4].

Стрессоустойчивостью называют способность человека сопротивляться действию стрессовых факторов. Стрессоустойчивость – это совокупность личных качеств человека, устойчивых особенностей его психики, помогающих успешно достигать поставленные цели и решать задачи в процессе напряженной деятельности [1]. Исследование Е. Т. Матюшенко выявило относительно высокий уровень стрессоустойчивости женщин зрелого возраста (30–40 лет), что объясняется достаточным опытом в разрешении проблемных жизненных ситуаций как личностного, так и профессионального характера, поэтому женщины менее остро реагируют на возникающие трудности и в стрессовой ситуации ведут себя достаточно сдержанно, контролируя свое эмоциональное поведение [5]. В исследовании Л. В. Шукшиной, А. Д. Левиной установлено, что феномены стрессоустойчивости и самоорганизации не просто связаны между собой, но и находятся в прямой зависимости друг от друга. Чем более стрессоустойчива личность, тем лучше она способна взаимодействовать со своими внутренними ресурсами и управлять ими [9].

Под тревожностью принято понимать склонность человека к переживанию тревоги. Уровень тревожности показывает индивидуальную чувствительность к стрессу у здоровых людей, склонность ощущать большинство жизненных ситуаций как угрожающие [7]. Д. В. Ганин установил средние значения изменений ситуативной и личностной тревожности с возрастом у женщин: наиболее высокий уровень ситуативной тревожности в возрастной группе 50–59 лет, минимальные ее значения в возрасте 30–39 лет, после 60 лет ситуативная тревожность идет на спад. Личностная тревожность также приобретает свое максимальное значение в возрастной группе 50–59 лет, минимальные показатели тревожности находятся в выборке 30–39 лет. Начиная с 30–39 лет личностная тревожность у женщин растет, снижаясь после 60 лет, а начиная с 70 лет снова идет подъем личностной тревожности [3]. А. В. Михеева, изучая особенности соотношения тревожности и стрессоустойчивости женщин, показала, что у женщин с высокой стрессоустойчивостью (что составило наибольший процент всех исследуемых женщин) средние значения показателей реактивной и личностной тревожности находятся на среднем уровне. У женщин с низкой стрессоустойчивостью средние значения показателей реактивной и личностной тревожности находятся на высоком уровне. Во всех подгруппах испытуемых было выявлено, что стрессоустойчивость отрицательно коррелирует на статистически значимом уровне с реактивной и личностной тревожностью, чем более выражена стрессоустойчивость у испытуемых, тем они менее тревожны [6].

Таким образом, исследование связи самоорганизации деятельности, стрессоустойчивости и тревожности работающих женщин поможет изучению системных социально-психологических свойств, способствующих или препятствующих проявлениям личностного потенциала в профессиональном развитии работающих женщин.

Целью нашего эмпирического исследования явилось изучение связи самоорганизации деятельности личности со стрессоустойчивостью и тревожностью у работающих женщин разного возраста.

Выборку составили женщины-профессионалы в сфере индустрии социально-культурного сервиса и выездного туризма, работающие специалистами туристических операторов и туристических агентств Санкт-Петербурга. Общее количество исследуемых – 40 женщин в возрасте от 35 до 63 лет, из них 20 человек в возрасте от 35 до 45 лет, 20 человек в возрасте от 55 до 63 лет.

Были использованы следующие методики: опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой, тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, методика Ч. Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности в адаптации Ю. Л. Ханина.

Анализ результатов исследования показал, что у всей выборки выявлены высокие баллы по шкалам «целеустремленность» и «настойчивость». Работающие женщины отличаются целеустремленностью и настойчивостью, они знают, чего хотят и к чему стремятся, они идут по направлению к этим целям, способны усилием воли структурировать поведенческую активность и завершать начатые дела. В то же время женщины обеих выборок не склонны при организации своей деятельности прибегать к помощи внешних средств, помогающих в управлении временем, что может негативно сказываться на их уровне самоорганизации. Женщины общей выборки характеризуются удовлетворительным уровнем стрессоустойчивости, способны противостоять проблемам и неприятностям. Женщины обладают высоким уровнем личностной тревожности, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций, особенно когда они касаются оценки компетенции и престижа женщин.

С помощью t-критерия Стьюдента были обнаружены значимые различия показателей методик женщин 35–45 лет и 55–63 лет по опроснику самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой по шкале «ориентация на настоящее», а также по тесту самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона по шкале «стрессоустойчивость». Женщины 35–45 лет отличаются от женщин 55–63 лет более низкими баллами по шкале «ориентация на настоящее». Таким образом, женщины 55–63 лет склонны фиксироваться на происходящем с ними в настоящий момент времени, для них переживания и происходящее «здесь-и-сейчас» имеет особую ценность и значимость. Вероятно, это связано с возрастным сокращением ожидаемого будущего как субъективного пространства для постановки новых целей. Тем самым были подтверждены результаты исследования, проведенного А. А. Костылевой, А. С. Пономаревой [4]. Женщины 35–45 лет отличаются от женщин 55–63 лет более низким уровнем стрессоустойчивости. Вероятно, это может быть связано с ощущением нестабильности в плане профессионального и личностного развития: страхом потери работы в силу последствий пандемии COVID-19 для сферы туризма, семейными проблемами.

Результаты корреляционного анализа показателей методик у женщин 35–45 лет показывают следующее. Самоорганизация имеет положительную связь с планомерностью и целеустремленностью. Можно предполагать, что склонность женщин к успешному использованию вспомогательных средств (ежедневников,

планнингов и др.) ведет и к осознанному планированию деятельности, а также зависит от целеустремленности. Такие женщины неуклонно стремятся к достижению поставленной задачи, несмотря на трудности, подчиняют решению этих задач свои действия. Стрессоустойчивость имеет прямую связь с настойчивостью, что позволяет предположить, что настойчивые женщины не склонны испытывать тревожные состояния при стрессовых ситуациях. Личностная и ситуативная тревожность имеют отрицательную связь со стрессоустойчивостью. Можно предполагать, что высокий уровень тревожности негативно влияет на эмоциональное состояние, поведение личности, отрицательно влияет на развитие стрессоустойчивости. Личностная тревожность имеет отрицательную связь с настойчивостью, что может говорить о затруднениях женщин, предрасположенных к тревоге, имеющих тенденцию воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающих, в поведенческой активности, направленной на завершение начатого дела, несмотря на возникающие трудности.

Результаты корреляционного анализа у женщин 55–63 лет показывают, что самоорганизация деятельности положительно связана с планомерностью, что может говорить о возможности женщин, успешно ставящих цели, осознанно планировать свою деятельность, планы в этом случае иерархичны, детализированы, действенны и устойчивы, а цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Фиксация обратна связана с целеустремленностью, вероятно, что пожилые женщины, негибкие в планировании, трудно перестраивающиеся на новую структуру и новые отношения, не способны видеть перед собой целей и считают, что им не к чему стремиться. Личностная и ситуативная тревожность имеют отрицательные связи со стрессоустойчивостью, высокий уровень тревожности негативно влияет на развитие стрессоустойчивости. Самоорганизация и настойчивость отрицательно связаны с личностной тревожностью. Можно полагать, что высокоорганизованные пожилые женщины менее тревожны.

Корреляционный анализ показал различия в структуре связей показателей методик работающих женщин в возрасте 35–45 лет и 55–63 лет. У пожилых работающих женщин 55–63 лет показатель самоорганизации деятельности отрицательно связан с личностной тревожностью, что можно объяснить увеличением с возрастом успешного использования вспомогательных средств для планирования своей профессиональной деятельности, которое препятствует проявлениям тревоги. Кроме того, у женщин 55–63 лет показатель самоорганизации положительно связан с показателем планомерности, что подтверждает рост умения планировать свою деятельность. Кроме того, целеустремленные и целенаправленные женщины 55–63 лет, несмотря ни на какие трудности, подчиняя решению этих задач все свои чувства, мысли и действия, при обнаружении более выгодных перспектив легче перестраиваются на новую структуру деятельности, что не отмечается у женщин в возрасте 35–45 лет.

В целом, структура корреляционных связей показателей самоорганизации деятельности работающих женщин 55–63 лет включает большее число показателей и более дифференцирована, чем у женщин в возрасте 35–45 лет. Данные различия можно объяснить значительным стажем профессиональной деятель-

ности женщин 55–63 лет, требующим проявления профессионально важных качеств личности, связанных с умением ставить цели, планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств, и, проявляя волевые качества и настойчивость, идти к достижению цели.

Выявлены общие особенности структуры корреляционных связей женщин в возрасте 35–45 лет и 55–63 лет. Выраженная самоорганизация деятельности препятствует проявлениям тревожности и способствует устойчивости к стрессовым ситуациям, что дает основание рекомендациям по развитию самоорганизации и саморегуляции деятельности профессионалов посредством структурирования личного времени, построения планов, целеполагания.

Библиографический список

1. Аболин, Л. М. Теоретический и экспериментальный анализ подходов к исследованию проблемы стресса / Л. М. Аболин. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – № 3. – С. 94–106.

2. Бобылев, А. В. Проявление компетенции самоорганизации на разных этапах социализации личности / А. В. Бобылев. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – Т. 25. – № 3. – С. 101–104.

3. Ганин, Д. В. Возрастные изменения уровня тревожности / Д. В. Ганин. – Текст : непосредственный // Научное мнение. – 2018. – № 3. – С. 101–107.

4. Костылева, А. А. Возрастные особенности личностного потенциала у женщин / А. А. Костылева, А. С. Пономарева. – Текст : непосредственный // Развитие личности в условиях цивилизационных перемен : материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием, Курган, 25 апреля 2013 года. – Курган : Курганский государственный университет, 2013. – С. 72–74.

5. Матюшенко, Е. Т. Изучение стрессоустойчивости и степени эмоциональной реактивности у мужчин и женщин / Е. Т. Матюшенко. – Текст : непосредственный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 11. – С. 801–805.

6. Михеева, А. В. Особенности соотношения стрессоустойчивости и тревожности у мужчин и женщин / А. В. Михеева. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2016. – № 2. – С. 84–90.

7. Сидоров, К. Р. Тревожность как психологический феномен / К. Р. Сидоров. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 2. – С. 42–52.

8. Тарасова, О. С. Особенности формирования навыков самоорганизации личности в профессиональной деятельности / О. С. Тарасова. – Текст : непосредственный // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 20 июня 2020 года. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 152–154.

9. Шукшина, Л. В. Взаимосвязь стрессоустойчивости современной молодежи с самоорганизацией / Л. В. Шукшина, А. Д. Левина. – Текст : непосредственный // Учебный эксперимент в образовании. – 2021. – № 1 (97). – С. 35–41.

Переживание гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях современной молодежи

Ключевые слова: *одиночество, взаимоотношения, гармония, дисгармония, молодежь, отчужденность, напряженность.*

В статье рассматривается связь переживания чувства одиночества с аспектами гармонии или дисгармонии во взаимоотношениях молодежи: напряженность, отчужденность, агрессивность, конфликтность. Выявлено, что 78 % человек ощущают гармонию во взаимоотношениях, 48 % имеют низкие показатели переживания одиночества. По результатам корреляционного анализа доказано, что переживание одиночества вызывает у испытуемых отчужденность и напряженность во взаимоотношениях. Сравнительный анализ по половому признаку не выявил различий по показателям гармонии-дисгармонии и одиночества. Однако в мужской части выборки одиночество связано с агрессией, в женской – с отчужденностью в отношениях. Также обнаружено, что одиночество для девушек не связано ни с конфликтностью, ни с напряженностью.

Любое переживание дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях оказывает негативное воздействие на психическое здоровье людей. Последние три года в нашей стране стали серьезным испытанием для большинства людей в связи с пандемией, экономическим и политическим кризисами. Эти события обострили экзистенциальные проблемы: жизни и смерти, болезни и здоровья, гармонии и дисгармонии взаимоотношений, проблемы одиночества, которая, в частности, подтверждается ее негативным воздействием на возникновение стрессов, а также в появлении у одиноких людей мыслей о самоубийстве. Так, по данным, приводимым А. Д. О. Сулейманлы, В. А. Гневашевой, Д. П. Толмачевым, превращение одиночества в острое состояние и рост числа самоубийств на 3,7 %, особенно в период пандемии, побудили Японию создать Министерство одиночества [3]. По мнению А. Д. Иоселиани, Е. С. Анисимова, сегодняшняя статистика дает право расценивать одиночество как самостоятельную пандемию [2].

Изучением аспектов гармонии и дисгармонии взаимоотношений занимались многие исследователи: С. В. Духновский, А. Л. Журавлев, Р. В. Овчарова, О. И. Калмыкова, Я. Л. Коломинский, И. С. Кон, А. Б. Купрейченко, А. Т. Куракин, Л. И. Новикова, А. Боумен, К. Роджерс, И. Ялом и др.

Человек является «чувствительным», уязвимым относительно собственных отношений, поэтому он и переживает любые изменения межличностных отношений. Особое место среди явлений, возникающих в отношениях, занимает их дисгармония, в основе которой лежит напряженность взаимоотношений. Гармония межличностных отношений субъектов представляет собой взаимную удовлетворенность отношениями, постоянный диалог, открытость, контакт,

настрой друг на друга, заботу о благополучии партнера. Тогда как дисгармония представляет собой отсутствие доверия, понимания, эмоциональной близости между взаимодействующими субъектами, напряжение и дискомфорт, возникающие в совместной деятельности, напряженность, отчужденность, конфликтность и агрессивность в отношениях, переживание одиночества субъектами отношений. Вероятнее всего, гармония-дисгармония отношений будет зависеть от понимания, доверия и преодоления трудностей в осуществлении совместной деятельности и общения [1]. Одиночество можно определить как негативную эмоциональную реакцию на несоответствие между отношениями, которые у нас есть, и теми, которые мы хотим иметь. Переживание одиночества связано с развившейся потребностью быть частью группы, чтобы защитить нас от одиночества и уязвимости. Н. Е. Покровский под одиночеством понимает болезненное осознание внутренней отделенности от других людей и возникающую на этом основании тоску по человеческой связи и придающим жизни смысл отношениям. По его мнению, феномен одиночества возникает из онтологической отделенности человека от своего мира, а в практическом – переживание одиночества результирует из психической раздельности человека с миром [5].

Особое значение переживание гармонии-дисгармонии и одиночества приобретает у молодежи, поскольку в этот возрастной период происходит осознанный выбор партнера, друзей, продолжает активно развиваться потребность в общении и причастности к социальному окружению. Актуальность данного направления подчеркивается в работе Л. И. Пьянковой, где выявлено, что более 70 % студентов, склонных к состояниям одиночества, не обладают необходимыми навыками общения [4].

В пилотном исследовании, проведенном в 2021–2022 годах, принимали участие юноши и девушки как пользователи сети Интернет сетевое сообщество (ГИС) в возрасте от 18 до 25 лет в количестве 40 человек. Выборка выровнена по полу. Для изучения выбранной темы была сформулирована цель: исследование переживания гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях юношей и девушек. Предмет: психологический феномен переживания гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях юношей и девушек. Гипотезы исследования: существуют значимые различия в переживаниях гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях у юношей и девушек. Существует связь в переживаниях гармонии–дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях.

Методики исследования: субъективная оценка межличностных отношений (С. В. Духновский), Диагностика уровня субъективного переживания одиночества (Д. Рассел и М. Фергюссон). Статистическая обработка осуществлялась с помощью t-критерий Стьюдента и корреляционного анализа по Пирсону.

Среди наших респондентов каждый десятый столкнулся с проблемой одиночества. Одной из причин возникновения такого состояния одиночества может являться склонность все усложнять: озабоченность своим будущим, последствиями своих поступков, возможными неудачами, а также сдержанность в выражении своих чувств во взаимоотношениях.

В целом 48 % опрошенной молодежи не ощущают себя одинокими. Также было выявлено, что 23 % опрошенных испытывают дисгармонию в отношениях с окружающими в зависимости от чрезмерного выражения чувств (15 %) или же полного отсутствия чувства единства с другими людьми (8 %). Причины возникновения дисгармонии в их взаимоотношениях: напряженность в отношениях (43 %) как излишняя сосредоточенность на мыслях об отношениях, которые являются неустойчивыми (23 %) или состоят из большого количества поверхностных социальных контактов (20 %); отчужденность во взаимоотношениях (40 %) как стремление респондентов дистанцироваться от других людей (15 %) или проявление зависимости, навязывания с целью избежать одиночества и ненужности (25 %); конфликтность в отношениях (23 %) как наличие у опрашиваемых противоречий, противостояния в отношениях с людьми (5 %) или несдержанность в излиянии дружелюбия, уступков, нерешительности в решениях проблем (18 %); агрессия в отношениях (26 %) как стремление подчинить себе других, доминировать над ними (8 %) или проявление мягкосердечности, альтруизма, гиперсоциальности (18 %).

Большая часть респондентов, а именно 77 %, ощущают гармонию в своих отношениях, они не испытывают напряженности в общении, агрессии по отношению к другим, у них проявляется отсутствие чувства отчужденности и наличие значимых конфликтов.

Сравнительный анализ показал, что между юношами и девушками значимых различий нет.

В ходе корреляционного анализа показателей по исследуемым методикам выявлено: шкала «Чувство одиночества во взаимоотношениях» связана со шкалами «Напряженность» ($r = 0,457$ при $p \leq 0,05$) и «Отчужденность» ($r = 0,546$ при $p \leq 0,05$). Другими словами, чем выше степень показателей отчужденности и напряженности в отношениях, тем выше переживание одиночества. Верно и обратное, чувство одиночества вызывает у молодежи, обследованной нами, напряженность и отчужденность.

Показатель по шкале «Напряженность» связан с показателями по шкалам «Отчужденность» ($r = 0,485$ при $p \leq 0,05$), «Конфликтность» ($r = 0,520$ при $p \leq 0,05$), «Агрессия» ($r = 0,503$ при $p \leq 0,05$) и «Одиночество во взаимоотношениях» ($r = 0,457$ при $p \leq 0,05$). Объединяющим фактором выделяется напряженность в отношениях. Напряженность может привести и к отчужденности в отношениях, и к конфликтности с другими людьми, и к агрессии по отношению к другим, а также к чувству одиночества. Однако важно и то, что усиление чувства одиночества, повышение агрессии, конфликтности и отчужденности в отношениях могут повлечь за собой повышенную напряженность.

Далее был проведен корреляционный анализ показателей переживания гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях отдельно в группах юношей и девушек.

В группе юношей обнаружена связь агрессии по отношению к другим с чувством одиночества ($r = 0,508$ при $p \leq 0,05$). Так, чем выше степень агрессивности в отношениях, тем чаще юноши чувствуют себя одинокими. Верно и обратное: чем более одинокими они себя чувствуют, тем чаще они проявляют

агрессию. Мы можем предположить, что у юношей одиночество принимает внешнюю форму проявления в виде агрессии, с одной стороны, а с другой – осознание своей агрессивности приводит их к переживаниям одиночества. Показатель по шкале «Напряженность» связан в мужской выборке с показателем по шкале «Одиночество во взаимоотношениях» ($r = 0,712$ при $p \leq 0,05$).

У девушек чувство одиночества связано с отчужденностью в отношениях ($r = 0,451$ при $p \leq 0,05$), что также характерно для всей выборки. Мы можем предположить, что в женской части выборки чувство одиночества связано с внутренними переживаниями, а именно с отчужденностью и с ослабленной потребностью во взаимодействии с другими людьми.

Важно отметить, что в группе девушек связей между показателями методик выявлено меньше, и что одиночество для них является чувством, не связанным ни с агрессией, ни с конфликтностью, ни с напряженностью. Это самостоятельное переживание, которое проявляется только в отчужденности или является его следствием. Данный факт делает их поведение менее предсказуемым.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Большинство опрошенных респондентов (78 %) ощущают гармонию в своих межличностных отношениях, которые носят стабильный характер, предполагающий длительное сохранение взаимодействия, вызывающее положительные чувства и эмоциональный комфорт.

Наиболее высокий балл (5,675) был получен по шкале «Напряженность» по всей выборке. Таким образом, эта характеристика становится важнейшей при описании гармонии-дисгармонии взаимоотношений как девушек, так и юношей.

В целом 48 % респондентов имеют низкие показатели переживания одиночества и еще 43 % – средние. Это говорит о том, что большинство участников исследования не чувствуют себя одинокими, а в их отношениях проявляется уверенность в себе, организаторские свойства, которые сочетаются со стремлением к сотрудничеству, дружелюбию и развитым чувством ответственности, однако они не лишены проблем – невозможность сотрудничать могут привести к чувству одиночества.

Сравнительный анализ выборки продемонстрировал следующее: по показателям переживания гармонии-дисгармонии и одиночества в межличностных взаимоотношениях между юношами и девушками значимые различия не были обнаружены. По результатам проведенного корреляционного анализа показателей в мужской части выборки можно сказать, что одиночество принимает внешнюю форму проявления в виде агрессии, с одной стороны, а с другой – осознание своей агрессивности приводит юношей к переживаниям одиночества. Также наличие напряженности во взаимоотношениях у юношей связано с переживаниями чувства одиночества.

В женской части выборки чувство одиночества связано с отчужденностью в отношениях, т. е. с внутренними переживаниями, что проявляется в снижении потребности во взаимодействии с другими людьми.

Важно отметить, что в группе девушек связей между показателями методик выявлено меньше; таким образом, их переживания и поведение, связанное с

чувством одиночества, является менее стереотипным. Выявлено также и что одиночество для них является чувством, не связанным ни с агрессией, ни с конфликтностью, ни с напряженностью. Это самодостаточное переживание, которое проявляется только в отчужденности или является его следствием. Данный факт делает их поведение менее предсказуемым.

В ходе корреляционного анализа, проведенного по результатам методик по всей выборке, было установлено, что у участников исследования существуют прямые связи по шкалам внутри одной методики, а именно «Отчужденность», «Конфликтность», «Агрессия» и «Одиночество» связаны со шкалой «Напряженность». Таким образом, мы определили данное состояние ведущим в переживаниях гармонии-дисгармонии во взаимоотношениях респондентов. Шкала «Чувство одиночества во взаимоотношениях» связана со шкалами «Напряженность» ($r = 0,457$ при $p \leq 0,05$) и «Отчужденность» ($r = 0,546$ при $p \leq 0,05$). Другими словами, переживание одиночества вызывает у испытуемых отчужденность и напряженность во взаимоотношениях.

Подводя итоги, можно сказать, что чувство одиночества оказывает влияние на гармонию-дисгармонию во взаимоотношениях молодежи, в исследовании были выявлены прямые связи между изучаемыми феноменами, однако ощущение гармонии-дисгармонии в отношениях точно так же может повлиять на чувство одиночества.

Проведенное пилотажное исследование является первым этапом в дальнейшем исследовании темы «Переживание гармонии-дисгармонии и одиночества во взаимоотношениях современной молодежи», поскольку показало не только актуальность выбранной проблемы на стыке психологии общения и психологии личности, но и ее практическую ценность. Продолжение исследования планируется за счет увеличения количества выборки и используемых методик.

Библиографический список

1. Духновский, С. В. Концепция гармонии-дисгармонии межличностных отношений субъектов образовательного процесса / С. В. Духновский. – Текст : непосредственный / Уральский государственный педагогический университет ; Вестник КГУ. – 2013. – № 1. – С. 69–73.
2. Иоселиани, А. Д. Одиночество в пандемии COVID-19 / А. Д. Иоселиани, Е. С. Анисимов. – Текст : непосредственный // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 908–911.
3. Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор / Т. К. Ростовская, А. Д. О. Сулейманлы, В. А. Гневашева, Д. П. Толмачев. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 17–22.
4. Пьянкова, Л. А. Проблема одиночества в молодежной студенческой среде / Л. А. Пьянкова // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 6. – С. 102–107. – Текст : непосредственный.
5. Тихонов, Г. М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты : автореф. дис. ... д-ра философских наук. – Нижний Новгород, 2006. – 47 с. – Текст : непосредственный.

Особенности психологической сепарации от родителей и самоотношение у подростков

Ключевые слова: *сепарация, подростки, родители, самоотношение, самоуверенность, самоприятие.*

В статье рассматриваются особенности психологической сепарации от родителей и самоотношение подростков. Исследование показало, что подростки выборки характеризуются позитивным самоотношением и принятием себя, а также средним уровнем сепарации от обоих родителей. При сравнении результатов по полу найдено различие по шкале психологической сепарации «Поведенческий компонент сепарации от матери», который значимо выше у юношей. Выявлено, что подросткам с высоким уровнем внутренней конфликтности и самообвинения труднее отделиться от родительской семьи. Данный факт показывает, что эффективная сепарация приводит к снижению внутренней конфликтности и самообвинения, а значит, к более позитивному самоотношению. Важно также отметить, что связь показателей компонентов самоотношения и сепарации от родителей юношей и девушек существенно не отличаются. Однако юноши оказались более отделенными от родителей, чем девушки на уровне поведения, девушки же продемонстрировали большую зависимость от отца, что связано со значимостью его фигуры в самооценке и Я-концепции представительниц слабого пола.

Современная ситуация в нашей стране, связанная прежде всего с пандемией, выступила своеобразным катализатором развития взаимоотношения людей. Особенными сложностями и остротой характеризуется семья с детьми подросткового возраста. Страх смерти, переориентация жизненных ценностей, обстоятельства тотальной самоизоляции способствуют существенной трансформации подростково-родительских взаимоотношений.

В итоге изменение личностной позиции бывшего ребенка обусловлено влиянием не только субъективного фактора физической трансформации, но и объективными жизненными обстоятельствами. Фундаментом же развития личности в детском и подростковом возрасте являются детско-родительские взаимоотношения. Как и любая система взаимоотношений, они находятся в постоянной динамике.

Основным и самым главным для человека этапом сепарации считается возраст 16–19 лет, в этот период подросток становится самостоятельным и переходит во взрослую жизнь. И это подразумевает его готовность к взрослой жизни, в том числе и развитое самоотношение.

Для подростка процесс сепарации–индивидуации включает в себя звено, состоящее в необходимости решения задачи дифференциации и от внутренних объектов, и от образа себя в детстве, т. е. формирования развитого самоотноше-

ния. Процесс сепарации подростка сложный, который как бы вбирает в себя потенциал сепарации взрослого человека, т. е. те варианты развития автономности, которые будут характерны на последующих этапах жизненного пути [2].

Однако, как отмечает Н. Е. Харламенкова, в обыденном сознании подростковый возраст как переход от детства к юности в меньшей степени соотносится с явлением сепарации, при этом сепарация представляет собой непрерывный процесс и типична, в частности, и для подростка. С научной точки зрения, подростковая сепарация – совершенно естественный процесс, который имеет свою специфику по сравнению с другими возрастами, сохраняя общие черты этого процесса как отождествления/разотождествления, реализуемого в его внешних и внутренних проявлениях [4].

Важно, чтобы отношения между родителями и ребенком в период сепарации должны быть равными, с взаимным уважением индивидуальности и психологических границ друг друга. При благополучном сценарии сепарации эмоциональная связь не разрывается, теплые отношения привязанности сохраняются, но становятся менее интенсивными. Качественно произошедшая сепарация – это найденный баланс между психологическим слиянием и изоляцией [1].

В современной научной литературе с каждым годом сепарации уделяется все больше внимания. Появляется все больше научных статей и диссертаций о важности успешного сепарирования от родителей, в числе исследователей: В. П. Дзукаева, Т. Ю. Садовникова, А. А. Дитюк, А. А. Деркач, С. В. Чернобровкина и др.

Развитие самоотношения становится особенно значимым также именно в подростковом возрасте. В. В. Столин отмечает, что, в отличие от самооценочных суждений, самоотношение выражается суждениями, в которых отношение к себе выступает как отношение к другому: «я себе противен», «я себя боюсь», «я собой восторгаюсь» [3, с. 166]. Самоотношение напрямую зависит от многих факторов, в том числе от сепарации. По словам П. Гросс и Р. Маккаллам, наличие сплоченности между родителем и ребенком (поддержка и гармоничность отношений, качество связи) непосредственно влияет на уровень самоотношения ребенка [5].

Целью пилотного исследования, проведенного в 2021–2022 годах, было выявление особенностей психологической сепарации от родителей и самоотношение у подростков. Предмет: особенности психологической сепарации от родителей и самоотношения у подростков. Выборка представлена 40 школьниками в возрасте от 17 до 18 лет. Из них 21 респондент женского пола и 19 мужского. Методики: многомерный опросник исследования самоотношения С. Р. Пантелеева, опросник Psychological Separation Inventory (PSI) Дж. Хоффмана в адаптации В. П. Дзукаевой, Т. Ю. Садовниковой. Методы обработки данных: t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ по Пирсону.

Исследование самоотношения показало, что результаты испытуемых находятся на среднем уровне; таким образом, подростки выборки характеризуются позитивным самоотношением и принятием себя.

Компоненты сепарации от родителей по всей выборке имеют также средний уровень, мы не обнаружили ни сильной сепарации, ни ее отсутствия ни по одному из трех компонентов.

Сравнительный анализ исследования психологической сепарации у юношей и девушек продемонстрировал значимые различия по шкале «Поведенческий компонент сепарации от матери» ($t = 2,8$ при $p < 0,05$). У юношей показатель выше, это означает, что они способны самостоятельно принимать решения, осуществлять значимые выборы независимо от мнения мамы.

Далее был проведен корреляционный анализ результатов шкал обеих методик в двух группах выборки, разделенных по половому признаку.

В женской группе выборки были получены следующие факты. Шкала «Самоуверенность» связана со стилем сепарации от матери ($r = 0,591$ при $p < 0,05$), также с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = 0,525$ при $p < 0,05$) и с поведенческим компонентом сепарации от матери ($r = 0,477$ при $p < 0,05$). Это говорит о том, что чем выше самоуверенность, тем сильнее поведенческая и аффективная сепарация от матери. Верно и обратное: чем сильнее девушки сепарируются от мамы, тем выше их уверенность. Возможно, это связано с тем, что в подростковом возрасте девочкам свойственно отделяться от мамы, в результате чего они чувствуют себя более уверенно. Шкала «Саморуководство» также связана с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = 0,478$ при $p < 0,05$). Это означает, что чем выше степень саморуководства, т. е. признание основным источником активности и результатов, касающихся как деятельности, так и собственной личности, себя самого, тем меньше девушки испытывают потребность в эмоциональной поддержке, одобрении со стороны матери. Самопринятие связано с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = 0,630$ при $p < 0,05$) и поведенческим компонентом сепарации от матери ($r = 0,513$ при $p < 0,05$), соответственно, самопринятие у девушек зависит в большей степени от уровня сепарации от матери, чем отца. Возможно, это связано с тем, что именно мать формирует женскую самооценку, умение принимать себя. Самообвинение же обратно связано с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = -0,464$ при $p < 0,05$). Чем выше уровень сепарации от матери, тем ниже уровень самообвинения. Такая связь может говорить о том, что девушки не нуждаются в одобрении и эмоциональной поддержке мамы.

Шкала «Отраженное самоотношение» со стилем сепарации от отца ($r = 0,462$ при $p < 0,05$). Это говорит о том, что чем меньше девушки зависимы от отца, тем степень выраженности негативных и/или амбивалентных чувств девушек в ситуации расхождения мнений с родителями выше. Показатель «Самопривязанность» обратно связан с когнитивным ($r = -0,457$ при $p < 0,05$) и поведенческим ($r = -0,478$ при $p < 0,05$) компонентами сепарации от отца. Следовательно, чем выше у девушек степень самопривязанности, тем меньше выражена сепарация от отца.

Интересно, что шкала «Внутренняя конфликтность» обратно связана со стилем сепарации от матери ($r = -0,630$ при $p < 0,05$) и от отца ($r = -0,543$ при $p < 0,05$), аффективным компонентом сепарации от отца ($r = -0,654$ при $p < 0,05$) и поведенческим компонентом сепарации от матери ($r = -0,481$, при $p < 0,05$). Здесь можно сделать вывод, что у девушек с высоким показателем внутренней конфликтности меньше выражена сепарация от обоих родителей. Это может

быть связано с тем, что девушка не может побороть внутренние конфликты и думает, что родители смогут ей помочь.

В группе юношей были получены схожие результаты. Самоуверенность, так же как и у девушек, связана со стилем сепарации от матери ($r = 0,591$ при $p < 0,05$), с аффективным компонентом ($r = 0,525$ при $p < 0,05$) и с поведенческим компонентом от матери ($r = 0,477$ при $p < 0,05$). Это говорит о том, что чем выше уровень сепарации от матери, тем самоувереннее чувствует себя молодой человек. Саморуководство связано с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = 0,478$ при $p < 0,05$): чем выше саморуководство, тем меньше юноша нуждается в эмоциональной поддержке от матери. Однако имеются и отличия. Отраженное самоотношение связано прямой связью со стилем сепарации от отца ($r = 0,462$ при $p < 0,05$), тогда как в группе девушек – обратной. Самопринятие связано со стилем сепарации от матери ($r = 0,620$ при $p < 0,05$) и с аффективным ($r = 0,630$ при $p < 0,05$) и поведенческим ($r = 0,513$ при $p < 0,05$) компонентом от матери. Это говорит о том, что у юношей с высоким показателем самопринятия выше степень сепарации от матери почти во всех критериях.

Внутренняя конфликтность обратно связана со стилем сепарации от матери ($r = -0,630$ при $p < 0,05$) и от отца ($r = -0,543$ при $p < 0,05$), с аффективным ($r = -0,654$ при $p < 0,05$) и поведенческим ($r = -0,481$ при $p < 0,05$) компонентом сепарации от матери. Можно сделать вывод, что у юношей с высоким показателем внутренней конфликтности в меньшей степени выражена сепарация от обоих родителей. Юноши с такими показателями не в состоянии побороть внутренний конфликт и поэтому не отделяются от родителей. Шкала «Самообвинение» обратно связана с аффективным компонентом сепарации от матери ($r = -0,464$ при $p < 0,05$), это говорит о том, что чем выше степень самообвинения, тем ниже уровень сепарации от матери и человек не нуждается в эмоциональной поддержке от матери. А у юношей с выраженной внутренней конфликтностью, наоборот, степень сепарации от обоих родителей ниже, т. е. он еще зависим от их аффективной сферы и поведенческих паттернов.

Исследование компонентов самоотношения и психологической сепарации показало, что все результаты испытуемых находятся на среднем уровне, таким образом, подростки выборки характеризуются позитивным самоотношением и принятием себя, а также средним уровнем сепарации от обоих родителей.

При сравнении результатов по полу обнаружено, что только одна шкала – «Поведенческий компонент сепарации от матери» – продемонстрировала различие. Юноши оказались более способны самостоятельно принимать решения, осуществлять значимые выборы, независимо от мнения мамы; таким образом, они более сепарированы.

Результаты исследования связей между шкалами методик позволили сделать ряд выводов. Шкала «Самоуверенность» образовала наибольшее количество прямых связей со стилями сепарации от матери. Подобные связи мы наблюдаем и со шкалами «Саморуководство», «Самопринятие». В итоге можно говорить о том, что чем выше уровень самоотношения, тем больше подростки отдаляются от матери. Верно и обратное: сепарация от матери способствует по-

зитивному самоотношению. Вместе с тем в женской выборке некоторые шкалы «Отраженное самоотношение», «Самопривязанность» связаны обратно с когнитивным и поведенческим компонентом сепарации от отца. Следовательно, у девушек: чем гибче Я-концепция, ниже привязанность и меньше переживаний по поводу неадекватного Я-образа, тем больше сепарация от отца.

В целом по выборке подросткам с высоким уровнем внутренней конфликтности и самообвинения труднее отделиться от родителей. Данный факт показывает, что эффективная сепарация приводит к снижению внутренней конфликтности и самообвинения, а значит, и более позитивному самоотношению.

Важно также отметить, что связь показателей компонентов самоотношения и сепарации от родителей юношей и девушек существенно не отличаются. Предположительно, в данном возрасте процесс сепарации протекает схожим образом и у девушек, и у юношей. Однако юноши оказались более отделенными от родителей, чем девушки на уровне поведения. А также девушки продемонстрировали большую зависимость от отца, что связано со значимостью его фигуры в самооценке и Я-концепции представительниц слабого пола.

Проведенное пилотажное исследование является первым этапом в работе над темой «Особенности психологической сепарации от родителей и самоотношение у подростков». Оно показало не только актуальность выбранной проблемы, но и ее практическую ценность. Действительно, уже в подростковом возрасте следует обращать внимание на необходимость постепенного гармоничного отделения детей от родителей, поскольку это способствует снятию уровня внутренней конфликтности и самообвинения. Продолжение исследования планируется за счет увеличения количества выборки, а также сравнительного анализа с группой юношеского возраста.

Библиографический список

1. Дитюк, А. А. Теоретическая и диагностическая модели психологической сепарации взрослого ребенка в детско-родительских отношениях / А. А. Дитюк. – Текст : непосредственный // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, 12–14 апреля 2017 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – С. 312.
2. Петренко, Т. В. Возрастные этапы процесса сепарации от родителей / Т. В. Петренко, Л. В. Сысоева. – Текст : непосредственный // Акмеология. – 2016. – № 4 (60). – С. 180–184. – Текст : непосредственный.
3. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – Москва : МГУ, 1983. – 284 с. – Текст : непосредственный.
4. Харламенкова, Н. Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы / Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 367 с. – Текст : непосредственный.
5. Gross, P. H. Operationalization and predictive utility of mother–daughter synchrony / P. H. Gross, R. S. McCallum // School Psychology Quarterly. – 2000. – № 15 (3). – P. 279–294. – Текст : непосредственный.

Структурно-содержательные характеристики вербального компонента социально-перцептивных образов матерей

Ключевые слова: *образная сфера социальной перцепции, когнитивный компонент образной сферы, регулятивный компонент образной сферы, конативный компонент образной сферы, социально-перцептивные образы, приемные матери, биологические матери.*

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной психологии – проблеме социально-перцептивных образов в сознании приемных и биологических матерей. Целью исследования стало определение структурно-содержательных характеристик вербального компонента социально-перцептивных образов у приемных и биологических матерей. По результатам проведенного исследования было определено, что при описании самих себя как у приемных, так и у биологических матерей преобладает регулятивный и конативный компонент образной сферы социальной перцепции. При восприятии образов абстрактных детей, а также образов приемных и родных детей у приемных и биологических матерей отмечаются подобию по регулятивному и конативному компонентам образной сферы социальной перцепции. Однако при отражении образов приемных детей приемными матерями отмечается регулятивный и конативный компонент образной сферы социальной перцепции, тогда как у биологических матерей при отражении родных детей в будущем отмечается когнитивный, регулятивный и конативный компоненты образной сферы социальной перцепции.

На современном этапе развития социальной психологии одной из актуальных остается проблема адекватного отражения и познания людьми друг друга. Проблема образа ребенка в сознании родителей, тем более в сознании приемных родителей еще не нашла своего разрешения в теории психологической науки и в ее практике. Восприятие людьми друг друга происходит симультанно, но взаимопонимание между ними развивается сукцессивно. У ребенка, потерявшего родителей, созданию перцептивного образа принимающей семьи будет предшествовать опыт семьи биологической, которая как институт социализации должна способствовать развитию у него социально-психологической умелости при взаимодействии с другими людьми [4].

Несмотря на работы в области социального познания и понимания людьми друг друга, в отечественной психологии нерешенными остаются проблемы адекватного межличностного восприятия неродных детей при принятии их в приемные семьи, которые как институты социализации относительно недавно стали стихийно развиваться [3].

Целью нашего исследования стало определение структурно-содержательных характеристик вербального компонента социально-перцептивных образов у приемных и биологических матерей. В эмпирическом анализе за основу были взяты такие группы образов, как Я-образ приемных и биологических матерей,

Он-образы абстрактных детей, Ты-образы приемных и родных детей, Ты-образы приемных и родных детей в будущем.

Исследуемую выборку составили респонденты в количестве 218 человек, из них приемных матерей – 112 человек в возрасте от 27 до 71 года ($M = 50,3$; $SD = 7,72$), воспитывающие приемных детей; биологических матерей – 106 человек в возрасте от 22 до 55 лет ($M = 37,3$; $SD = 7,57$), воспитывающие родных детей. Исследование проводилось после установления эмоционального контакта и анонимно.

В работе были использованы теоретические и эмпирические методы. В частности, вербальная часть методики «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая), разработанная В. Л. Ситниковым [2]. Также использовались методы статистического анализа. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Одной из задач нашего исследования стало определение структурных характеристик социально-перцептивных образов приемных матерей. В структуре материнских представлений о себе (Я-образы) и представлений о детях (Он-образы абстрактных детей, Ты-образы приемных детей, Ты-образы приемных детей в будущем) были выделены три группы характеристик, отражающие когнитивные, регулятивные, конативные, оценочные компоненты образной сферы социальной перцепции. Так, в когнитивный компонент вошли интеллектуальные, интеллект социальный, метафорические характеристики; в регулятивный – волевые, телесные, эмоциональные характеристики; в конативный – деятельностные, конвенциональные, поведенческие, социальные характеристики. Модальные характеристики – положительные, отрицательные, нейтральные – отражают отношение (оценку) к объекту/субъекту восприятия.

На основании проведенного анализа по частотному словарю методики СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая), было проведено ранжирование показателей по десяти структурным характеристикам образов (табл. 1).

Таблица 1

Показатели ранжирования структуры социально-перцептивных образов приемных матерей (n = 112)

Структура образов	Я-образ		Он-образ абстрактного ребенка		Ты-образ приемного ребенка		Ты-образ приемного ребенка в будущем	
	μ	ранг	μ	ранг	μ	ранг	μ	ранг
Волевые	3,00	3	2,62	4	2,94	3	2,88	3
Деятельностные	1,65	8	1,04	7	1,56	7	1,59	6
Интеллектуальные	1,83	6	2,46	5	2,54	5	2,14	4
Интеллект социальный	1,91	5	1,14	6	1,72	6	1,30	7
Конвенциональные	1,93	4	0,35	10	0,33	9	0,55	9
Поведенческие	0,64	9	0,81	8	1,13	8	0,79	8
Социальные	9,33	1	5,95	1	7,46	1	7,21	1
Телесные	1,71	7	3,22	3	2,76	4	2,07	5
Эмоциональные	5,88	2	5,59	2	5,64	2	4,28	2
Метафорические	0,51	10	0,45	9	0,29	10	0,13	10

Как видно из табл. 1, по всем четырем изучаемым образам на первых двух ранговых местах располагаются социальные и эмоциональные характеристики. Подобные варианты расположения характеристик встречаются и в образах биологических матерей. Аналогично распределению характеристик в образах биологических приемных матерей отражают практически идентичные характеристики, а именно: социальные, эмоциональные, телесные и волевые. Что касается интеллектуальных характеристик, то в выборке приемных матерей они занимают пятое место по всем описываемым образам.

Обращают на себя внимание ранговые места таких характеристик, как социальные, эмоциональные и волевые в Я-образах и Ты-образах приемных детей. Подобное распределение отмечается и в Ты-образах приемных детей в будущем.

Далее мы проанализировали данные средних значений образов по характеристикам разной модальности. Важно отметить любопытную особенность, связанную с преобладанием отрицательных элементов в Ты-образах приемных детей по сравнению с аналогичными характеристиками в Я-образах приемных матерей. Что касается позитивных характеристик, то их становится существенно больше в описаниях Ты-образов приемных детей в будущем, причем их количество становится преобладающим по сравнению с другими описываемыми образами (рис. 1).

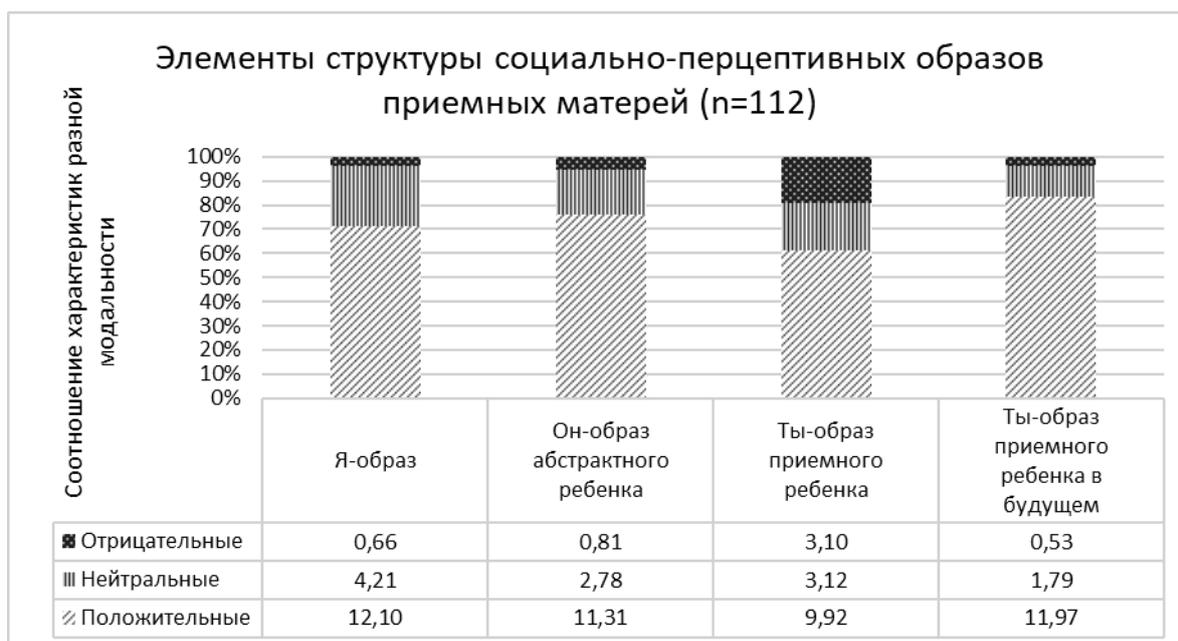

Рис. 1. Сравнение структуры социально-перцептивных образов приемных матерей

По нашему мнению, большое количество отрицательных характеристик в Ты-образах приемных детей может быть связано с наличием социальных установок у приемных матерей воспринимать приемного ребенка хуже, чем они сами себя воспринимают. Следовательно, выявленная особенность будет характерна для приемных родителей, о которой еще А. С. Спиваковская говорила как о негативном явлении, в основе которого лежат родительские страхи о неблаго-

приятном генофонде приемного ребенка [3, с. 83]. Такое предубеждение у матерей может развивать неуверенность в родительской компетентности и своих воспитательных возможностях.

Таким образом, несмотря на внешнюю схожесть по структурам содержательных характеристик двух образов, Я-образы приемных матерей и Ты-образы их приемных детей могут иметь существенные различия по параметрам модальности.

После нами были проанализированы содержательные характеристики Я-, Он-, Ты-образов приемных матерей. На основании частотного словаря по четырем образам можно выделить одинаковые характеристики (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика содержания социально-перцептивных образов приемных матерей

Я-образ	Частота	Отн. частот	Абстрактный ребенок	Частота	Отн. частот	Приемный ребенок	Частота	Отн. частот	Приемный в будущем	Частота	Отн. частот
добрая	72	64%	добрый	62	55%	добрый	71	63%	добрый	62	55%
ответственная	51	46%	веселый	46	41%	красивый	44	39%	умный	43	38%
мама	46	41%	красивый	44	39%	умный	35	31%	заботливый	40	36%
заботливая	44	39%	умный	38	34%	ласковый	34	30%	трудолюбивый	40	36%
трудолюбивая	38	34%	ласковый	37	33%	веселый	28	25%	ответственный	37	33%
отзывчивая	36	32%	отзывчивый	36	32%	отзывчивый	27	24%	красивый	32	29%
любящая	34	30%	любопытный	27	24%	трудолюбивый	27	24%	веселый	26	23%
хозяйственная	34	30%	ответственный	27	24%	заботливый	26	23%	отзывчивый	25	22%
справедливая	29	26%	активный	26	23%	любопытный	24	21%	целеустремленный	24	21%
веселая	28	25%	трудолюбивый	25	22%	спортивный	23	21%	успешный	23	21%
женщина	26	23%	аккуратный	24	21%	помощник	22	20%	дружелюбный	22	20%
внимательная	23	21%	здоровый	21	19%	послушный	20	18%	здоровый	22	20%
жена	23	21%	спортивный	20	18%	дружелюбный	19	17%	самостоятельный	19	17%
дружелюбная	21	19%	послушный	19	17%	ответственный	19	17%	ласковый	18	16%
красивая	20	18%	внимательный	17	15%	ленивый	18	16%	любимый	18	16%
любимая	20	18%	любимый	17	15%	аккуратный	17	15%	общительный	18	16%
терпеливая	18	16%	целеустремленный	17	15%	упрямый	17	15%	аккуратный	17	15%
ласковая	17	15%	честный	17	15%	хитрый	17	15%	активный	16	14%
строгая	17	15%	дружелюбный	16	14%	любит животных	16	14%	спортивный	15	13%
честная	17	15%	нежный	16	14%	старательный	16	14%	внимательный	14	13%
общительная	16	14%	заботливый	14	13%	любимый	15	13%	справедливый	14	13%
требовательная	16	14%	жизнерадостный	13	12%	быстрый	14	13%	счастливый	14	13%
умная	16	14%	подвижный	13	12%	общительный	14	13%	любящий	13	12%
верная	15	13%	улыбающийся	13	12%	самостоятельный	14	13%	честный	13	12%
бабушка	14	13%	общительный	12	11%	активный	13	12%	смелый	11	10%
любопытная	14	13%	симпатичный	11	10%	внимательный	13	12%	спокойный	10	9%
человек	14	13%	вежливый	10	9%	обидчивый	12	11%	хозяйственный	10	9%
аккуратная	13	12%	девочка	10	9%	хороший	12	11%	воспитанный	9	8%
подруга	12	11%	непоседа	10	9%	исполнительный	11	10%	любопытный	9	8%
пунктуальная	12	11%	помогающий	10	9%	нежный	11	10%	надежный	9	8%
уверенная	12	11%	хороший	10	9%	любопытный	10	9%	адекватный	8	7%
целеустремленная	12	11%	любопытный	9	8%	открытый	9	8%	жизнерадостный	8	7%
активная	11	10%	маленький	9	8%	понимающий	9	8%	позитивный	8	7%

Примечание. Жирным шрифтом выделены повторяющиеся характеристики.

Как видно из табл. 2, анализ содержания социально-перцептивных образов, обобщенных по структурно-частотному принципу, показывает наличие содержательно-качественных связей между элементами изучаемых образов.

При сравнении дословных совпадений четырех образов в представлениях приемных матерей обнаруживается то, что они видят себя, любого другого ребенка, приемного ребенка и приемного ребенка в будущем добрыми, ответ-

ственными, заботливыми, трудолюбивыми, отзывчивыми, веселыми, внимательными, дружелюбными, красивыми, ласковыми, общительными, умными, любознательными, аккуратными, активными.

Второй задачей нашего исследования стало определение особенностей структуры и содержания социально-перцептивных образов в представлениях у биологических матерей.

На основании проведенного анализа по частотному словарю методики СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая) – было проведено ранжирование показателей по десяти структурным характеристикам образов (табл. 3).

Таблица 3

Показатели ранжирования структуры социально-перцептивных образов биологических матерей (n = 106)

Структура образов	Я-образ		Он-образ абстрактного ребенка		Ты-образ ребенка		Ты-образ ребенка в будущем	
	μ	ранг	μ	ранг	μ	ранг	μ	ранг
Волевые	2,85	3	2,63	5	3,30	5	3,42	3
Деятельностные	1,95	8	1,20	7	1,42	7	1,48	7
Интеллектуальные	2,58	4	3,23	4	3,37	4	3,42	3
Интеллект социальный	2,16	5	1,49	6	1,82	6	1,99	6
Конвенциональные	2,14	7	0,32	9	0,35	9	0,75	9
Поведенческие	0,71	9	0,90	8	0,81	8	1,32	8
Социальные	10,68	1	7,54	1	8,69	1	9,34	1
Телесные	2,16	5	4,31	3	3,60	3	2,66	5
Эмоциональные	7,18	2	7,21	2	7,43	2	5,59	2
Метафорические	0,25	10	0,17	10	0,26	10	0,07	10

Как видно из табл. 3, по всем четырем изучаемым образам на первых двух ранговых местах располагаются социальные и эмоциональные характеристики. По мнению В. Л. Ситникова, для русскоязычных образов человека невозможно обойтись без них. Эти характеристики отражают особенности русскоязычного населения и его менталитета, подобные характеристики определяются практически во всех диссертациях, защищенных под руководством В. Л. Ситникова [1].

Правда, уже с третьего рангового места присутствуют отличительные особенности. Так, на третьем месте в Я-образах биологических матерей отмечаются волевые характеристики, а на аналогичном месте в Он-образах абстрактных детей и в Ты-образах родных детей появляются телесные характеристики. Любопытно, что в образах родных детей в будущем на третьем ранговом месте возникают интеллектуальные характеристики. Обобщая, следует отметить, что по всем изучаемым образам первые пять позиций из десяти будут в приоритете: социальные, эмоциональные, телесные, интеллектуальные и волевые характеристики.

Далее нами были проанализированы данные средних значений образов по характеристикам разной модальности. Важно отметить особенность, связанную с практически одинаковым набором положительных характеристик в изучаемых

образах и преобладанием отрицательных их элементов в Ты-образах родных детей по сравнению с аналогичными характеристиками в Я-образах биологических матерей (рис. 2).

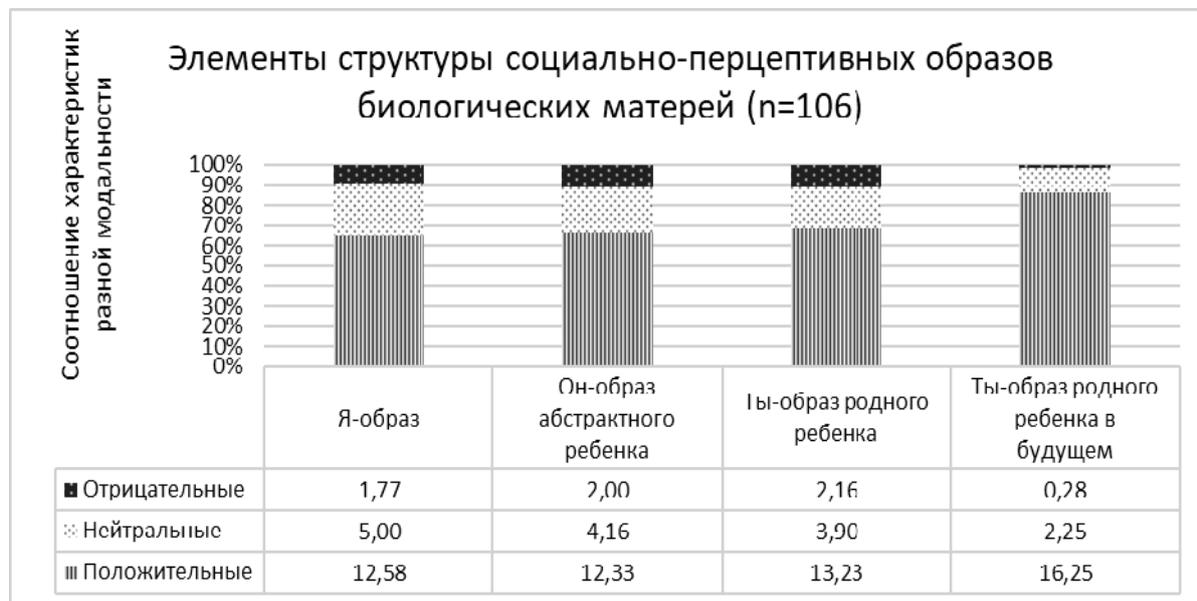

Рис. 2. Сравнение характеристик образов по модальности

Как видно из рис. 2, Я-образы биологических матерей имеют практически одинаковое количество положительных характеристик с Он-образами абстрактных детей и Ты-образами родных детей. Существенное повышение положительных характеристик можно увидеть в Ты-образах родных детей в будущем. Видимо, биологические матери родного ребенка будут более позитивно воспринимать по мере его взросления. Действительно, в образах детей в будущем количество нейтральных характеристик уменьшается, вместе с тем убавляется число отрицательных характеристик.

Возможно, что у биологических матерей в основе образов родных детей зафиксированы представления о каких-либо других (абстрактных) детях, а также собственные представления о самих себе.

Также нами были проанализированы содержательные характеристики Я-, Он-, Ты-образов биологических матерей. На основании частотного словаря по четырем образам можно выделить следующие идентичные характеристики (табл. 4).

Как видно из табл. 4, анализ содержания социально-перцептивных образов, обобщенных по структурно-частотному принципу, показывает наличие содержательно-качественных связей между элементами изучаемых образов.

При сравнении дословных совпадений четырех образов в представлениях биологических матерей обнаруживается то, что они видят себя, любого другого ребенка, своего ребенка и своего ребенка в будущем добрыми, ответственными, заботливыми, отзывчивыми, веселыми, общительными, умными, красивыми, дружелюбными, целеустремленными, любимыми, внимательными, аккуратными.

Сравнительная характеристика содержания социально-перцептивных образов биологических матерей

Я-образ	Частота	Отн. частот	Абстрактный ребенок	Частота	Отн. частот	Родной ребенок	Частота	Отн. частот	Родной в будущем	Частота	Отн. частот
добрая	70	66%	добрый	60	57%	красивый	61	58%	красивый	61	58%
ответственная	52	49%	веселый	53	50%	добрый	60	57%	добрый	60	57%
мама	46	43%	умный	46	43%	умный	53	50%	умный	53	50%
любящая	43	41%	красивый	41	39%	любимый	45	42%	любимый	45	42%
заботливая	41	39%	любопытный	37	35%	веселый	42	40%	веселый	42	40%
отзывчивая	40	38%	активный	33	31%	ответственный	35	33%	ответственный	35	33%
жена	32	30%	ласковый	30	28%	дружелюбный	26	25%	дружелюбный	26	25%
трудолюбивая	30	28%	отзывчивый	25	24%	ласковый	26	25%	ласковый	26	25%
веселая	29	27%	дружелюбный	24	23%	общительный	25	24%	общительный	25	24%
общительная	27	25%	внимательный	22	21%	любопытный	24	23%	любопытный	24	23%
умная	26	25%	любимый	22	21%	заботливый	23	22%	заботливый	23	22%
красивая	25	24%	общительный	20	19%	активный	22	21%	активный	22	21%
хозяйка	24	23%	послушный	20	19%	любящий	22	21%	любящий	22	21%
дочь	22	21%	аккуратный	18	17%	отзывчивый	22	21%	отзывчивый	22	21%
дружелюбная	21	20%	маленький	17	16%	любит животных	21	20%	любит животных	21	20%
женщина	20	19%	спокойный	17	16%	обидчивый	20	19%	обидчивый	20	19%
целеустремленная	20	19%	улыбающийся	17	16%	ленивый	19	18%	ленивый	19	18%
любимая	19	18%	здоровый	16	15%	упрямый	19	18%	упрямый	19	18%
верная	17	16%	подвижный	16	15%	милый	18	17%	милый	18	17%
жизнерадостная	16	15%	смешной	16	15%	спортивный	17	16%	спортивный	17	16%
обидчивая	15	14%	воспитанный	14	13%	целеустремленный	17	16%	целеустремленный	17	16%
помощница	15	14%	коммуникабельный	14	13%	внимательный	16	15%	внимательный	16	15%
человек	15	14%	трудолюбивый	14	13%	помощник	14	13%	помощник	14	13%
честная	15	14%	заботливый	13	12%	самостоятельный	14	13%	самостоятельный	14	13%
внимательная	14	13%	капризный	13	12%	аккуратный	13	12%	аккуратный	13	12%
сестра	13	12%	ответственный	13	12%	интересный	13	12%	интересный	13	12%
скромная	13	12%	смелый	13	12%	нежный	13	12%	нежный	13	12%
справедливая	13	12%	счастливый	13	12%	доброжелательный	12	11%	доброжелательный	12	11%
аккуратная	12	11%	творческий	13	12%	творческий	12	11%	творческий	12	11%
вспыльчивая	12	11%	хороший	13	12%	коммуникабельный	11	10%	коммуникабельный	11	10%
спокойная	12	11%	помогающий	11	10%	ранимый	11	10%	ранимый	11	10%
творческая	12	11%	целеустремленный	11	10%	старательный	11	10%	старательный	11	10%

Примечание. Жирным шрифтом выделены повторяющиеся характеристики.

Закключение и выводы. На основании проведенного анализа по показателям ранжирования, наибольшего и наименьшего количества названных характеристик в социально-перцептивных образах было определено следующее:

– структурные характеристики Я-образов матерей в двух группах различаются по количеству использованных характеристик. В описаниях самих себя наибольшее их количество использовалось биологическими матерями, наибольшее количество вообще не названных характеристик доминирует в описаниях приемных матерей;

– структурные характеристики Я-образов матерей в двух группах подобны по ранжированию показателей, где на первых ранговых местах определяются социальные, эмоциональные и волевые характеристики;

– структурные характеристики Он-образов абстрактных детей в двух группах похожи по ранжированию показателей, где на первых ранговых местах определяются социальные, эмоциональные и телесные характеристики;

– структурные характеристики Ты-образов приемных, родных детей в двух группах аналогичны по ранжированию показателей, где на первых ранговых местах определяются социальные, эмоциональные и телесные характеристики;

– структурные характеристики Ты-образов приемных, родных детей в будущем имеют некоторые особенности. Ранжирование показателей в группе биологических матерей имеют следующие особенности. Так, на первых ранговых местах определяются социальные, эмоциональные и интеллектуальные характеристики. В группе приемных матерей ранжирование представлено выраженностью показателей по социальным, эмоциональным и волевым характеристикам;

– чаще всего в приведенных четырех образах встречаются социальные и эмоциональные характеристики, а реже всего – поведенческие характеристики. По нашему мнению, это может выступать аргументом в пользу того, что социально-перцептивные образы в своей основе содержат регулятивный компонент образной сферы социальной перцепции, на основании которых выстраиваются отношения с объектами восприятия;

– по представленности в анализируемых образах модальных характеристик можно отметить особенность, что в представлениях у приемных матерей в Ты-образах приемных детей преобладают отрицательные характеристики, которые с перспективой взросления их приемных детей имеет тенденцию сохраняться и, возможно, увеличиваться.

Библиографический список

1. Кедич, С. И. Кросскультурные особенности социально-педагогической перцепции. Социально-психологическая перцепция в системе образования : монография / С. И. Кедич [и др.] ; под общей и научной редакцией В. Л. Ситникова. – Санкт-Петербург : «ЭЛВИ-Принт», 2016. – С. 104–119. – Текст : непосредственный.

2. Ситников, В. Л. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса / В. Л. Ситников, А. А. Стреленко, В. Ф. Енгальчев. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 77–87.

3. Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях / В. Л. Ситников, А. А. Стреленко, С. И. Кедич, А. В. Комарова. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 129–147.

4. Стреленко, А. А. Социальная перцепция и отношения с детьми в приемных семьях : монография / А. А. Стреленко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – 121 с. – Текст : непосредственный.

Супружеские конфликты в молодых семьях, способствующие разводам, и причины их возникновения

Ключевые слова: *супружеские конфликты, молодые семьи, разводы.*

Под супружеским конфликтом подразумевается столкновение интересов, мнений и целей двух супругов. Конфликты провоцируют взаимную враждебность, негативизм в отношениях и отчужденность из-за разных взглядов, интересов и потребностей.

Вопросам супружеских конфликтов посвящены труды В. А. Сысенко, А. Т. Разумихиной, А. И. Кочетова, И. С. Голода, Н. Г. Юркевича, М. Я. Соловьева, Н. В. Гришиной и многих других ученых. В работах данных авторов нашли отражение отдельные вопросы конфликтов в семье, в частности развод, причины конфликтов, формы конфликтного взаимодействия и т. д. [1].

Виктор Алексеевич Сысенко выделил следующие причины супружеских конфликтов:

- неудовлетворенность потребности в ценности и значимости своего «Я», нарушение чувства достоинства со стороны другого партнера;
- неудовлетворенность сексуальных потребностей одного из супругов;
- неудовлетворенность потребности одного или обоих супругов в положительных эмоциях: отсутствие ласки, нежности, заботы, внимания и понимания;
- пристрастие одного из супругов к спиртным напиткам, азартным играм, наркотикам;
- финансовые разногласия супругов: вопросы взаимного бюджета, содержания семьи, вклада каждого из партнеров в ее материальное положение;
- неудовлетворенность потребности во взаимопомощи, взаимоподдержке, в сотрудничестве по вопросам разделения труда в семье, ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, в отношении к родителям и так далее;
- различные потребности и интересы в проведении отдыха и досуга, разногласия в увлечениях [5].

Данная классификация не охватывает всего многообразия супружеских конфликтов, но дает возможность систематизировать основные из них.

Александр Ильич Кочетов, в свою очередь, выделил семь основных факторов конфликтных отношений:

- нарушение этики супружеских отношений (измена, ревность);
- биологическая несовместимость;
- неправильные взаимоотношения супругов (одного из них) с окружающими их людьми – родственниками, знакомыми, сослуживцами и т. д.;
- несовместимость интересов и потребностей;
- различие педагогических позиций по отношению к ребенку;
- наличие личностных недостатков или отрицательных качеств у одного, а подчас и у обоих супругов;
- отсутствие взаимопонимания между родителями и детьми [3].

Он полагал, что основной причиной конфликтов в молодых семьях является проблема семейного лидера. Лидерство, как правило, носит авторитарный характер и непременно сопровождается подавлением партнера. Именно поэтому в некоторых супружеских парах наблюдается такая картина: один из партнеров – лидер; второй принимает такое положение в принципе, но не может смириться с конкретными формами лидерства [2].

В ходе сбора данных по авторской анкете, направленной на выявление актуальных причин супружеских конфликтов, мы получили следующие результаты. Для 48 % женщин главной причиной супружеских конфликтов является бытовая неустроенность. Второе место заняли сразу две характеристики – проявление ревности и супружеская неверность. Третье место – расхождение в отношении к деньгам. Наименьшее беспокойство женщин вызвал алкоголизм супруга – 3 %. А без внимания остались вопросы, связанные с воспитанием детей и проявление доминирования.

Наиболее востребованным среди мужчин стало проявление доминирования – 36 %, на втором месте расхождение в отношении к деньгам – 32 % и на третьем – вопросы, связанные с воспитанием детей, – 18 %. Меньше всего мужчины обеспокоены вопросом «бытовой неустроенности» – 14 %, а без особого внимания остались проявление ревности, супружеская неверность и алкоголизм супруги.

Методика «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» позволила нам выявить, в каких ситуациях у мужчин и женщин встречаются негативные и позитивные реакции. Среди женщин наиболее часто встречаются негативные реакции на такие ситуации, как проблемы отношений с родственниками и друзьями – 90 % и спор материального характера – 84 %. Позитивные реакции вызывают вопросы, связанные с воспитанием детей, – 45 %.

Негативные реакции у мужчин вызваны проявлением доминирования одного из супругов – 79 % и вопросы, связанные с воспитанием детей, – 76 % опрошенных. Позитивные реакции вызывает проявление ревности – 48 %.

На основе данных результатов мы можем сформировать рейтинг самых актуальных причин возникновения супружеских конфликтов среди молодых семей с точки зрения женщин и мужчин, состоящих в браке (см. таблицу).

Рейтинг самых актуальных причин возникновения супружеских конфликтов среди молодых семей с точки зрения женщин и мужчин, состоящих в браке

Женщины	Мужчины
1. Бытовая неустроенность	1. Проявление доминирования
2. Проблемы отношений с родственниками и друзьями	2. Вопросы, связанные с воспитанием детей
3. Проявление ревности и супружеская неверность	3. Расхождения в отношении к деньгам
4. Расхождения в отношении к деньгам	4. Бытовая неустроенность
5. Алкоголизм супруга	5. Проявление ревности и супружеская неверность
6. Проявление доминирования	6. Алкоголизм супруги
7. Вопросы, связанные с воспитанием детей	7. Проблемы отношений с родственниками и друзьями

Изучение молодых семей, супружеских конфликтов и выбор стратегии поведения в конфликте у семейных пар является актуальным и значимым и, вероятно, получит еще большее развитие в семейной психологии.

Библиографический список

1. Белогай, К. Н. Супружеские отношения на этапе молодой семьи / К. Н. Белогай, М. В. Кускова. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 72–77.
2. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни / И. В. Гребенников. – Москва : Промсвещение, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Камнева, Н. А. Исследование конфликтности молодых супругов в современной семье / Н. А. Камнева. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 260–267.
4. Саидвалиева, М. Психологические особенности супружеских конфликтов в молодых семьях / М. Саидвалиева. – Москва : Центральноазиатский исследовательский журнал междисциплинарных исследований, 2020. – С. 170–177. – Текст : непосредственный.
5. Сысенко, В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия / В. А. Сысенко. – Москва : Мысль, 2001. – 189 с. – Текст : непосредственный.

Карпова А. А., Кедич С. И.

Понимание эмоций и совладающее поведение у младших школьников, оставшихся без попечения родителей

Ключевые слова: *совладающее поведение, понимание эмоций, копинг-стратегии, дети-сироты, младшие школьники.*

Личность ребенка формируется под влиянием определенных сочетаний личностных свойств, опираясь на которые он выстраивает свое защитное поведение в дальнейшем. В данном случае важна роль не только врожденных свойств темперамента, но и социально обусловленных факторов, таких как воспитание и обучение.

В данной статье рассматриваются особенности совладающего поведения у школьников, оставшихся без попечения родителей. У таких детей нарушается процесс становления Я-концепции как следствие материнской депривации, что влечет за собой различные эмоциональные и поведенческие нарушения.

Целью исследования явилось выявление особенностей совладающего поведения и понимания эмоций у младших школьников, оставшихся без попечения родителей.

Задачей являлось выявление основных особенностей совладающего поведения (копинг-стратегий) и эмоций, также анализ различий связи между показателями совладающего поведения и понимания эмоций у детей, оставшихся без попечения родителей, и их сверстников, воспитывающихся в семье, а также у юношей и девушек.

Гипотезой нашего исследования был тот факт, что предпочитаемые копинг-стратегии младших школьников, оставшихся без попечения родителей, бу-

дуют отличаться от копинг-стратегии их сверстников, воспитывающихся в семье. Копинг-стратегии имеют разные связи с пониманием эмоций у младших школьников, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в семье.

Методами исследования стали теоретический анализ научной литературы и обзор современных исследований по проблеме исследования, обобщение различных педагогических и психологических источников, эмпирические методы, математико-статистические методы.

Научная новизна результатов заключается в выявлении основных особенностей совладающего поведения детей, оставшихся без попечения родителей, позволяющих различным педагогическим образовательным организациям адаптироваться к сложившимся условиям и модернизировать возможности образовательной развивающей среды с целью коррекции системы воспитания.

Теоретическая значимость результатов состоит в анализе способов и подходов к понятию совладающего поведения в контексте специфики изучаемого контингента школьников. Практическая значимость результатов заключается в возможности использования полученных результатов с целью анализа и коррекции особенностей совладающего поведения и понимания эмоций у младших школьников, оставшихся без попечения родителей.

Эмоции характеризуют потребности человека и предметы, на которые они направлены, являясь одним из основных механизмов регуляции функционального состояния организма и деятельности человека. Изучению развития эмоций и чувств младших школьников посвящены работы отечественных исследователей М. А. Донецкой, А. А. Котелевской, И. Е. Нестеренко, Л. А. Тухужевой, А. Н. Худяковой и др. [6, 8, 11].

По мнению А. Н. Худяковой, эмоции младших школьников – это специфические переживания, которые непосредственно связаны с потребностями обучающихся, их интересами, определенными процессами удовлетворения, которые окрашиваются в приятные или неприятные тона. Автор отмечает, что эмоциональная сфера младших школьников в целом характеризуется следующими признаками: высокой впечатлительностью, возбудимостью, гибкостью, отзывчивостью на все необычное и новое [11]. Понимание собственных и чужих эмоций, анализ собственного поведения является очень важным в процессе становления личности ребенка. Безусловно, семья для ребенка занимает центральное место в формировании его личности, в его взаимоотношениях с детьми и взрослыми. Т. В. Авакян в своих работах отмечает, что дети, оставшиеся без попечения родителей, обнаруживают дефицит развития представлений об эмоциях других людей и понимания ситуаций, в которых эти эмоции могут проявиться, что, в свою очередь, приводит к трудностям в понимании их социального окружения [1]. В силу того, что внутренние переживания и межличностные отношения обусловлены эмоциональными трансакциями, от способности детей к пониманию собственных эмоций и эмоциональных состояний других людей зависит успешность их контактов со взрослыми и сверстниками и степень удовлетворенности содержанием социального взаимодействия в дальнейшем [3].

Совладающее поведение и понимание эмоций являются неотъемлемой частью жизни человека. Они помогают человеку в своей жизнедеятельности адекватно реагировать на то или иное действие в его сторону. Изучению совладающего поведения посвящены работы многих российских исследователей, таких как А. Д. Бузунова, Е. А. Бурина, В. В. Косоногов, Е. В. Куприянчук, Е. Е. Раздорская, И. М. Шутарева и др. [2, 7, 9].

Психологическое совладание зависит от самой личности и определенных обстоятельств, воздействующих на нее в определенный этап времени.

Совладающее поведение – это определенная форма поведения, отражающая готовность индивида решать жизненные проблемы. Это поведение, направленное на приспособление к обстоятельствам и предполагающее сформированное умение использовать определенные средства для преодоления эмоционального стресса. При выборе активных действий повышается вероятность устранения воздействия стрессоров на личность [4].

Л. И. Анциферова определяет совладание как упрощенное определение различных трудных жизненных ситуаций, под которыми понимаются такие обстоятельства, которые требуют от человека действий и условий, находящихся на границе его адаптационных возможностей или даже превышающих имеющиеся у него резервы [4].

Следует отметить, что в становлении детской защиты большое значение имеют ранние взаимодействия ребенка в семье. Установлено, что защитные механизмы возникают, с одной стороны, как результат усвоения демонстрируемых родителями образцов защитного поведения, а с другой – как результат негативного воздействия со стороны родителей [10]. Дети, оставшиеся без попечения родителей, как правило, имеют травматический опыт пребывания в семье или интернатном учреждении, что влечет за собой нарушение выстраиваемых защитных механизмов и способов управления эмоциями.

Особый интерес представляет для нас исследовательская позиция А. В. Добринина о том, что успешность управления эмоциями зависит от того, насколько эффективно ребенок осуществляет психологический анализ поведения, определяет ценности, свойственные эмоциональным переживаниям [5]. В связи с этим очень важна система психологического сопровождения ребенка, оставшегося без попечения родителей, как на этапе нахождения в интернатном учреждении, так и в образовательной школе. Сопровождение осуществляется, как правило, специалистами по работе с замещающими семьями, психологами, социальными работниками. В зависимости от решаемых задач сопровождения специалистами используется необходимая программа.

Проблема исследования. Формирование понимания эмоций и совладающего поведения у младших школьников, оставшихся без попечения родителей, осуществляется не только в процессе учебных занятий и при взаимодействии педагогов и обучающихся, но и в образовательной среде школы или интерната в целом. Проблема формирования понимания эмоций и совладающего поведения у детей, оставшихся без попечения родителей, при дефиците эмоциональной сферы, имеющемся травматическом опыте в собственной семье в настоящий момент остается малоразработанной.

Методология и методы исследования. Для проведения эмпирического исследования на определение совладающего поведения и понимания эмоций была отобрана выборка младших школьников в количестве 60 человек в возрасте от 7 до 10 лет. Опрошенные являются воспитанниками разных учебных заведений, что позволяет точнее понять различия между детьми-сиротами и детьми, растущими в полных семьях. Эмпирические методы, включающие следующие методики:

1. Методика «Эмоциональные лица» Н. Я. Семаго.
2. Опросник копинг-стратегий в школьном возрасте И. М. Никольской, Р. М. Грановской.
3. Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации. Детский вариант (модификация Н. В.Тарабриной).

Методы математико-статистической обработки данных с применением корреляционного анализа, углового преобразования Фишера, критерия согласия Пирсона, Z-критерия.

Основные результаты. На основе проведенного теоретического исследования охарактеризованы особенности совладающего поведения у школьников, оставшихся без попечения родителей.

Проведенная нами работа позволяет сделать вывод о том, что формирование совладающего поведения различается у мальчиков и у девочек. И у мальчиков и у девочек в условиях семейного воспитания и детского дома (интернатного учреждения) совладающее поведение оказывается различным.

Исследование связи копинг-стратегий с эмоциональным интеллектом у младших школьников, оставшихся без попечения родителей, и младших школьников с родителями позволило сделать вывод о том, что мальчики с родителями значительно чаще используют стратегии аффективно-деструктивного реагирования, направленные на взрослых, чем их сверстники из детских домов. Связанно это с тем, что дети с родителями пытаются манипулировать родственниками, поскольку им, в свою очередь, легче дать ребенку желаемое. Тогда как в детском доме воспитатели считаются менее достигаемыми для манипуляций. Поэтому мальчики из детских домов чаще используют аффективно-деструктивные копинг-стратегии, направленные на сверстников, так как они намного ближе к ним.

Также следует отметить, что девочки из детских домов используют активные копинг-стратегии, в отличие от мальчиков, которые используют в основном деструктивные копинг-стратегии. Это можно объяснить гендерной спецификой, поскольку для мальчиков свойственно агрессивное поведение больше, чем для девочек. Гипотеза о том, что предпочитаемые копинг-стратегии младших школьников, оставшихся без попечения родителей, будут отличаться от копинг-стратегии их сверстников, воспитывающихся в семье, подтвердилась.

У детей-сирот с низким, высоким и средним уровнем понимания эмоций формируется ощущение, что преграда есть непреодолимое препятствие на их пути. Они считают, что социум не в силах им помочь. В большинстве случаев данной стратегии поведения придерживаются дети-сироты с типом реакции на фрустрацию «фиксация на самозащите». Дети под опекой родителей с высоким

уровнем эмоционального интеллекта чаще используют демонстративно-аффективные копинг-стратегии с целью привлечения внимания взрослых к своей проблеме. Они пытаются найти во взрослых защиту и понимание, тем самым манипулируя ими своим поведением. При этом способы поведения у детей-сирот и детей с родителями в других аспектах не имеют значимых различий.

Тем самым гипотеза о том, что копинг-стратегии имеют разные связи с пониманием эмоций у младших школьников, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в семье, подтверждена частично и требует дальнейших исследований. Данные результаты могли быть получены из-за небольшого числа испытуемых.

Научная новизна результатов заключается в том, что автором выявлен потенциал системы психологического сопровождения личностного развития детей школьного возраста, оставшихся без попечения родителей.

Практическая и теоретическая значимость результатов состоит в совершенствовании системы психологического сопровождения личностного развития детей школьного возраста, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся под опекой родителей.

Содержательные выводы. Процесс формирования копинг-стратегий и понимания эмоций у детей, оставшихся без попечения родителей, является многоплановым, включает в себя различные учебно-воспитательные мероприятия с задействованием различных учебных и обеспечивающих подразделений. Следует подчеркнуть, что результативность данного процесса во многом определяется согласованной, а самое главное – непротиворечивой интеграцией всех компонентов образовательной среды образовательной организации в единую педагогическую систему.

В работе с замещающими родителями, детьми, оставшимися без попечения родителей, у специалистов, сопровождающих такие семьи, есть возможность способствовать созданию обогащенной эмоциональной среды семьи и повлиять на такие компоненты, как понимание эмоций и совладающее поведение.

Результаты исследования можно использовать для анализа и коррекции особенностей совладающего поведения и понимания эмоций у детей, находящихся под опекой государства, и детей, воспитывающихся с родителями, с целью совершенствования их личностного развития и коррекции системы воспитания в целом.

В числе перспективных направлений продолжения данного исследования считаем проведение анализа специфики создания и функционирования тренинговых и проблемных групп детей-сирот, взаимодействие в которых направлено на решение проблем доверия.

Библиографический список

1. Авакян, Т. В. Тип привязанности и особенности социального познания у детей-сирот / Т. В. Авакян. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 119–132.
2. Бузунова, А. Д. Особенности совладающего поведения и субъективного восприятия семьи у младших подростков с девиантным поведением / А. Д. Бузунова, Е. А. Бурина. –

Текст : непосредственный // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2016. – Т. 4. – С. 46–51.

3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – Москва, 1984. – 162 с. – Текст : непосредственный

4. Венгер, А. Л. Психологические рисуночные тесты / А. Л. Венгер. – Москва : Владос-Пресс, 2003. – 160 с. – Текст : непосредственный.

5. Добрин, А. В. Особенности управления эмоциями младшими школьниками как компонент эмоционального интеллекта / А. В. Добрин. – Пермь, 2017. – С. 135–136. – Текст : непосредственный.

6. Донецкая, М. А. Взаимосвязь эмоций и мотивации у младших школьников / М. А. Донецкая. – Текст : непосредственный // Аллея науки. – 2018. – Т. 1. – № 10 (26). – С. 351–355.

7. Куприянчук, Е. В. Особенности совладающего поведения подростков с девиантным поведением / Е. В. Куприянчук, И. М. Шутарева. – Текст : непосредственный // Страховские чтения. – 2018. – № 26. – С. 149–152.

8. Нестеренко, И. Е. Влияние эмоций и чувств на нравственное поведение младших школьников / И. Е. Нестеренко, А. А. Котелевская. – Текст : непосредственный // Научные меридианы 2020 : сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Кубанский государственный университет. – 2020. – С. 67–72.

9. Раздорская, Е. Е. Совладающее поведение как предиктор психического здоровья / Е. Е. Раздорская, В. В. Косоногов. – Текст : непосредственный // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 46–55.

10. Федорова, Е. В. Последствия семейной депривации при формировании личности младших школьников / Е. В. Федорова, А. К. Рубченко. – Текст : непосредственный // Проблемы и достижения современной науки. – 2014. – С. 207–212.

11. Худякова, А. Н. Развитие эмоций и чувств в образовательном процессе как условие успешного нравственного воспитания младших школьников / А. Н. Худякова. – Текст : непосредственный // Вопросы педагогики. – 2020. – № 4-1. – С. 282–286.

Взаимосвязь параметров эмоционального интеллекта и жизнеспособности студентов

Ключевые слова: *студенты, жизнеспособность, эмоциональный интеллект, эмоциональная компетентность, корреляционный анализ.*

Эмоциональная компетентность современной студенческой молодежи – достаточно сложный психологический конструкт, отражающий сформированность ряда эмоциональных способностей: рефлексии, эмпатии, произвольной регуляции, понимания и управления своими эмоциями и эмоциями других людей. В этом аспекте высокий уровень проявления эмоционального интеллекта личности определяет интеллект социальный, т. е. выстраивать поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми в окружающем обществе нормами и ценностями.

Отражение личностью эмоциональной компетентности лежит в процессах самооценки и саморегуляции, а высокая степень уверенности личности в своей эмоциональной компетентности отчасти определяет эффективную адаптацию к условиям социальной среды. Ранее нами установлено, что в структуре связей жизнеспособности с социально-психологическими характеристиками имеются отрицательные связи способностей адаптации с тревогой в ситуации «быть в центре внимания» и с тревогой, опосредованной страхом критики [1].

Важным с точки зрения оценки эффективной адаптации является роль жизнеспособности человека. Жизнеспособность рассматривают как сложную компонентную психологическую структуру, самоорганизующуюся систему: «от адаптации к произвольной саморегуляции, а далее к субъектному развитию и обретению смысла жизни» [2]; включающую характеристики с субсистемным, компонентным и элементным уровнями [3].

Незначительное количество работ отражает результаты исследований связи эмоционального интеллекта и жизнеспособности личности. Показано, что эмоциональный интеллект выступает предиктором произвольной регуляции поведения, адекватных и эффективных копинг-стратегий, является ведущим внутренним ресурсом жизнеспособности [4]. Изучая обусловленность жизнеспособности человека особенностями его темперамента и контроля поведения, наиболее значимой индивидуальной характеристикой жизнеспособности установлен уровень развития эмоционального интеллекта [3].

Общий и эмоциональный интеллект отражают способности человека к адаптации и являются предикторами жизнеспособности. В результате исследования вклада вербального, пространственного и эмоционального компонентов интеллекта в самооценку качества жизни студентов представлена возможность

психологической коррекции самочувствия с использованием разных контуров эмоциональной регуляции поведения студентов [5].

Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и жизнеспособности у студентов. Предполагается, что эмпирические доказательства формирования указанных взаимосвязей в условиях образовательной среды, их анализ и интерпретация позволят прогнозировать успешность профессионального становления представителей студенческой молодежи.

Организация и материалы. На основании добровольного согласия проведена психодиагностика 134 студентов старших курсов обоего пола (возраст 21,7 лет, SD 1,1) различных профилей обучения (педагогический, юридический и экономический), имеющих опыт производственной практики. Определяли жизнеспособность («Тест жизнеспособности человека» Е. А. Рыльской) и эмоциональный интеллект («ЭмИн» В. Д. Люсина).

На основе результатов тестирования жизнеспособности сформированы две группы: I – с низким (87 человек) и II – со средним (47 человек) уровнем жизнеспособности.

Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью табличного процессора Microsoft Excel пакета Office 2016 и статистического пакета SPSS v. 23. Нормальность распределения определяли, применяя критерий Шапиро – Уилка. Результаты психологического тестирования в таблице представлены в виде параметрических статистик: $M \pm m$. Критическое значение уровня статистической значимости при проверке нулевых гипотез принималось равным 0,05. Корреляционный анализ (r-Пирсона) позволил оценить структуру взаимосвязей между показателями жизнеспособности и эмоционального интеллекта.

В результате дифференциации студентов по уровням жизнеспособности малочисленной явилась группа студентов с высоким уровнем (8 человек), численность которой не позволила проводить корректное межгрупповое сравнение и корреляционный анализ. Доминирующей явилась группа студентов с низким уровнем жизнеспособности, численность которой превосходит группу студентов со средним уровнем в 1,8 раза (см. таблицу).

Результаты. При формировании групп студентов учитывали значение «Общая жизнеспособность», что предопределило межгрупповые различия средних значений шкал теста (см. таблицу). Наибольшие различия отмечаются по шкале «Способности адаптации» – на 23 балла меньше в группе студентов с низким уровнем жизнеспособности ($t = 12,097$; $p < 0,001$). Полученные результаты свидетельствуют о неэффективной адаптации студентов этой группы, в том числе к условиям образовательной среды, что выражается в проявлениях относительно низкой стрессоустойчивости, высокого нейротизма и в нарушениях психического здоровья (тревожность, фрустрация).

По остальным шкалам установленные различия составляют в среднем 10 баллов в пользу студентов со средним уровнем жизнеспособности ($p < 0,001$).

Показатели эмоционального интеллекта также имеют значимые межгрупповые различия (см. таблицу). Так, например, в группе студентов с низким уровнем жизнеспособности значения по шкалам «Внутриличностный ЭмИн» и

«Понимание эмоций» соответствуют нижней границе условной нормы (четвертый стенайн из девяти), тогда как в группе сравнения значения шкал соответствуют шестому стенайну.

Значения шкал тестов у студентов с различным уровнем жизнеспособности

Шкала	Средний уровень I группа (n = 47)	Низкий уровень II группа (n = 87)
<i>«Тест жизнеспособности человека» Е. А. Рыльской</i>		
Способности адаптации	85,02±1,37	62,21±1,24*
Способности саморегуляции	47,66±0,60	38,45±0,71*
Способности саморазвития	55,66±0,83	44,70±0,62*
Осмысленность жизни	42,57±0,81	29,05±0,93*
Общая оценка	230,91±2,17	174,80±2,64*
<i>Тест «Эмоциональный интеллект»</i>		
Межличностный ЭМИн (МЭИ)	46,55±0,75	42,05±0,32*
Внутриличностный ЭМИн (ВЭИ)	48,09±1,00	40,10±0,87*
Понимание эмоций (ПЭ)	46,62±0,85	40,59±0,68*
Управление эмоциями (УЭ)	48,02±0,78	41,56±0,78*
Общий ЭМИн	94,64±1,36	82,15±1,26*

* Значимость межгрупповых различий при $p < 0,001$.

Студенты со средним уровнем жизнеспособности способны к управлению своими и чужими эмоциями оценивают сравнительно высоко (седьмой стенайн), тогда как в группе с низким уровнем жизнеспособности самооценка управления эмоциями находится на среднем пятом стенайне (см. таблицу).

Корреляционный анализ показателей эмоционального интеллекта и параметров жизнеспособности позволил выявить различные механизмы, обуславливающие соответствующие уровни жизнеспособности студентов (см. рисунок).

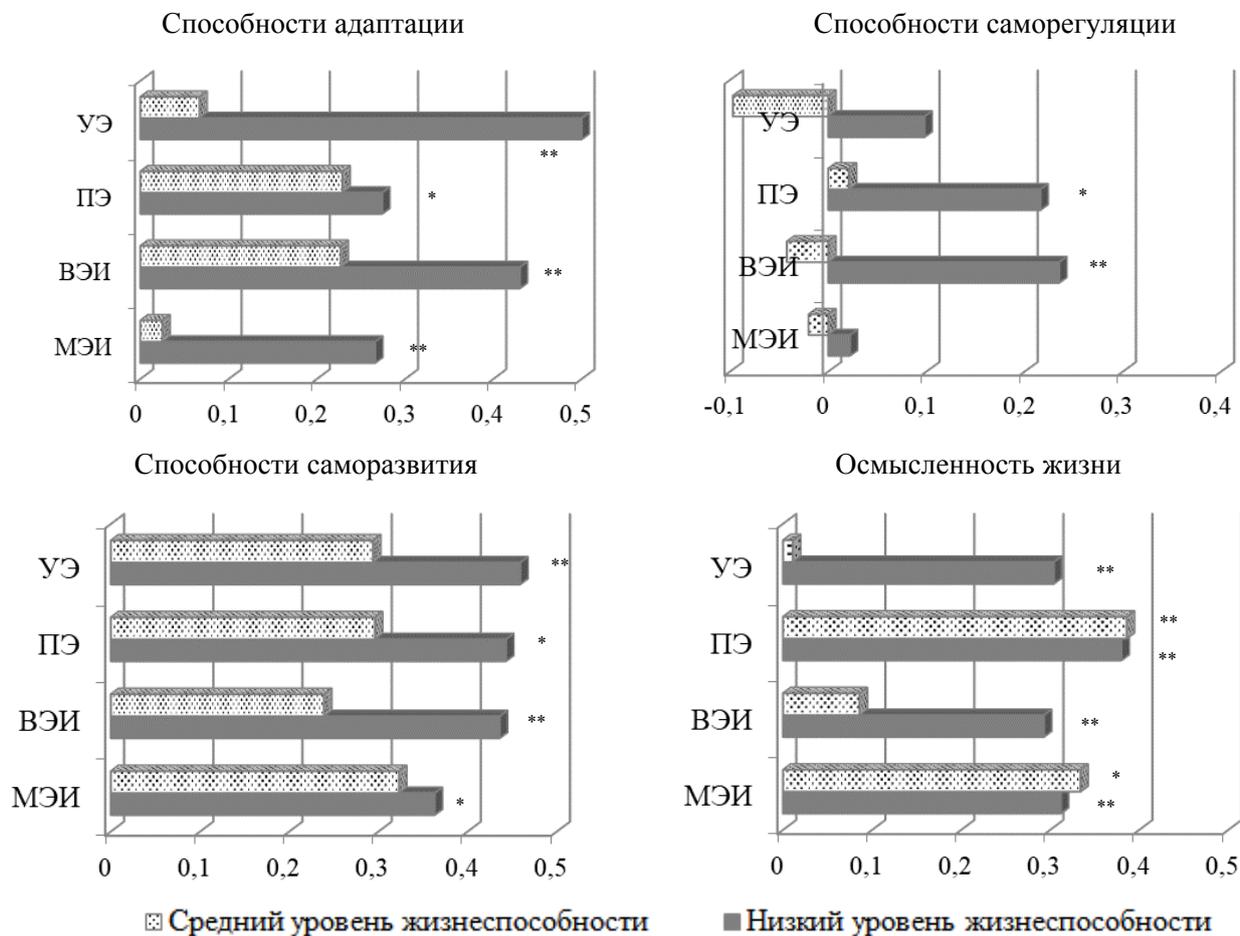
В I группе студентов исследуемые параметры эмоционального интеллекта *значимо не связаны* (не определяют) со способностями адаптации, саморегуляции и саморазвития. Предполагаем, что на конструкт жизнеспособности не влияет способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Однако шкала жизнеспособности «Осмысленность жизни» имеет положительные взаимосвязи со шкалами «Понимание эмоций» ($r = 0,386$; $p = 0,007$) и «Межличностный эмоциональный интеллект» ($r = 0,334$; $p = 0,022$). Понимание жизненных ценностей, «жизнелюбие», возможно экстравертированность, подкрепляются проявлением межличностным ЭМИн на достаточно высоком уровне.

Во II группе студентов, напротив, повышение жизнеспособности возможно при *значимом повышении* всех компонентов эмоционального интеллекта, в частности, способности адаптации, саморазвития и осмысленность жизни.

При этом способности саморегуляции обусловлены лишь шкалами «Понимание эмоций» ($r = 0,216$; $p = 0,045$) и «Внутриличностный эмоциональный интеллект» ($r = 0,293$; $p < 0,006$).

Таким образом, в механизме реализации способности саморегуляции у студентов не задействована способность к управлению своими и чужими эмо-

циями, что также отражается на качестве межличностного эмоционального интеллекта (см. рисунок). Считаем, что данную особенность взаимосвязей параметров способности саморегуляции и эмоционального интеллекта в группе студентов с низким уровнем жизнеспособности необходимо учитывать при решении задач по повышению жизнеспособности.

■ Средний уровень жизнеспособности ■ Низкий уровень жизнеспособности
 ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$; * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$

Корреляционные взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и жизнеспособности у студентов групп сравнения

Перспективным направлением исследования жизнеспособности студенческой молодежи считаем оценку корреляционных структур индивидуально-психологических, социально-психологических параметров и показателей жизнеспособности у студентов разных профилей профессиональной подготовки, в том числе с целью повышения эмоциональной компетентности студентов.

Библиографический список

1. Богомазова, К. О. Социальная тревога и психологическая атмосфера в группе как корреляты жизнеспособности студентов различных профилей подготовки / К. О. Богомазова, О. В. Байгужина. – Текст : непосредственный // Психология. Психофизиология. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 5–15.

2. Рыльская, Е. А. Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст / Е. А. Рыльская. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 142. – С. 72–83.

3. Лактионова, А. И. Обусловленность жизнеспособности человека особенностями его темперамента и контроля поведения / А. И. Лактионова. – Текст : непосредственный // Психология. Психофизиология. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 24–33.

4. Киселева, Т. С. Эмоциональный интеллект как фактор эффективности жизнедеятельности человека / Т. С. Киселева, Е. А. Сергиенко. – Текст : непосредственный // Бизнес-анализ и поведенческая экономика : межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. – Москва, 2014. – С. 151–164.

5. Разумникова, О. М. Вклад вербального, пространственного и эмоционального компонентов интеллекта в самооценку качества жизни в молодом возрасте / О. М. Разумникова, А. А. Яшанина, Н. В. Асанова. – Текст : непосредственный // Экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 34–45.

Казначеева Н. Б., Денисова А. В.

Жизненная удовлетворенность и самоактуализация у юношей и девушек

Ключевые слова: *самоактуализация, жизненная удовлетворенность, девушки, юноши.*

В связи с тем, что совершенствование общества непосредственно зависит от творческих возможностей личности, ее самостоятельности, предприимчивости и целеустремленности, проблема самоактуализации выходит на первый план. Самоактуализация определяет творческую направленность личности и является базовой детерминантой социального творчества, а следовательно, и развития общества [1–3].

Удовлетворенность качеством жизни можно рассматривать как интегративный показатель благополучия личности, который имеет сложную многокомпонентную структуру, детерминируется широким спектром разнообразных факторов и потому очень изменчив. Результаты современных исследований удовлетворенности качеством жизни юношей и девушек демонстрируют крайне неблагоприятную ситуацию. Ускорение темпов развития общества, ситуация неопределенности, семейные кризисы, личностные проблемы, ухудшение состояния здоровья и т. д. обуславливают низкий уровень удовлетворенности жизнью и, как следствие, социальную дезадаптацию молодежи. Вместе с тем психологическое здоровье юношей и девушек является залогом успешного обучения и дальнейшей профессиональной самореализации и развития потенциальных возможностей [4, 5].

В научном плане проблема самоактуализации имеет сложный междисциплинарный характер, но именно психология является ведущей в вопросах возможности и условий раскрытия потенциала человека. В современной психологии самоактуализация личности рассматривается со стороны внутренней активности личности, максимального использования ресурсов для полного самоосуществления личности в процессе развития.

Актуальность исследования удовлетворенности жизнью современной молодежи обусловлена тем, что удовлетворенность или неудовлетворенность определяет очень многие поступки субъекта, разные виды его деятельности и поведения: бытового, экономического, политического. Эти переживания выступают значимым фактором состояния общественного сознания, групповых настроений, ожиданий, отношений в обществе.

Гипотезами исследования стали предположения о существовании различий в показателях жизненной удовлетворенности и самоактуализации у юношей и девушек, а также о наличии связей показателей исследуемых характеристик.

Для исследования были отобраны следующие методики:

1. «Самоактуализационный тест» (САТ).

2. Опросник индекс жизненной удовлетворенности (адаптация Н. В. Паниной).

Выборку исследования составили студенты профильных направлений подготовки в возрасте от 18 до 23 лет очной формы обучения в количестве 30 человек.

Выполненный сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента позволил выявить различия у девушек и юношей между следующими показателями шкал исследования.

Были получены более высокие показатели шкалы «Самопринятие» ($t = -2,10$; $p < 0,05$). Это может быть связано с уровнем принятия своего «Я» у юношей. Чем он выше, тем выше уровень самооценки творческого потенциала. Юношам проще принять себя такими, какие они есть, чем девушкам.

Были обнаружены различия между показателями шкал «Представления о природе» ($t = 2,68$; $p < 0,05$) и «Общий фон настроения» ($t = 0,35$; $p < 0,05$). В данном случае девушки более склонны положительно воспринимать природу человека («люди скорее добры») и не считать дихотомии мужественности/женственности, рациональности/эмоциональности, также они склонны к оптимизму и удовольствию от жизни, что может быть связано с тем, что они делают лучшую версию себя, приходя к некому идеалу.

Корреляционный анализ выявил наличие следующих связей показателей шкал.

Шкала «Поддержка» связана со шкалами «Общий фон настроения» ($r = 0,91$) и «Последовательность в достижении цели» ($r = 0,79$), а «Общий фон настроения» имеет связь со шкалой «Спонтанность» ($r = 0,72$). Шкалы «Принятие агрессии» и «Ценностная ориентация» связаны со шкалой «Интерес к жизни» ($r = 0,78$) и ($r = 0,75$), также шкала «Ценностная ориентация», в свою очередь, связана со шкалой «Положительная оценка себя» ($r = 0,72$).

Шкала «Ориентация во времени» связана со шкалой «Общий фон настроения» ($r = 0,59$), т. е. девушки, способные жить настоящим и ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, в полной мере могут получать удовольствие от жизни.

Шкала «Ценностная ориентация» связана со шкалами «Последовательность в достижении цели» ($r = 0,54$), т. е. чем выше решительность и стойкость у девушек, тем в большей степени они будут разделять ценности, присущие са-

моактуализирующей личности; и «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» ($r = 0,50$), где мы видим, что есть понимание девушек о том, что достижение определенных целей зависит от того, какие и в какой степени человек разделяет ценности, присущие самоактуализирующей личности.

Шкала «Синергия» связана со шкалой «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» ($r = 0,61$), что доказывает то, что у девушек убежденность в том, что человек достиг или способен достичь тех целей, которые считает для себя важными, связана со способностью человека к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связанности противоположностей.

Гипотезы исследования подтвердились, были выявлены различия показателей исследуемых характеристик у юношей и девушек. Также были выявлены связи показателей жизненной удовлетворенности и самоактуализации у студентов возраста 18–23 лет.

Библиографический список

1. Ермакова, Е. С. Гендерная идентичность и особенности самоактуализации студентов разного пола / Е. С. Ермакова, С. И. Кедич. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 173–178.
2. Жубанова, Р. Б. Особенности самоактуализации личности юношей и девушек старшего школьного возраста / Р. Б. Жубанова. – Текст : непосредственный // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 4. – № 7. – С. 254–257.
3. Забелина, А. В. Проблема самоактуализации личности / А. В. Забелина. – Текст : непосредственный // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. – 2013. – № 3 (7). – С. 26–32.
4. Казначеева, Н. Б. Эмоциональный интеллект и ценностные ориентации как психологические факторы удовлетворенностью жизнью у студентов / Н. Б. Казначеева, Е. С. Синельникова. – Текст : непосредственный // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2022. – № 6 (208). – С. 467–470.
5. Шмойлова, Н. А. Жизненная удовлетворенность юношей и девушек с разным уровнем самоактуализации / Н. А. Шмойлова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы исследования массового сознания : материалы V Международной научно-практической конференции, Пенза, 22–23 марта 2019 г. – Пенза : Пензенский государственный университет, 2019. – С. 218–219.

Шапиро С. В.

Стимуляция профессионально-личностного становления будущих психологов

Ключевые слова: *профессия, профессионализация, личность специалиста, учебная деятельность, субъект.*

Системные трансформации высшего образования складывались в течение длительного времени в ходе общего изменения образа жизни человечества и осмысливались философами и культурологами со второй половины XX века. Так, относительно сферы высшего образования Ж. Бодрийяр констатирует, что коммуникация между преподавателями и учащимися – это «двойной сговор го-

речи и безразличия (индифферентность знаков, которая влечет за собой охлаждение в общественных и человеческих отношениях)... утраченный обмен труда и знаний» [3, с. 204]. Данная печальная характеристика подтверждается и недавними исследованиями реалий современной российской высшей школы.

В работе Н. А. Селиверстовой «под имитацией образовательных практик понимается подмена действий, с одной стороны, преподавателями вузов по передаче студентам комплекса знаний, умений, навыков, социальных ценностей и т. д. формальным воспроизведением процедур, демонстрацией соблюдения установленного хода образовательного процесса, с другой стороны, студентами – по освоению названного комплекса» [5, с. 72]. В числе факторов подобной ситуации Селиверстова выделяет различные объективные и субъективные обстоятельства. В рамках масштаба общества в целом – это массовизация высшего образования, затрудняющая применение индивидуального подхода, внедрение авторских, не тиражируемых курсов.

На уровне непосредственно высшего образования – это внедрение ФГОСов, требования которых зачастую трудно воплотить в образовательной практике в силу множества причин. Модернизация системы высшего образования проводится без достаточного фундамента (в том числе материально-технической базы обучения, финансовых, кадровых ресурсов). Также повсеместная политика сохранения контингента обучающихся из-за рыночных реформ в образовании не способствует повышению мотивации учебно-профессиональной деятельности со стороны студенчества и высокой требовательности со стороны профессорско-преподавательского состава вузов.

В результате немотивированные учащиеся, зная, что их не отчислят из вуза, формально выполняют предъявляемые требования на минимально допустимом уровне. Мотивированные же участники образовательного процесса отчаянно нуждаются в чувстве удовлетворенности от своей активности, в субъективно ощущаемом позитивном результате деятельности, в подтверждении социального смысла своей профессии. Высшее профессиональное психологическое образование строится в соответствии с требованиями, предъявляемыми к высшей школе в целом, зачастую без учета специфики различных видов профессиональной деятельности и своеобразия профессионального становления.

Эта констатация относится и к социально-гуманитарным направлениям обучения, где подобные тенденции особенно болезненно и негативно сказываются на качестве учебного процесса. Психолого-педагогическое сообщество настойчиво стремится внедрить в образовательную практику способы работы, адекватные особенностям трудовой деятельности психологов. Особые усилия направлены на развитие учащихся как субъектов учебной деятельности, сотрудничества, общения, а также на становление профессионального сознания [4].

Понятие «профессия» включает такие объективные характеристики, как ее социальный смысл, нормативную заданность целей и предметной области, содержательную определенность профессиональных функций и способов действий. Именно эти моменты конституируют конкретную профессию. Одновременно личностные характеристики профессионала, включая отношение к про-

фессии и детерминацию профессиональной деятельности, рассматриваются в качестве важнейших черт специалиста для выполнения профессиональной деятельности [2].

Акцент делается на личностном развитии профессионала и формировании профессионального сознания. Особое внимание уделяется представлениям о деятельностной природе освоения профессиональной реальности как конкретной сферы проявления жизненной активности человека. Развитие профессионального сознания связано со становлением образа профессии и способствует формированию внутренней детерминации учебно-профессиональной деятельности у учащихся вуза.

Адекватный способ предъявления учебного профессионального материала позволяет учащимся самостоятельно решать реальные задачи, связанные с профессиональной деятельностью, что влечет позитивное развитие представлений об осваиваемой профессии и рост внутренней детерминации профессиональной деятельности. Согласно принципу единства сознания и деятельности образ профессии зависит от структуры учебной деятельности. Развитие структур профессионального сознания в ходе обучения в существенной мере обусловлено способами репрезентации профессии в учебном процессе.

Учебные процедуры, в ходе которых учащийся осваивает реальное содержание будущей профессиональной деятельности, обеспечивают формирование устойчивых структур профессионального сознания. Проблемный характер учебного задания, связанный с реальными сложностями профессиональной деятельности, позволяет инициировать целеустремленное освоение новых способов профессиональной деятельности и таким образом интенсифицировать переход на более высокие, специализированные стратегии работы специалиста. Развитие профессиональной мотивации опосредуется конкретным профессиональным содержанием и определяется им. Происходит переход от широкого круга детерминирующих профессиональное обучение факторов (в том числе внешних) к специализированным факторам, связанным с внутренним содержанием осваиваемой профессии. Особый интерес представляют курсы, ориентированные на становление интегральных профессионально ценных личностных способностей.

Согласно ведущим отечественным психологам (С. Л. Рубинштейн, Ф. Е. Василюк, Н. С. Пряжников и др.), каждая профессия оправдывается в конечном итоге какой-то высшей ценностью, и в отношении к этой ценности должна прежде всего ориентироваться. Такой ценностью для психологии и профессионального психолога является человек. Если образовательное пространство будет ориентироваться на эту априорную ценность, то сам процесс обучения будет способствовать развитию просоциально направленной личности [1].

Именно личность психолога является основным инструментом его профессиональной деятельности. На развитие способности понимать себя и другого, эффективно взаимодействовать с другим человеком и направлены усилия психолого-педагогического сообщества. Большим эмоционально-вовлекающим и содержательным потенциалом обладают произведения художественной литературы для развития эмпатических способностей учащихся-психологов.

Художественные произведения выступают как учебный материал, как источник сложных психологических коллизий, анализ которых помогает приобрести умения и навыки разбираться в психологии ситуации, особенностях другого человека и характерных особенностях своей личности как специалиста в области психологии. Читательские способности выступают как качество личности анализировать различное содержание, изложенное посредством знаковой системы, в его динамике и неоднозначности. Актуализация читательских способностей «здесь и теперь» непосредственно в ходе учебной работы повышает читательскую компетентность. Механизмы проекции, подражания, эмоциональной идентификации осознаются и обобщаются. Развитие читательских способностей становится средством совершенствования системного видения психологии человека.

Работа в студенческой группе с индивидуальными особенностями восприятия художественного текста позволяет в учебном режиме «обернуть» материал на самих учащихся и становится способом самопонимания и понимания другого. Занятия насыщены практическим психологическим инструментарием, включающим тесты, словесные описания; методы субъективных оценок, свободных ассоциаций, интроспекции; опросники, контент-анализ. При таком изучении (в отличие от обезличенного знакомства с формальными описаниями методик) подобные практические методы профессиональной деятельности психолога обретают личностную значимость, «проживаются» и принимаются.

Особое значение имеет возможность обращения к классической проблематике общей психологии в ходе анализа восприятия художественной литературы. Художественный материал используется для изучения психических процессов и функций – воображения, понятийного и словесно-образного мышления, эмоционально-чувственной сферы личности, мнестической деятельности. На базе подобной развернутой теоретической подготовки самостоятельное литературное творчество учащихся-психологов становится эффективным способом развития художественной восприимчивости и эмпатических способностей.

Подобная проекция теоретических знаний на практический опыт способствует личностному и профессиональному развитию будущего психолога. Жизненный опыт учащихся удается связать с методологическим материалом и понятийным аппаратом психологии. Подобные формы учебного процесса способствуют выявлению индивидуальных стратегий решения заданий и анализу затруднений, которые испытывает конкретный субъект.

В результате выполнения различных, в том числе неожиданных, заданий возможно освоение различных способов деятельности, формируется спектр вариантов профессионального поведения, учитывающих возможные изменения условий деятельности и неопределенность исхода. Тренинг профессионально-личностного роста для учащихся-психологов может включать разработки арт-терапии и гештальттерапии, например рисунки, которые выполняются индивидуально, затем подробно анализируются в малых группах и обсуждаются в общей группе. Подобный, ставший уже стандартом формат тренинговых процедур неизменно подтверждает свою эффективность, в связи с чем тренеры разраба-

тывают все новые и новые упражнения по данной схеме. Также используются проективные, ассоциативные методы, вербализация.

Специальные методы профессиональной психологии становятся учебными приемами. Таким образом, современное психологическое образование характеризуется тенденцией «сращения» практической подготовки и теоретического осмысления психологических закономерностей, обучение насыщается «живым» процессом личностного и профессионального развития в их двуединстве. В мотивационной сфере учащихся происходит трансформация целей обучения – от различных внешних оснований к содержательным профессиональным целям, имеющим внутреннюю значимость для учащихся.

Смысл обучения понимается как действительно профессионализация в выбранной области, а не формальное выполнение требований вуза, формируется субъектное отношение к процессу собственного социального становления. Происходит субъективное «уточнение» будущей профессиональной реальности, которая становится более ценностно-значимой для учащихся, и это сопровождается внутренним эмоциональным объединением различных явлений, отражающих специфику профессиональной деятельности. В единый смысловой ряд объединяются категории профессиональные, эмоциональные и личностные.

Библиографический список

1. Антоненчик, Е. Н. Связь личностных характеристик и способности к обучению у студентов вуза / Е. Н. Антоненчик, В. А. Шамиева. – Текст : непосредственный // Человек и транспорт. Образование. Психология. Эргономика. Эффективность и безопасность : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 8–9 ноября 2017 г., Санкт-Петербург ; под редакцией Е. Ф. Яценко. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2018. – С. 3–7.
2. Бендюков, М. А. Психология и педагогика. Основы психологии труда. Часть 1 : учебное пособие / М. А. Бендюков, И. Л. Соломин. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВПО ПГУПС, 2015. – 75 с. – Текст : непосредственный.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва : ПОСТУМ, 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.
4. Психология самоактуализации и становления профессионала в условиях современного образования : монография / под редакцией Е. Ф. Яценко. – Санкт-Петербург : ЭЛВИ-Принт, 2016. – 194 с. – Текст : непосредственный.
5. Селиверстова, Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования / Н. А. Селиверстова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. 2020. – № 3. – С. 71–76.

Связь совладающего поведения, стрессоустойчивости и тревожности старшеклассников и студентов

Ключевые слова: *совладающее поведение, стрессоустойчивость, тревожность, старшеклассники, студенты.*

В эмпирическом исследовании выявлена более дифференцированная структура корреляционных связей показателей совладающего поведения, стрессоустойчивости и тревожности студентов, что может быть связано с расширением возможностей реагирования на стрессовые ситуации с возрастом и с продолжающимся расширением образовательной среды. Отрицательные корреляционные связи стрессоустойчивости с характеристиками тревожности позволяют полагать, что стрессоустойчивость препятствует проявлению тревожности, что может явиться важным основанием для разработки программ коррекции тревожности в юношеском возрасте путем активизации стрессоустойчивости.

В современном обществе проблема совладания определяется возрастающими потребностями нашего общества в поисках путей создания благоприятных условий для максимального развития личности, эффективности ее жизненного пути. Говоря о совладающем поведении как о процессе адаптации к стрессу, стоит обратить внимание на сопряженность учебной деятельности школьников и студентов и подверженности стрессу. Причинами появления школьного стресса являются боязнь не выполнить задание, допустить ошибки, получить негативное замечание учителя; излишняя нагрузка школьника, не соответствующая его возрастным возможностям. Аналогичные причины возникновения стрессовых ситуаций наблюдаются и у студентов, к ним добавляются освоение нового образа жизни, качественно иных форм отношения с преподавателями, новой социальной среды, бытовых условий. Следует учесть тот факт, что для обучения некоторые студенты выбирают другие города, т. е. неблагоприятным фактором можно считать в некоторых случаях проживание студентов вдали от семьи [5].

Т. Л. Крюкова определяет совладающее поведение как целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту справиться с трудной жизненной ситуацией (или стрессом) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, – через осознанные стратегии действий. Это сознательное поведение направлено на активное изменение, преобразование поддающейся контролю ситуации, приспособление, если ситуация не поддается контролю. Стили и стратегии совладания рассматриваются как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помощью которых человек справляется с жизненными трудностями [6].

Исследования показывают, что активное становление совладающего поведения приходится именно на юношеский возраст. Стратегии совладания в юности, как и у взрослых, проявляются преимущественно в поведенческой, эмоцио-

нальной и познавательной (интеллектуальной) сферах функционирования личности. Для студентов, в отличие от взрослых людей, характерен более узкий репертуар стратегий совладающего поведения, при этом преобладающими копинг-стратегиями являются проблемно-ориентированные, которые помогают справляться с трудностями эффективнее, чем эмоционально-ориентированные стратегии [3].

По определению Н. Е. Водопьяновой, стрессоустойчивость является системной динамической характеристикой, определяющей способность человека противостоять стрессорному воздействию или совладать со многими стрессогенными ситуациями, активно преобразовывая их или приспособливаясь к ним без ущерба для своего здоровья и качества выполняемой деятельности [1].

Исследования стрессоустойчивости и копинг-поведения старшеклассников позволило выявить высокий уровень стрессоустойчивости у 13 % старшеклассников, для них характерно доминирование стратегии решения проблем, у 50 % старшеклассников отмечается средний уровень стрессоустойчивости с доминированием стратегии поиска социальной поддержки, низкий уровень стрессоустойчивости выражен у 37 % старшеклассников с преобладанием поведенческой стратегии избегания проблем [4]. Исследования стрессоустойчивости студентов выявили преимущественно средние и низкие показатели стрессоустойчивости, незначительную способность противостоять стрессу и сложности адаптации к новым условиям деятельности [9].

По мнению А. М. Прихожан, тревожность представляет собой индивидуальную психологическую особенность, состоящую в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях [8]. Тревожность современных старших школьников во многих случаях начинается в период подготовки и сдачи единого государственного экзамена, что часто приводит к эмоциональному срыву, психосоматическим заболеваниям, уходу в аддиктивные формы поведения. При этом к 16–17 годам начинает доминировать самооценочная тревожность, обусловленная необходимостью личностного самоопределения и дальнейшего выбора жизненного пути [7]. Исследования тревожности студентов показывают, что уровень ситуативной тревожности снижается к 3-му курсу обучения в вузе. Выделяются такие факторы тревожности, как неумение студентов правильно распределять свое время и силы, неготовность работать с большой информацией, выполнять просьбы преподавателей, неготовность к обучению, основанному на самостоятельности [2].

Таким образом, актуальность проблемы исследования совладающего поведения, стрессоустойчивости и тревожности старшеклассников и студентов связана с нестабильностью социальной ситуации развития в юности, что приводит к необходимости выбора эффективных стратегий совладания со стрессом, формирования стрессоустойчивости, преодоления тревожности.

Целью нашего эмпирического исследования явилось изучение связи совладающего поведения и таких личностных особенностей старшеклассников и студентов, как стрессоустойчивость и тревожность.

Выборку составили учащиеся 10–11-х классов МБОУ г. Тосно Ленинградской области и студенты Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I в возрасте от 16 лет до 21 года в количестве 40 человек: по 20 старшеклассников и 20 студентов. Выборка включала 21 юношу и 19 девушек.

Были использованы следующие методики: методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана (адаптация Н. А. Сироты и В. М. Ялтонский), тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, методика Ч. Д. Спилберга на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптация Ю. Л. Ханина).

Анализ результатов исследования показал, что у всей выборки выявлено преобладание копинг-стратегии «Разрешение проблем», при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы. Старшеклассники и студенты характеризуются удовлетворительным уровнем стрессоустойчивости, способны противостоять проблемам и неприятностям. Они обладают высоким уровнем личностной тревожности, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций.

Значимых различий между показателями методик старшеклассников и студентов обнаружено не было. Были выявлены следующие различия показателей школьников и студентов, не являющиеся значимыми. Между старшеклассниками и студентами были определены различия по шкале «Стрессоустойчивость»: среди старшеклассников чаще встречаются лица с высокой стрессоустойчивостью. У старшеклассников в равной степени встречается высокая ситуативная и личностная тревожность, у студентов чаще отмечается высокий уровень личностной тревожности.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что в общей выборке шкала «Стрессоустойчивость» теста «Самооценка стрессоустойчивости» С. Коухена и Г. Виллиансона отрицательно связана со шкалой «Ситуативная тревожность» ($r = -0,77$; $p \leq 0,001$). Можно полагать, что чем выше стрессоустойчивость старшеклассников и студентов, тем ниже уровень субъективно переживаемых эмоций: напряжения, беспокойства, озабоченности, нервозности. Показатели шкалы «Стрессоустойчивость» в общей выборке отрицательно связаны с показателями по шкале «Личностная тревожность» ($r = -0,82$; $p \leq 0,001$), вероятно, что высокая стрессоустойчивость, препятствует предрасположенности субъекта к тревоге.

Показатели по шкале «Стрессоустойчивость» старшеклассников отрицательно связаны с показателями шкал «Ситуативная тревожность» ($r = -0,82$; $p \leq 0,001$) и «Личностная тревожность» ($r = -0,81$; $p \leq 0,001$). Старшеклассники с высокой стрессоустойчивостью не склонны к тревожности как к личностной особенности и как к состоянию. Таким образом, чем выше показатели стрессоустойчивости, тем реже старшеклассники испытывают эмоциональные переживания от внешних факторов и тем реже представлена у них черта личности, выражающая устойчивую склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие, реагировать на такие ситуации состоянием тревоги.

У студентов шкала «Поиск социальной поддержки» методики «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана и шкала «Стрессоустойчивость» теста «Самооценка стрессоустойчивости» С. Коухена и Г. Виллиансона положительно связаны ($r = 0,55$; $p \leq 0,05$). Показатели по шкале «Стрессоустойчивость» студентов отрицательно связаны с показателями шкал «Ситуативная тревожность» ($r = -0,79$; $p \leq 0,001$) и «Личностная тревожность» ($r = -0,83$; $p \leq 0,001$). Можно полагать, что чем чаще студенты для эффективного разрешения проблемы обращаются за помощью и поддержкой к окружающей среде: семье, друзьям, значимым другим, тем выше у них стрессоустойчивость. При этом чем выше показатели стрессоустойчивости у студентов, тем реже они испытывают повышенную тревогу на ситуацию, происходящую здесь и сейчас, и реже склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности. Необходимо отметить, что представленность в корреляционных связях выборки студентов показателя копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» может говорить как о более дифференцированной структуре реагирования на стрессовые ситуации студентов, так и о продолжающейся социализации, связанной с расширением образовательной среды.

В целом, результаты корреляционного анализа показывают, что стрессоустойчивость отрицательно связана с характеристиками тревожности. Это позволяет полагать, что стрессоустойчивость препятствует проявлению тревожности в разнообразных ситуациях, особенно когда они касаются оценки компетенции и престижа субъекта, а также ситуативным проявлениям субъективного дискомфорта, напряженности, беспокойства, что может явиться важным основанием для разработки программ коррекции тревожности в юношеском возрасте путем активизации стрессоустойчивости.

Рекомендации по результатам исследования.

Желательна диагностика стрессоустойчивости и копинг-стратегий старшеклассников и студентов, что позволит планировать и осуществлять мероприятия, направленные на снижение стрессовых ситуаций на заключительном этапе обучения старших школьников и на начальном этапе обучения студентов.

Рекомендуется осуществлять психологическое сопровождение личностного и профессионального развития старшеклассников и студентов, направленное на активизацию стрессоустойчивости с помощью тренингов по развитию адаптивных качеств личности, саморегуляции, способам снятия утомления и напряжения, тревоги и страха, восстановления работоспособности.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса / Н. Е. Водопьянова. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 329 с. – Текст : непосредственный.
2. Горшков, Е. А. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе / Е. А. Горшков, Л. Д. Коротина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 23-2 (103). – С. 46–51.
3. Ермакова, Е. С. Совладающее поведение в структуре личностных характеристик студентов вуза / Е. С. Ермакова. – Текст : непосредственный // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 3. – С. 62–70.

4. Залыгаева, С. А. Психологическая подготовка к ЕГЭ: формирование стрессоустойчивости у старшеклассников / С. А. Залыгаева, К. С. Шалагинова, Е. В. Декина. – Текст : непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 49.

5. Костенко, С. С. К вопросу о внутриличностных факторах саморазвития студентом компетенции жизнеутверждающей адаптации / С. С. Костенко. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 8. – С. 36–38.

6. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т. Л. Крюкова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 5. – С. 184–188.

7. Мищенко, В. И. Изучение тревожности старшеклассников в период подготовки к итоговым экзаменам / В. И. Мищенко. – Текст : непосредственный // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 1. – С. 208–218.

8. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – Москва : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с. – Текст : непосредственный.

9. Теплякова, И. В. Формирование стрессоустойчивости как актуальная проблема студентов-первокурсников вуза / И. В. Теплякова. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 1(22). – С. 216–219.

Бутякова А. В., Рыльская Е. А.

Жизнеспособность и психоэмоциональные состояния младших школьников

Ключевые слова: *жизнеспособность, психоэмоциональные состояния, тревожность, депрессия, астения, вегетативные расстройства, поведенческие нарушения, нарушения сна, надежда, оптимизм.*

В статье представлены результаты исследования соотношения между показателями жизнеспособности и психоэмоциональными состояниями у детей младшего школьного возраста. Выявлены значимые отрицательные корреляции жизнеспособности с тревожностью, депрессией, астенией, вегетативными расстройствами, поведенческими нарушениями, нарушениями сна; положительные связи – с надеждой и оптимизмом.

Современность не перестает удивлять своей нестабильностью уже на протяжении многих лет. Рост эмоционального напряжения продолжается из года в год. Депрессии, тревожные расстройства, нарушения сна, астения – это лишь малая часть того, что переживает человек. Особенно уязвимыми в этой ситуации оказываются дети, у которых все чаще выявляются разнообразные эмоциональные расстройства. Соответственно, растет интерес к поиску и исследованию феноменов, позволяющих маленьким членам нашего общества справляться с разнообразными трудностями, сохраняя устойчивость своей нормальной жизнедеятельности. Среди подобных психологических переменных, обеспечивающих стабильность бытия, все большее внимание уделяется феномену жизнеспособности, который можно рассматривать как внутренний потен-

циал, обеспечивающий в том числе позитивный эмоциональный фон и эмоциональную устойчивость личности.

Эмоции обычно определяют как процесс, выражающийся в форме непосредственного переживания и характеризующийся личной значимостью и оценкой внешних и внутренних событий в жизни человека [3, с. 13]. Психоэмоциональные состояния – особая форма психических состояний человека с преобладанием эмоционального реагирования по типу доминанты.

Психоэмоциональные состояния человека связаны со многими физиологическими системами. На данный момент детально изучено, как под влиянием различных эмоциональных состояний изменяется и даже может быть нарушена деятельность кровообращения, дыхания, пищеварения и прочих систем внутренних органов человека [4, с. 4]. Следовательно, психоэмоциональные состояния тесно связано с субъективным ощущением благополучия жизнедеятельности, в том числе с эмоциональным благополучием.

Эмоциональное благополучие – это целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гармонии является переживание состояния эмоционального неблагополучия, напряжения [2, с. 51].

В состоянии эмоционального благополучия человек способен справляться с разнообразными внешними и внутренними проблемами, оставляя тем самым за собой способность к здоровой оценке реальности, а также к принятию здоровых решений в разнообразных жизненных ситуациях. И, напротив, состояние длительного эмоционального напряжения препятствует сохранению нормальной жизнедеятельности.

И. И. Полеткина [4, с. 57] говорит о четырех стадиях эмоционального напряжения. На первой стадии можно наблюдать мобилизацию организма (оптимальное напряжение): улучшается внимание, повышается активность. Данная стадия отличается тем, что в ней человек способен наиболее эффективно справляться с трудностями. Если данного состояния по объективным или субъективным причинам оказывается недостаточно, то человек переходит на вторую стадию. Здесь активны эмоции раздражения, гнева, ярости. Наблюдается повышение артериального давления, можно зафиксировать спазмы сосудов органов брюшной полости и пр. В организме это происходит с целью поиска и сбора доступных ресурсов для решения актуальной задачи. Если задача требует больше ресурсов организма, чем есть в распоряжении человека, то наступает следующая стадия – астения. Здесь наиболее частыми являются состояния тоски, страха, ужаса. Для человека субъективно это воспринимается как беспомощность, несостоятельность, в результате чего «опускаются руки». И наконец, четвертая стадия несет за собой развитие разнообразных форм неврозов.

В данном контексте показательны проявления нейрохимии эмоций. Такие характеристики эмоций, как модальность и интенсивность, взаимосвязаны с норадренергической, дофаминергической, серотонинергической, холинергической системами, а также с целым рядом нейропептидов, включая эндогенные

опиаты [4, с. 61]. Например, депрессия сопровождается низкими, вплоть до нулевых, уровнями норадреналина, дофамина и серотонина. Важно, что депрессия, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), является одной из ведущих причин заболеваемости и инвалидности среди подростков. Кроме того, есть эмпирически подтвержденные данные, выявляющие взаимосвязь эмоций с тревожными расстройствами [5].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что эмоции и эмоциональное благополучие трудно переоценить с точки зрения их роли в нормальной жизнедеятельности людей.

В свою очередь, интегральной способностью, поддерживающей устойчивость нормальной жизнедеятельности, является жизнеспособность человека [1, с. 78]. Жизнеспособность с интегративных позиций наделяет человека теми свойствами, которые обеспечивают его необходимыми ресурсами для сохранения стабильности своего бытия. Помимо этого высокий уровень жизнеспособности, субъективно воспринимаемый как удовлетворенность собственной жизнью [1, с. 38], соотносится с самой сутью, обуславливающей наличие эмоций – потребности организма и уровень их возможного удовлетворения [4, с. 5]. В связи с этим возникает предположение о том, что жизнеспособность как взрослого человека, так и ребенка взаимосвязана с его психоэмоциональными состояниями.

С целью проверки данной гипотезы было проведено исследование, в выборку которого вошли 144 младших школьника (65 девочек, 79 мальчиков). Выбор данной возрастной категории связан с тем, что начало школьного обучения знаменует собой смену ведущей деятельности младшего школьника: от игровой к учебной. Теперь учебная деятельность будет опосредовать формирование основных психических новообразований. Зачисление в первый класс школы приносит существенные перемены в ставший для ребенка привычным уклад жизни. Переход от старшего дошкольного возраста к младшему школьному уникален тем, что в этом возрасте социальная ситуация развития целенаправленно изменяется в соответствии с общественно заданной траекторией развития ребенка. Общество ставит перед ребенком особую задачу становления новой субъектности через принятие и присвоение социального статуса школьника. Ведущей деятельностью становится учение, важнейшей обязанностью – успешность в обучении. Это серьезный труд, требующий организованности, дисциплины, волевых усилий. Поскольку жизнеспособность актуализируется при необходимости решения жизненных задач, то ее исследование именно в этот период является целесообразным.

В представленном исследовании использовались следующие методы:

1. Метод тестирования:

– Детский опросник невротизма (В. В. Седнев, З. Г. Збарский, А. К. Бурцев) состоит из шести шкал: депрессия, астения, нарушения поведения, вегетативные расстройства, нарушения сна, тревога.

– Диагностика стиля атрибуции детей CASQ, адаптация Н. А. Батурина, Д. А. Циринг. Данные распределяются по шести категориям: устойчивость хорошего/плохого, персонализация хорошего/плохого, генерализация хорошего/плохого. В результате могут быть получены данные по показателю надежды и оптимизму/пессимизму.

2. Психологический эксперимент. Для изучения жизнеспособности младших школьников была смоделирована экспериментальная ситуация, базирующаяся на основном объективном критерии жизнеспособности – успешность решения нормативных жизненных задач. Поскольку ведущий вид деятельности в младшем школьном возрасте – это учебная деятельность, то и основная жизненная задача на данном временном промежутке – успехи в учебе. В связи с этим с целью моделирования сложной жизненной задачи были предложены учебные задания, с которыми школьники объективно не могли справиться самостоятельно (на 2–3 класса старше).

Экспериментальным путем было выявлено несколько наиболее распространенных способов решения задач:

- 1) самостоятельное выполнение от начала до конца;
- 2) списывание у одноклассников;
- 3) использование Интернета;
- 4) обращение за помощью к взрослому;
- 5) различные комбинации представленных выше способов.

Поскольку не существует опросников, изучающих жизнеспособность младших школьников, валидизация экспериментальной ситуации осуществлялась через внутренний (личностная беспомощность) и внешний (учебная успеваемость) критерии жизнеспособности. Результаты валидизации были признаны удовлетворительными.

3. Методы статистической обработки данных. Статистическая обработка результатов осуществлялась посредством корреляционного анализа Пирсона с использованием статистического пакета Statistica 10.0.

Данные по полученным корреляциям представлены в виде таблицы.

**Взаимосвязь жизнеспособности с психоэмоциональными состояниями
(двухсторонняя значимость на уровне 0,01)**

№	Психоэмоциональные состояния	Значимость взаимосвязи
1	Тревожность (общая)	–0,826
2	Оптимизм/пессимизм	0,815
3	Тревожность (устойчивая)	–0,797
4	Показатель надежды	0,786
5	Депрессия	–0,763
6	Астения	–0,728
7	Вегетативные расстройства	–0,699
8	Поведенческие нарушения	–0,698
9	Нарушения сна	–0,692

Сильные взаимосвязи у жизнеспособности как психологического феномена с оптимизмом/пессимизмом (атрибутивным стилем) (0,815). Это может свидетельствовать о том, что проявления жизнеспособности позитивно согласуются с умением справляться с эмоциональными переживаниями, с навыками устойчивого способа объяснения причины событий, в которые вовлечен субъект.

ект. Помимо перечисленных к значимым взаимосвязям со жизнеспособностью относятся корреляции с общей тревожностью ($-0,826$) и тревожностью как устойчивым показателем личности ($-0,797$), показателем надежды ($0,786$), депрессией ($-0,763$), астенией ($-0,728$).

Показатель надежды, демонстрируя положительную корреляцию, при общей тенденции обратных корреляций позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень жизнеспособности может быть соотнесен с положительными ожиданиями, предвосхищением будущего.

Следовательно, как мы можем видеть, тревожность, фокус внимания на негативных событиях, сниженный жизненный тонус, ощущение безграничной тоски, подавленность и высокий темп истощаемости не могут быть соотнесены с высоким уровнем жизнеспособности. Напротив, наличие данной психоэмоциональной картины может говорить нам о крайне низком уровне жизнеспособности. Исходя из этого высокий уровень жизнеспособности проявляется в позитивном мышлении, а также в положительном ожидании, предвосхищении будущего.

Таким образом, проведенное исследование показало, что жизнеспособность младших школьников находится в тесной взаимосвязи с их психоэмоциональными состояниями (корреляционный анализ показал наличие 100 % значимых связей). Выявлены значимые отрицательные корреляции жизнеспособности с тревожностью, депрессией, астенией, вегетативными расстройствами, поведенческими нарушениями, нарушениями сна; положительные связи – с надеждой и оптимизмом.

Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейших исследований жизнеспособности в контексте взаимосвязи с эмоциональной сферой не только детей, но и взрослых.

Материалы исследования могут быть полезны также для проведения психокоррекционной, психопрофилактической и консультативной работы с детьми.

Библиографический список

1. Зеер, Э. Ф. Транспективный анализ развития жизнеспособности человека / Э. Ф. Зеер. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016. – № 3(155). – С. 77–85.
2. Карапетян, Л. В. Оптимизм/пессимизм как психологические предикторы эмоционально-личностного благополучия / Л. В. Карапетян. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2020. – № 9 (141). – С. 50–63.
3. Кравченко, Ю. Е. Психология эмоций. Классические и современные теории исследования / Ю. Е. Кравченко. – Москва : Форум, 2021. – 544 с. – Текст : непосредственный
4. Полеткина, И. И. Психофизиология эмоций : учебное пособие / И. И. Полеткина. – Волгоград: ВГАФК, 2020. – 102 с. – Текст : непосредственный.
5. Goodman, F. R. Valuing emotional control in social anxiety disorder: A multimethod study of emotion beliefs and emotion regulation / F. R. Goodman, T. B. Kashdan, A. İmamoglu. – Текст : непосредственный // Emotion. – 2021. – V. 21 (4). – P. 842–855.

Содружество старших и младших как стиль воспитательных отношений

Ключевые слова: *воспитательный коллектив, воспитательные отношения, содружество старших и младших.*

В отечественной психологии прочно утвердилось представление о социально-деятельной природе личности, обретающей свое Я в процессе совместной деятельности и общения, в процессе сотрудничества с людьми. «Вообще психологически содержание совместной деятельности (особенно если она является подлинно коллективной) значительно богаче индивидуальной. Каждый участник этой деятельности вносит в нее свой уникальный опыт» [3, с. 237]. Таким образом, вопрос о формировании личности – это вопрос организации коллективной деятельности, а значит, и организации коллектива.

Важно отметить, что воспитательный коллектив, коллектив, в который включается на основе общественно-полезной деятельности ребенок, это всегда не только детский коллектив. Воспитание предполагает наличие взрослого, воспитателя или взрослых, воспитателей. Поэтому одной из центральных категорий при описании методики воспитания являются воспитательные отношения или отношения между воспитателями и воспитуемыми.

В данной статье мы подробнее остановимся на подходе к воспитательным отношениям внутри коллектива в рамках концепции, теории и методики организации коллективной творческой деятельности, разработанных академиком И. П. Ивановым. Ученым была создана уникальная система воспитания, кардинально отличающаяся от воспитательных систем, существующих в отечественной педагогике второй половины XX века. С точки зрения И. П. Иванова, главным условием эффективности любой воспитательной системы являлось и является соответствие целям и задачам воспитания тех отношений, которые складываются и развиваются между воспитателями и воспитанниками, а также между самими воспитателями и самими воспитанниками [2, с. 44]. Выдающимся достижением И. П. Иванова является то, что, обладая не только организаторскими, но и исследовательскими способностями, анализируя обыденную педагогическую практику, он смог увидеть наиболее эффективные пути формирования деятельного творческого коллектива и закономерности его развития, обобщить их в теории и разработать методику, позволяющую технологически четко добиваться воспроизводства творческих коллективов, действующих на реально демократических началах, создающих и реализующих социально значимые проекты в обычных школьных и внешкольных учреждениях – от детских садов до вузов [4, с. 5].

В истории воспитания возникли и развились различные типы воспитательных отношений. В классификации И. П. Иванова это авторитарные отношения, отношения «свободного воспитания», отношения чрезмерной опеки, отношения «разумной опеки» и отношения «содружества поколений» [2].

К сожалению, для нашей школы стали вполне привычными авторитарные отношения между учителями и детьми. Авторитарные отношения – это прямое выражение педагогической власти, подчинения. В таких отношениях ребенок привыкает подчиняться, у него отсутствует инициатива и творческое начало, не воспитываются волевые качества, чувство ответственности и долга. Ребенок не умеет и не хочет принимать самостоятельных решений, не верит в свои силы.

Стремление к демократизации и гуманизации воспитания часто приводит к перекосу в другую сторону: культивируется заигрывание с детьми, фанатичное следование их интересам, вкусам, желаниям, входит в моду «свободное воспитание». И. П. Иванов в своих работах отмечал, что в условиях «свободного воспитания» деятельность воспитанника неизбежно принимает эгоистический, потребительский характер, потому что воспитанник не может сам, без организующего участия старших успешно заботиться об улучшении окружающей жизни [2, с. 46].

Одним из наиболее распространенных типов воспитательных отношений в современной школе являются и отношения чрезмерной опеки. Тщательно продумывая и интересно организуя жизнь детей, такие педагоги выращают особо эгоистических потребителей – иждивенцев. Не задумываясь над тем, кем и как создаются, почему и откуда возникают в их жизни те или иные удовольствия, за что они их получают, дети привыкают получать готовое, не затрачивая усилий.

Отношения разумной опеки – «это отношения, в которых воспитатели передают готовый опыт воспитанникам, организуя для овладения им активную, творческую деятельность...» [2, с. 47].

Отношения содружества поколений – содружество старших и младших во всех сферах жизни: в играх, на прогулках, в общественной деятельности, в труде и в учебной работе. В этих отношениях воспитанники не только незаметно для себя учились у воспитателей, но и обменивались опытом, а самое главное – они вместе с воспитателями и под их руководством создавали новый опыт.

И. П. Иванов произвел революцию во взглядах на отношения между воспитателями и воспитанниками. До него всегда говорилось и писалось о двух коллективах: коллективе воспитателей и коллективе воспитанников. Он предложил не рассматривать их по отдельности, а соединить в единый воспитательный коллектив. «Единый воспитательный коллектив – это группа представителей старших и младших поколений, в котором развивается их общая гражданская забота...» [2, с. 86]. О. С. Газман, имевший огромный опыт организации работы крупнейшего детского лагеря «Орленок» по системе И. П. Иванова, отмечал: «Оказывается, педагог – это не артист, выступающий со сцены, не лектор, вещающий с кафедры, и не классный все знающий руководитель, ведущий назидательный монолог, а товарищ по борьбе, по постижению знаний и наук, по игре и творчеству, идейный не по должности, а по душе. Оказывается, самая демократическая форма общения – круг. Оказывается, бывает собрание не только детей, но и общее собрание детей и взрослых (общий сбор), где все важно для всех и где все равны, но не едины, потому что каждый ребенок – личность и имеет право на особое мнение, с которым он и уходит с собрания» [1].

Вот что пишут о своих вожатых на лагерном сборе бывшие участники Архангельского городского штаба школьников (эта общественная организация более 60 лет работает с опорой на концепцию И. П. Иванова): «Вожатый от термина «вожак», он ведущий, он организатор, авторитетный старший товарищ, но вести он должен максимально незаметно, не подавляя, а побуждая инициативу снизу в правильном (необходимом обществу) направлении»; «роль вожатого на сборе – быть старшим другом и товарищем школьникам; психологическая помощь детям в разных ситуациях»; «увидеть талант в каждом, поддержать и помочь поверить в свои силы»; «вести за собой, показывать образцы проявлений наилучших человеческих качеств»; «вожатый рядом, а не над; такой же, как ты, но более мудрый и опытный»; «быть ВМЕСТЕ с участниками и благодаря этому быть примером для них и реализовывать одну из важнейших потребностей подростков – общение с товарищами (особенно старшими)»; «стать для участников плечом, опорой, старшим товарищем»; «вожатых отделяет только опыт, и задача его передать, объяснить, но не навязать – чтобы у каждого этот опыт был свой» [5].

В таких коллективах и у воспитателей, и у детей одна общая цель – забота об улучшении окружающей жизни, а значит, и один коллектив. И этот коллектив не готовит ребят к будущей жизни, а уже сегодня помогает им жить интересно и полезно, вовлекая их в совместную творческую деятельность по преобразованию, улучшению мира здесь и сейчас, своими умами, своими делами. И в этой деятельности происходит развитие личности и младших, и старших. Отношения содружества поколений удовлетворяют потребность детей в старшем друге, в понимании и равноправном принятии себя со стороны взрослого мира.

Интересно отметить, что сегодня большинство специалистов в области управления считают наиболее эффективным и перспективным такой стиль работы, при котором цели или миссия организации не просто разделяются сотрудниками на всех уровнях, а в полной мере согласуются с их личными целями. В таких условиях происходит не нивелировка личности и подавление ее коллективом, а, наоборот, обеспечивается полноценное развитие личности, но лишь при соблюдении определенных условий [4]. Другими словами, ориентация в отношениях между ведущими и ведомыми на совместную деятельность, на совместный выбор и целей и смыслов этой деятельности, согласование общей цели с личными целями, уважение в этих отношениях личности каждого участника деятельности показывают свою эффективность далеко за пределами психологии воспитания и педагогики.

Таким образом, воспитательные отношения как отношения между воспитателем и воспитуемыми являются одним из важнейших факторов, влияющих на формирование воспитательного коллектива и личности ребенка в этом коллективе. Отношения содружества поколений, реализуемые в воспитательной системе И. П. Иванова, способствуют успешному формированию жизненных смыслов ребенка, ситуации постоянного взаимодействия с позитивно воспринимаемым взрослым, способствуют накоплению знаний, опыта, отношений, ценностей, смыслов, что ведет к самоопределению ребенка.

Библиографический список

1. Газман, О. С. Проблемы развития коммунарской методики / О. С. Газман. – Москва, 1989. – Текст : непосредственный.
2. Иванов, И. П. Созидание: теория и методика воспитания / И. П. Иванов. – Санкт-Петербург, 2003. – 504 с. – Текст : непосредственный.
3. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – Москва : Наука, 1984. – 445 с. – Текст : непосредственный.
4. Ситников, В. Л. Творцы теории и практики реальной социальной педагогики / В. Л. Ситников. – Текст : непосредственный // Социальная педагогика. – 2021. – № 2. – С. 5–8.
5. Штаб в моей судьбе: ответы на открытые вопросы (к 60-летию АГШШ им. А. П. Гайдара) / составитель Е. А. Васина. – Архангельск, 2021. – 52 с. – Текст : непосредственный.

Семенов В. Ю.

Основные характеристики социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков

Ключевые слова: *социоэмоциональный интеллект, рефлексия, социометрический статус, управление эмоциями, понимание эмоций.*

В статье рассматриваются особенности социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков. Приводятся половые и возрастные различия в аспектах понимания себя и окружающих, в управлении своими и чужими эмоциями. Обозначены связи социоэмоционального интеллекта с социометрическим статусом обучающегося в классе.

Характеристики социоэмоционального интеллекта как способности понимать когнитивные, эмоциональные, мотивационные и интенциональные аспекты собственного поведения и поведения окружающих в процессе актуального взаимодействия с ними и использовать субъективные знания об этих аспектах для выбора эффективных стратегий решения социальных проблем [4] зависят от возраста, пола, особенностей воспитания, опыта общения и социализации человека. Начиная с самых ранних стадий постэмбрионального периода ребенок в соответствии с его когнитивным развитием уже способен отражать и интерпретировать поведение окружающих.

Периоды среднего детства и подросткового возраста связаны со стремительным развитием социального познания. Так, важным новообразованием младшего школьного возраста является рефлексия, которая позволяет разумно и объективно анализировать свои суждения и поступки с точки зрения их соответствия замыслу и условиям деятельности. Благодаря этому качеству ребенок становится способным как бы со стороны рассматривать и оценивать собственные мысли и действия [2]. В младшем школьном возрасте, по словам Л. А. Ригуш, ребенок ориентируется не только на имевшие место в личном опыте наблюдения, но и на нравственные правила, требования окружающих. Такие нормы и требования становятся эталоном для самоконтроля. Важно подчерк-

нать, что младшие школьники в основном ориентированы на оценки взрослых, а подростки все больше прислушиваются к тому, что думают про них сверстники. Именно поэтому у подростков формируется способность к прогнозированию оценок своей личности одноклассниками [3].

Кроме того, Л. Вэстад, Е. Бру, Т. Виртанен, П. Сталлард, проводя исследование с участием норвежских восьмиклассников, установили: высокий уровень развития навыков межличностного взаимодействия, эмоционального саморегулирования, а также способности этих подростков к планированию и организации своей учебной деятельности в школе и дома положительно сказываются на снижении риска дистресса. Ученые также показали, что указанные социально-эмоциональные компетенции повышают уверенность обучающихся в своих возможностях в вопросе академической успеваемости [5].

В нашем первом исследовании было показано, что для младших школьников мужского пола 9–11-летнего возраста существуют связи между социальными знаниями и социометрическим статусом. Также были обнаружены положительные корреляции между прогнозированием поведения и социометрическим статусом у девочек-подростков 12–16 лет.

Нами были получены данные, согласно которым девочки лучше мальчиков понимают свои эмоциональные состояния на всех этапах младшего школьного и подросткового возраста. Для управления своими эмоциональными состояниями и социальной чувствительностью существуют различия по полу, отличающиеся неустойчивой возрастной динамикой. Девочки 7–8 лет значительно превосходят ровесников мужского пола по показателям управления своими эмоциями. В предпубертатный период (9–11 лет) обучающиеся обоих полов не различаются по средним значениям в управлении своими эмоциями. В период с 12–13 до 14–16 лет наблюдается повышение степени выраженности данного компонента с незначительными половыми различиями. Школьники 9–11 лет в сравнении с детьми 7–8 лет гораздо лучше понимают эмоциональные состояния у себя и окружающих, у них расширяется набор социальных знаний, они проявляют большую способность к распознаванию некоторых причинно-следственных связей в поведении окружающих. Обучающиеся 9–11 лет, девочки и мальчики, демонстрируют незначительно меньшие или большие в сравнении с младшими и старшими подростками обоих полов средние значения по этим переменным социоэмоционального интеллекта. Обнаружено, что мальчики 9–11 лет наиболее высоко оценивают свои социальные навыки в сопоставлении со всеми остальными выборками [1, 4].

В настоящем исследовании использовался опросник ЭИИ, адаптированный для респондентов младшего школьного и подросткового возраста [4] и метод социометрии. Статистически достоверные корреляции между несколькими компонентами социоэмоционального интеллекта и социометрическим статусом были выявлены только в отношении детей подросткового возраста. Результаты корреляций между умениями понимать эмоциональные состояния окружающих (МП), управлять чужими эмоциональными состояниями (МУ), понимать свои эмоциональные состояния (ВП), управлять своими эмоциональными состояни-

ями (ВУ), контролировать свои невербальные проявления (ВЭ) и социометрическим статусом (СС) у обучающихся мужского пола 12–16 лет в их классе отражены в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь переменных МП, МУ, ВП, ВУ, ВЭ с социометрическим статусом (СС) обучающихся мужского пола 12–16 лет в классе

Переменные	СС
Мальчики (12–16 лет), N = 85	
МП – понимание эмоциональных состояний окружающих	0,565
	0,000
МУ – управление чужими эмоциональными состояниями	0,608
	0,011
ВП – понимание своих эмоциональных состояний	0,599
	0,008
ВУ – управление своими эмоциональными состояниями	0,672
	0,010
ВЭ – контроль своих невербальных проявлений	0,667
	0,000

Результаты корреляций переменных МП (понимание эмоциональных состояний окружающих), МУ (управление чужими эмоциональными состояниями), ВП (понимание своих эмоциональных состояний), ВУ (управление своими эмоциональными состояниями) и ВЭ (контроль своих невербальных проявлений) с социометрическим статусом (СС) у обучающихся женского пола 12–16 лет в их классе указаны в табл. 2.

Таблица 2

Взаимосвязь переменных МП, МУ, ВП, ВУ, ВЭ с социометрическим статусом (СС) обучающихся женского пола 12–16 лет в классе

Переменные	СС
Девочки (12– 16 лет), N = 92	
МП – понимание эмоциональных состояний окружающих	0,594
	0,000
МУ – управление чужими эмоциональными состояниями	0,577
	0,000
ВП – понимание своих эмоциональных состояний	0,648
	0,002
ВУ – управление своими эмоциональными состояниями	0,666
	0,011
ВЭ – контроль своих невербальных проявлений	0,582
	0,000

Таким образом, для мальчиков-подростков на высоком уровне статистической значимости были выявлены корреляции социометрического статуса и показателей МП и ВЭ. Для девочек-подростков на высоком уровне статистической значимости были получены корреляции социометрического статуса и показателей МП, МУ и ВЭ.

Полученные в текущем исследовании данные по различиям в характеристиках социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков подтвердили предыдущие результаты [4]. Так, девочки превосходили мальчиков по способности осознавать свои эмоциональные состояния в младшем школьном (девочки: $N = 78$, $M = 17,3$; мальчики: $N = 73$, $M = 13,1$) и подростковом возрасте (девочки: $N = 92$, $M = 17,7$; мальчики: $N = 85$, $M = 14,5$).

Кроме того, девочки 7–8 лет опережали ровесников мальчиков по показателям управления своими эмоциями (девочки: $N = 41$, $M = 44,2$; мальчики: $N = 39$, $M = 37,6$). В выборке обучающихся в возрасте от 9 до 16 лет обоих полов не было выявлено различий по средним значениям показателя управления своими эмоциями.

Библиографический список

1. Наследов, А. Д. Модификация шкалы социального интеллекта Tromsø для российских школьников / А. Д. Наследов, В. Ю. Семенов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2015. – Вып. 4. – С. 5–21.
2. Петровский, А. В. Возрастная и педагогическая психология : учебное пособие для студентов педагогических институтов / А. В. Петровский. – Москва : Просвещение, 1973. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Регуш, Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л. А. Регуш. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 352 с. – Текст : непосредственный.
4. Семенов, В. Ю. Возрастно-половые особенности социоэмоционального интеллекта младших школьников и подростков : дис. ... канд. псих. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 289 с. – Текст : непосредственный.
5. Vestad, L. Associations of social and emotional competencies, academic efficacy beliefs, and emotional distress among students in lower secondary school (2021) / L. Vestad, E. Bru, T. E. Virtanen, P. N. Stallard // Social Psychology of Education 24, 413–439. – URL: [https://doi.org/10/1007/s11218-021-09624-z](https://doi.org/10.1007/s11218-021-09624-z). – Текст : электронный.

Behavioural Needs of Students with Special Health

Behavioral problems are caused by the negative impact on them of traumatic situations associated with physical helplessness, isolation, frequent hospitalization and, consequently, difficult social adaptation. Behavioral problems are formed against the background of constant stressful situations that accompany the life of a person with disabilities. The lecturer should take into account all their peculiarities when communicating with students with disabilities: age-related, personal, and behavioral. It includes the following.

The first is **the problem of adaptation**. A student cannot get used to an educational institution, feels uncomfortable, has difficulties with spatial orientation, does not understand the meaning of the chosen profession, does not see prospects in the future. It is expressed in a depressed emotional state, fear of moving independently (trying to move with a group of students), low professional motivation, weak academic activity, poor academic performance. Adaptation is accompanied by a significant strain on the compensatory and adaptive systems of the students' body. Constant mental and psycho-emotional stress, as well as violation of the work, rest, and nutrition regime often lead to disruption of the adaptation process and the development of a number of diseases [1].

The problem of the emotional-volitional sphere is that a student cannot manage his mood, has difficulty communicating with classmates and lecturers, cannot withstand stressful situations related to exams, answers at the blackboard, etc. It is expressed in unwillingness to have a speech, nervous excitement, excessively emotional reactions, symptoms of vegetative-vascular dystonia, pallor of the skin, panic attacks (especially during the assessment period), nervous excitability, often hysteria or aggression.

The problems of the cognitive sphere are the inability to keep attention on one subject, a small amount of memory, a slow pace of thinking. The load on one or another operating analyzer should be taken into account during teaching students with disabilities. It is expressed in frequent headaches, a small amount of memorized information, fatigue, lethargy, apathy, drowsiness, irritability, nausea. With a sufficiently preserved intelligence, such students should take long breaks from work, they need to increase the time for mastering the material, use all kinds of perception to master one topic, use pictograms, pictures, diagrams, etc.

The problems of interpersonal communication. Students with disabilities have difficulties in friendly communication with classmates, communicate with a group of the same students with disabilities, forming their own social group. The problem is expressed in the unwillingness to participate in collective projects, attend mass events, take part at conferences, defend their own work, which they successfully

do at home. Such students are embarrassed to ask again incomprehensible material, ask for help, visit the library, etc.

The problems of self-esteem. All of the above mentioned problems entail difficulties in study and academic performance, the inability to show their abilities and talents, such students have a problem with self-esteem, which entails a decrease in all educational and personal indicators. It is expressed in shyness, confusion when answering, excitement when speaking in public. Control tasks are better done independently and in writing form than oral answers.

The peculiarities of the **dialogical behavior** of students with disabilities are expressed in the difficulties of starting a conversation; the short duration of the conversation; monotony of speech expression; low emotionality; insufficient compliance with the norms of speech etiquette; weak intensity of facial expressions, gestures; lack or insufficiency of communicative friendliness; dependence on the communicative behavior of interlocutors, etc.

Personal changes may include unformed social competence; habit of undemanding, condescending attitude; inadequate ideas about their capabilities; feeling of uselessness; fear of being misunderstood and not accepted; anxiety; resentment; aggressiveness; isolation, etc. [2].

Thus, students with disabilities are more susceptible to psychological problems and need constant monitoring from the university administration, psychologist, lecturers and other specialists.

Psychological and pedagogical support is necessary for the successful inclusion of a student with disabilities in the study process, which affects all spheres of life.

The following principles of psychological and pedagogical support of the inclusive process in an educational institution can be distinguished:

- continuity;
- consistency;
- individual approach;
- ensuring a positive emotional well-being of all participants in the study process;
- interdisciplinary cooperation in a team of support specialists.

In general, psychological and pedagogical support as a process, as an integral activity of all subjects of the study process, will be determined by the following three main interrelated components:

- systematic monitoring of the psychological and pedagogical status of a student with disabilities, the dynamics of his mental development in the study process;
- creation of socio-psychological conditions for the development of the personality of each student with disabilities, the success of his studies;
- creation of special socio-psychological and study conditions to accompany and assist in the study and development of students with disabilities.

The main technologies of psychological and pedagogical support include:

- the adequate sequence and depth of presentation of program material in the context of adaptation of the study program for various categories of students with disabilities in each individual competence or subject;
- the technologies for conducting interdisciplinary consultations of specialists, which in turn contributes to setting priorities and determining the strategy of medical,

psychological and pedagogical support both at specific moments and for long periods, as well as evaluating the effectiveness of a particular support strategy;

- the technologies for identifying students with disabilities for various types of maladaptation (educational and/or behavioral);

- the technologies for assessing the characteristics and level of development of a student, identifying the causes and mechanisms (psychological, clinical and pedagogical) of his problems for the tasks of creating adequate habilitation and support;

- the technologies for assessing intra-group relationships for solving the tasks of supporting all subjects of an inclusive educational space, forming emotional acceptance and group cohesion;

- the technologies of proper correctional and developmental work with the included students and, if necessary, with other subjects of the inclusive educational space;

- the technologies of psychocorrective work with various participants of the educational process (teaching staff, specialists, students, administration) [3].

Psychological and pedagogical support includes **tutoring and coaching**.

Tutor support of students with disabilities is a necessary link in inclusive education. A tutor is a specialist who personally supports the educational activities of a student with disabilities and helps him successfully enter the educational environment. As a result of the tutor's work, a student with disabilities gets the opportunity to have a high educational level and successfully develop in society.

Tutor support at the university is designed to individualize learning; to choose a strategy for the formation of an individual educational route for each student, taking into account his requests; to create conditions for choosing an individual route of disciplines; to build the study process of students with disabilities in the context of subjectivity; to develop interactive educational technologies [4].

A coach is a motivator teacher who allows to realize that a student is a coach to himself.

The main purpose of coaching is not to teach a student but to stimulate self-learning. The task of the teacher is to show the student the need for the studied information, its validity and applicability, to teach him to find, verify and interpret the knowledge gained.

M. V. Clarin describes 2 ways of using coaching in education:

- a support of students during the study process (higher school, postgraduate education);

- a support of managerial work and organizational changes in educational institutions of all types [5].

Thus, the behavioral problems of students with disabilities require close attention and solutions, and psychological and pedagogical support is a proven need for the organization of this work at the university.

At the same time, the most optimal model is a model of support in which assistance to students with disabilities is an organic part of the general socio-psychological and pedagogical support for all students. It reduces the level of anxiety of students with disabilities associated with their fears for the results of educational activities;

improves the relationships with classmates and teaching staff, which becomes confidential, substantive. It has a positive effect on the educational activity of a student with disabilities in general.

References

1. Konovalova, M. D. Features of socio-psychological adaptation of students with disabilities in the educational environment of the university / M. D. Konovalova. – Текст : непосредственный // Psychology of learning. – 2014. – № 11. – P. 55–62.
2. Voevodina, E. V. Social portrait of people with disabilities in the student environment as a factor of social adaptation to university conditions / E. V. Voevodina. – Текст : непосредственный // Bulletin of Tomsk State University. – 2013. – № 373 (August). – P. 60–65.
3. Yandanova, T. I. The main directions of psychological and pedagogical support of students with disabilities / T. I. Yandanova. – Текст : непосредственный // Bulletin of the Moscow University. Ser. 20, Pedagogical education. – 2010. – № 3. – P. 58–65.
4. Kovaleva, T. M. Profession «tutor» / T. M. Kovaleva. – М. ; Tver : СФК-офис, 2012. – 303 p. – Текст : непосредственный.
5. Clarin, M. V. New developing practice is coaching. A new profession is a coach / M. V. Clarin. – Текст : непосредственный // Educational technologies. – 2014. – № 1. – P. 71–80.

Синельникова Е. С., Зуева Е. С.

Смыслжизненные ориентации, тревожность и враждебность в юношеском возрасте

Ключевые слова: *ситуативная тревожность, личностная тревожность, цинизм, враждебность, агрессивность.*

Нарастающая напряженность в экономической, социальной и политической сферах повышает риски для психологического благополучия студентов отечественных вузов. Студенты испытывают высокие психологические нагрузки, что может сказываться на их уровнях тревожности и враждебности. Эмоциональное неблагополучие, тревожность и враждебность могут оказать негативное влияние как на процессе обучения студентов, так и на атмосфере в студенческих коллективах. Исследуя тему тревожности глубже, можно убедиться и в том, что низкие значения тоже играют немаловажную роль и также могут сказываться на различных сферах жизни человека.

Многочисленные исследования зарубежных психологов (Ч. Д. Спилберг, К. Хорни, У. Кук, Д. Медлей), а также последующие исследования отечественных авторов (Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, А. П. Бизюк, Ю. Л. Ханин, Н. А. Аминов, Л. Собчик) подтверждают особую значимость проблемы в данной сфере, но указывают на недостаточную изученность темы тревожности и враждебного поведения.

Тревога – реакция на грозящую опасность, реальную или воображаемую, эмоциональное состояние диффузного безобъектного страха, характеризующееся неопределенным ощущением угрозы (в отличие, например, от страха, кото-

рый представляет собой реакцию на вполне определенную опасность). Тревожность как свойство личности связывают со снижением работоспособности, продуктивности, проблемами в социальной адаптации [4].

Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не предрасполагают [4].

Среди причин возникновения тревоги называют и физиологические особенности (как правило, речь идет об особенностях нервной системы – повышенная чувствительность или сензитивность), и индивидуальные особенности, и взаимоотношения со сверстниками и родителями, и проблемы в школе, и многое другое. Не последнюю роль играют и взаимоотношения в семье. Но стоит упомянуть, что определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельной личности. «У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности – это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния является для него существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания» [1].

Дело в том, что тревога, как правило, не возникает сама по себе. Это сложный психофизиологический процесс, который запускает в организме комплекс таких механизмов, благодаря которым человек адаптируется к агрессивной окружающей среде. Базовая функция тревоги – это адаптация к изменениям среды, что, в свою очередь, отражается и на выживаемости всего вида.

Тревожность – это черта личности. Это состояние целесообразного подготовленного повышения внимания сенсорного и моторного напряжения в ситуации возможной опасности, обеспечивающее соответствующую реакцию на страх. В действительности это состояние определенного дискомфорта, который порой (например, в ситуации стресса) совершенно необходим. Ведь условия стресса напрямую связаны с дискомфортом. И в некоторых случаях люди сталкиваются с серьезными проблемами, не только когда подвержены слишком высокому уровню тревожности, но и в том случае, когда уровень их тревожности находится ниже «нормы». Это подтверждает также статья Ч. Д. Спилбергера, что «низкая тревожность, наоборот, требует повышения чувства ответственности и внимания к мотивам деятельности» [5]. Проблему низкой тревожности поднимают и в исследовании Иркутского государственного университета: «Низкий уровень ситуативной тревоги означает недостаточную актуализацию потребностей студентов в данный момент в связи с невысокой значимостью для человека происходящего, ситуация воспринимается как преодолимая и не представляет никакой угрозы для студентов» [3]. Не обошел стороной эту тему и Южный федеральный университет: «Полное отсутствие ситуативной тревожности (низкий уровень), выявленное у 53,3 % подростков в октябре, 41,6 % – в феврале и 38 % – в апреле, указывает на слабую мотивацию к разным видам деятельности, снижение чувства ответственности, безразличие к трудностям, безответственное отношение к поставленным целям и снижает эффективность деятельности данного контингента учащихся, препятствует нормальной адаптации» [2].

Еще К. Хорни, поднимая тему невротической личности и погружаясь глубже в размышления о базальной тревоге, обнаружила прямую связь между тревожностью и враждебностью. Такие же выводы удалось сделать благодаря исследованию на эту тему. Результаты исследования будут представлены ниже.

К. Изард определяет враждебность как комплексную аффективно-когнитивную черту или ориентацию личности. Враждебность имеет переживательные и экспрессивные компоненты, главными из которых являются гнев, отвращение и презрение, но не включает в себя вербальные или физические действия. Таким образом, он отделяет враждебность от агрессии. И в то же время пишет, что «поскольку враждебность отражает негативные эмоции (например, посредством гневной экспрессии), она может причинить вред тому, на кого она направлена, но этот вред бывает преимущественно психологическим». Кук и Медлей считали, что враждебное поведение включает в себя несколько составляющих: цинизм, агрессивность и враждебность, где цинизм – склонность к пренебрежительному отношению к морально-этическим ценностям общества, агрессивность – склонность к агрессивному устранению и разрушению препятствий, преодолению всего того, что противодействует личности, а враждебность – склонность испытывать негативные эмоции по отношению к окружающим, которые могут проявляться в чувстве разочарования, раздражения, неприязни, злости, отрицательных оценках их личностных качеств.

Целью эмпирического исследования стало определение и описание уровня тревожности в юношеской среде и структуры агрессивного поведения. В исследовании приняли участие 84 респондента. В нашем исследовании использовались методики Кука – Медлей «Шкала враждебности» и «Интегративный тест тревожности» Спилберга. Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между тревожностью и агрессивностью.

Результаты методики «Интегративный тест тревожности» (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев) представлены на рис. 1. По субшкале «Ситуативная тревожность» удалось получить следующие показатели: 6 % получили результат «высокий», 42 % – «средний», 52 % – «низкий». Большая часть студентов транспортного вуза набрали низкие показатели по субшкале «Ситуативная тревожность», что может свидетельствовать о слабой мотивации к разным видам деятельности, низком уровне ответственности, безразличии к трудностям и пренебрежении к поставленным целям. Определенный уровень тревоги и тревожности необходим каждому здоровому человеку, чтобы социальная адаптация сохранялась. Если отсутствует тревога как эмоциональная реакция, то данная личность склонна не чувствовать личностные границы окружающих и социальные границы в межличностном отношении, склонна к нонконформизму, к неспособности научиться на своем негативном опыте. В этом случае ставится вопрос о расстройстве личности с нарушением социальной адаптации, отсутствие чувства иерархии и субординации.

По результатам методики «Шкала враждебности» Кука – Медлей были выявлены следующие показатели (рис. 2): по субшкале «Цинизм» 8 % получили значение «низкое», 57 % – «средне-низкое», 33 % – «средне-высокое», 2 % –

«Высокое»; по субшкале «Враждебность» 5 % получили значение «низкое», 64 % – «средне-низкое», 31 % – «средне-высокое»; по субшкале «Агрессивность» 44 % получили значение «средне-низкое», 54 % – «средне-высокое», 2 % – «высокое». Результаты свидетельствуют, что для студентов транспортного вуза не характерны склонности к цинизму и враждебности, так как большая часть студентов набрали средне-низкие значения. По субшкале «Агрессивность» большинство респондентов получили значения средние с тенденцией к высокому, которому соответствуют умеренные адаптационные возможности. Такой показатель говорит о наличии у юношей и девушек деструктивных тенденций в основном в области субъектно-субъектных отношений, что позволяет им быть активными, настойчивыми, иногда конфликтными, доминантными, добиваться поставленных целей.

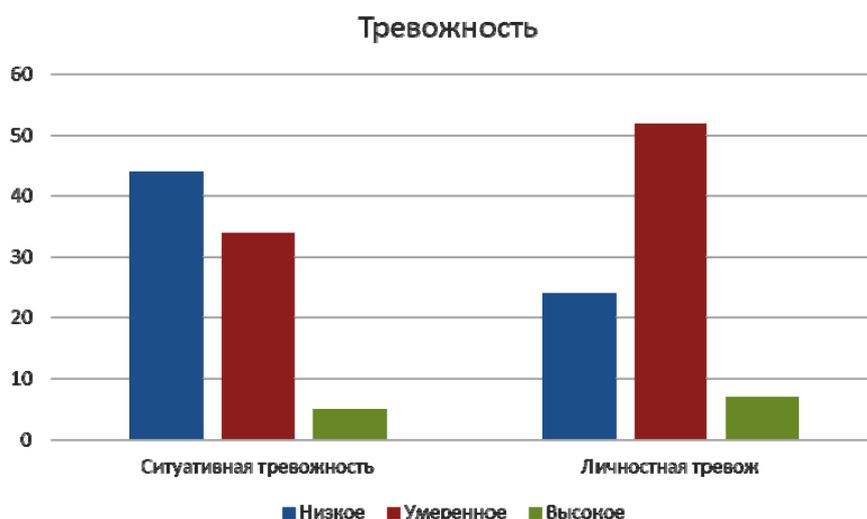

Рис. 1. Интегративный тест тревожности (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев)

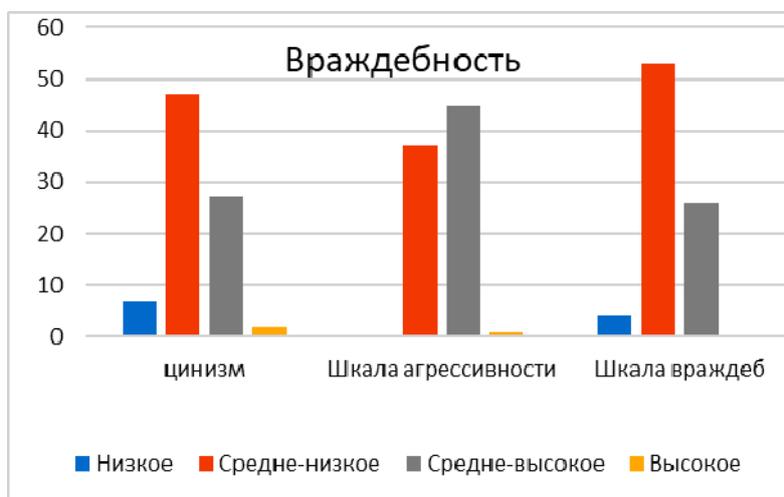

Рис. 2. Результаты исследования по шкале враждебности Кука – Медлей

Для выявления взаимосвязей по показателям был проведен корреляционный анализ Пирсона. На рис. 3 представлена корреляционная плеяда.

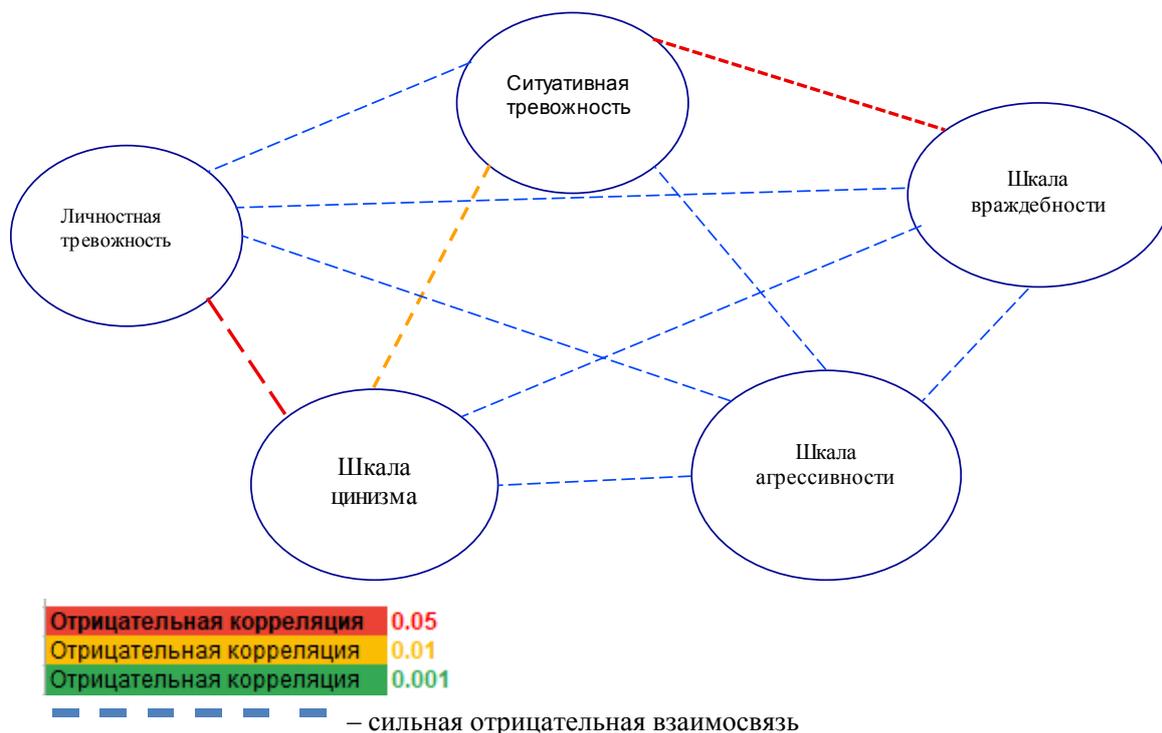

Рис. 3. Результаты корреляционного анализа по методикам «Шкала враждебности Кука – Медлей, CMHS» и по «Интегративный тест тревожности»

В ходе исследования были обнаружены прямые отрицательные связи между личностной тревожностью и цинизмом; ситуативной тревожностью и цинизмом; ситуативной тревожностью и враждебностью. Исходя из полученных данных мы можем сделать вывод о том, что чем ниже показатели тревожности, тем выше показатели цинизма, а также чем ниже ситуативная тревожность, тем выше враждебность, и наоборот.

Полученные результаты исследования можно использовать в работе студенческих органов самоуправления, при подготовке организаторов студенческих мероприятий. Отталкиваясь от полученных результатов, органы студенческого самоуправления смогут более эффективно подбирать тренинги и методики внутри своих структур. Также исходя из полученных результатов исследования можно наиболее точно подбирать темы для просветительских мероприятий студенческого психологического общества.

При средне-высоком уровне агрессивности стоит уделить внимание профилактики агрессивного поведения среди студентов: проводить тренинги по саморегуляции и релаксации, сделать упор на мероприятия по сплочению внутри студенческих коллективов. В комплексной коррекции указанных состояний важное место наряду с психотерапией должен занять и социально-психологический тренинг личностного роста и преодоления конфликтных ситуаций как наиболее адекватный способ повышения социальной компетентности личности. Так как

показатели по шкале ситуативной тревожности 53 % респондентов набрали низкие результаты, то можно сделать вывод о слабой мотивации к разным видам деятельности, сниженном чувстве ответственности, что также снижает эффективность учащихся и препятствует нормальной адаптации [2]. Исходя из этого можно сделать вывод, что стоит делать упор на методики по развитию познавательной сферы, а также на диагностику и развитие мотивационной сферы.

Библиографический список

1. Гребень, Н. Ф. Психологические тесты для профессионалов : учебно-методическое пособие / Н. Ф. Гребень. – Минск : Современная школа, 2007. – 496 с. – Текст : непосредственный.

2. Шквирина, О. И. Динамика уровня ситуативной тревожности у юных футболистов 14–15 лет в процессе адаптации / О. И. Шквирина, К. А. Минькова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-urovnya-situativnoy-i-lichnostnoy-trevozhnosti-u-yunyh-futbolistov-14-15-let-v-protssesse-adaptatsii-k-uchebno-trenirovochnoy/viewer>). – Текст : электронный.

3. Уварова, М. Ю. Исследование личностной тревожности и мотивации достижения у студентов-первокурсников / М. Ю. Уварова, Е. А. Кедярова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lichnostnoy-trevozhnosti-i-motivatsii-dostizheniya-u-studentov-pervokursnikov/viewer>. – Текст : электронный.

4. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с. – Текст : непосредственный.

5. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога. В 2 ч. Часть 1. Система работы психолога с детьми разного возраста : практическое пособие / Е. И. Рогов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2014. – 412 с. – Текст : непосредственный.

Казначеева Н. Б., Бажанова Е. В.

Совладающее поведение и личностные особенности у юношей

Ключевые слова: *копинг-стратегия, тревожность, депрессивное состояние, юношеский возраст, профессиональное обучение.*

Современное общество и быстро изменяющаяся ситуация в мире сейчас, как никогда, предъявляет людям высокие требования, а также постоянно предлагает проблемные ситуации, которые необходимо оценивать и решать. Это обуславливает развитие различных аномалий в поведении людей и развитии личности. Многие из вышеперечисленного закладываются и развиваются в подростковом и юношеском возрасте.

Термин «копинг» появился в 1962 г. в контексте исследований преодоления детьми кризисов развития Д. Мерфи и в книге Р. Лазаруса «Психологический стресс и процесс совладения с ним». Р. Лазарус под «копингом» понимал стратегию совладания поведенческих и когнитивных усилий для ослабления чувства тревожности и влияния стрессовых ситуаций. В понимании копинга определяют два направления. Первое направлено на изучение среды как факто-

ра развития личности и рассматривает способы преодоления трудностей. Второе связано с именем Р. Лазаруса, который рассматривал личностные ресурсы как часть психологии здоровья. Р. Лазарус дал описание двум основным функциям копинга [4]:

1. Фокусировка на проблеме – направлена на разрушение негативной связи человека и среды.

2. Фокусировка на эмоциях – направлена на управление эмоциональным дистрессом.

Основой для создания современной классификации стратегий поведения Р. Лазаруса была работа, в которой он вместе с С. Фолкман выделил эмоционально-направленные (или временно способствующие) и проблемно-направленные стратегии. Первые подразумевают под собой эмоциональное реагирование на ситуацию для облегчения, при этом не сопровождаясь конкретными действиями. Они содержат в себе мысли и действия, их цель – снижение психологического или физического давления стресса. Такого рода мысли и действия дают эмоциональное облегчение и улучшают самочувствие, но они никак не направлены на решение самой проблемы, т. е. человек старается не думать о проблеме, пытается вовлечь других в свои переживания, забыться во сне, отвлечься от негативных эмоций с помощью еды, алкоголя и использования прочих транквилизаторов для устранения негативного влияния. К эмоционально-направленным стратегиям относятся моральное или поведенческое дистанцирование, юмор, отрицание ситуации и избегание стрессовой ситуации. Стоит отметить, что П. Виталиано выделил три основных способа эмоционально-направленного преодоления стресса при влиянии психологических защит, а именно: избегание, предпочтительное истолкование, самообвинение.

Вторые базируются на стараниях человека усовершенствовать взаимоотношения с внешней средой при помощи изменения когнитивной оценки данной ситуации, т. е. предполагают построение плана разрешения проблемы, самостоятельный анализ случившегося и обращение к другим за помощью. Например, человек начинает искать информацию о том, как поступать и что делать, либо же он ограничивает себя от всех аффективных или резких действий [1].

Давая описательную характеристику такому состоянию, как тревожность, можно сказать, что как в бытовой, так и в научной среде она является отрицательным явлением с проявляющейся негативной окраской для окружающих.

Обычно в состоянии тревоги блокируются возбуждение, дыхание становится поверхностным и частым. Стоит отметить, что такие симптомы проявляются и в состоянии тревожности. Именно поэтому необходимо четко установить различия между тревогой и тревожностью, для этого мы обратимся к психологическому словарю. В нем говорится, что «Тревога – это переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, предчувствием грозящей опасности», а также «Тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения» [2].

Согласно Ч. Спилбергеру, выделяется два вида тревожности:

1) ситуативная – характеризуется повышенным напряжением, беспокойством, нарушением внимания, утомляемостью и истощением;

2) личностная – характеризуется склонностью воспринимать ситуации как нечто угрожающее, реагируя при этом состоянием сильной тревоги [3].

А. М. Прихожан выделила и охарактеризовала следующие виды тревожности:

– беспредметная тревожность, которую человек не в состоянии соотносить с конкретными объектами;

– тревожность как склонность к ожиданию неблагоприятного исхода в различных видах деятельности и общения.

Одни из первых попыток осмысления проблемы депрессивных состояний были предприняты К. Абрахамом и З. Фрейдом. В своем общем виде психоаналитический подход к депрессии сформулировал З. Фрейд. В своей работе «Печаль и меланхолия» он говорил, что депрессия связывается с утратой объекта либидинозной привязанности. Вся глубина этого расстройства соответствует уровню развития личности на момент утраты значимой фигуры. Самый тяжелый (шизофрения) – уровень психоза, а самый легкий («чистая» депрессия) – уровень психоневроза. Фрейд выделил несколько условий влияния на развитие меланхолии:

1. Реальная или мнимая утрата объекта либидо.

2. Перенос ненависти и гнева на собственное «Я».

3. Детская травма, разочарование в ранней утрате или в раннем объекте привязанности.

4. Объект, основанный на нарциссической основе (видение себя в других, в сочетании с сильной привязанностью к объекту).

Дальнейшее развитие психоаналитической концепции о механизмах формирования депрессивных реакций было связано с нарушениями психосексуального развития, обусловленными сепарацией с матерью. Есть предположение, что предрасположенность к страданию закладывается на оральной стадии развития младенца. Позднее Фрейд выделил механизм депрессии «неудовлетворительный катексис влечения», предполагающий собой настойчивое желание объекта и его репрезентацию в сознании как недоступного. Именно это и порождает переживание утраты – чувство душевной боли. Таким образом, желания становятся важнейшим фактором риска к депрессивным состояниям.

А. Р. Халфина, М. М. Магомедалиев, А. Р. Биктагирова проводили исследование, целью которого являлось выявление роли особенностей личности в формировании депрессивных состояний [5]. Исследование было проведено на базе Республиканского клинического психотерапевтического центра Министерства здравоохранения Республики Башкортостан. В обследовании приняли участие 100 человек, возраст которых 21–22 года, из них 50 юношей и 50 девушек. Для определения уровня депрессии использовалась шкала депрессии Бека. Для анализа индивидуально-психологических особенностей личности использовался пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» (вариант 5PFK в адаптации А. Б. Хромова). По результатам исследования было выявлено, что

юноши менее подвержены депрессии, чем девушки данного возраста. Депрессивная личность пассивна, она избегает чувства вины, проявляет склонность к соперничеству, подозрительна к низкому самоконтролю, не хочет менять себя и условия своей жизни [5].

Целью проведенного нами исследования было определение и анализ копинг-стратегий, тревожности и склонности к депрессивным состояниям у юношей. В исследовании приняли участие 50 юношей очной формы обучения в возрасте от 17 до 24 лет различных учебных заведений.

Инструментарий исследования был представлен следующими методиками:

1. Копинг-тест Р. Лазаруса, адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой.

2. Тест-опросник Ч. Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности в адаптации Ю. Л. Ханина.

3. Тест-опросник дифференциальной диагностики депрессивных состояний У. Зунге в адаптации Т. И. Балашовой.

Анализ результатов исследования показал, что у общей выборки средний уровень значений по всем показателям: личностной и ситуативной тревожности, склонности к депрессивным состояниям, копинг-стратегиям. По результатам копинг-теста Лазаруса доминирующими стратегиями являются «Планирование решения проблем», «Самоконтроль», «Принятие ответственности» и наиболее низкий показатель в данной выборке – «Бегство-избегание».

Копинг-стратегия «Планирование решения проблем» свидетельствует о том, что юноши склонны к попыткам преодоления проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Это усиливается за счет «Самоконтроля» и скрытия собственных переживаний и побуждений в связи с проблемной ситуацией. Копинг-стратегия «Принятие ответственности» указывает на склонность принятия всех своих ошибок из прошлого, к анализу и не повторению их в будущем.

Наиболее низкий показатель в данной выборке получился по копинг-стратегии «Бегство-избегание». Данная стратегия направлена на попытки преодоления человеком проблемы путем уклонения от нее: отвлечение, отрицание, неоправданные ожидания и т. д. Поскольку стратегия имеет низкий показатель, есть вероятность того, что человек сможет быстро снизить эмоциональное напряжение в ситуации стресса.

Корреляционный анализ обнаружил следующие различия. Копинг-стратегии «Дистанцирование» ($P = 0,001$) и «Бегство-избегание» ($P = 0,001$) имеют положительные связи с «Уровень депрессивных состояний». Наличие данных связей позволяет утверждать о степени выраженности предпочтения пользования данными паттернами в зависимости от показателя склонности к депрессивному расстройству. Это позволяет сделать косвенное оценочное суждение об уровне использования рационализирующих методов по отношению к стрессогену и конфликтогену в аспекте маркера, отражающего актуальное состояние челове-

ческой психики при наличии склонности к проявлению тех или иных депрессивных состояний.

Копинг-стратегии «Дистанцирование» ($P = 0,001$) и «Бегство-избегание» ($P = 0,001$) имеют положительные связи с «Уровень личностной тревожности». Присутствие данных связей дает основание для утверждения о том, что использование вышеуказанных копинг-стратегий приводит к повышению уровня личностной тревожности у человека, но это требует дополнительного исследования и уточнения. Также можно сделать предположение, что косвенно на это влияет не исследуемый в данной работе такой признак, как локус контроля «Я», т. е. готовность человека нести ответственность за свои действия.

«Планирование решения проблем» имеет отрицательные связи с «Уровень личностной тревожности» ($P = 0,001$) и «Уровень склонности к депрессивным состояниям» ($P = 0,001$). Наличие данных связей позволяет утверждать о том, что при использовании этой копинг-стратегии можно наблюдать положительное изменение уровня личностной тревожности с сопутствующим показателем склонности к депрессивным состояниям. Это указывает на наличие осознанных механизмов совладания с самим собой и проблемной ситуацией.

При этом между «Уровень личностной тревожности» и «Уровень склонности к депрессивным состояниям» имеется положительная связь ($P = 0,001$). Данную взаимосвязь можно интерпретировать следующим образом: проблемные и негативные события являются одним из источников стратегий поведения, не направленных на их разрешение, с сопутствующим снижением у человека способов адекватного реагирования и восприятия окружающей ситуации.

«Уровень склонности к депрессивным состояниям» имеет отрицательную связь с «Положительная переоценка» ($P = 0,001$). Наличие данной связи позволяет утверждать о том, что сформированы личностные представления структуры «Я» как самостоятельной и независимой, подразумевающей наличие понимания управления собственными ресурсами при преодолении проблемной ситуации.

«Уровень склонности к депрессивным состояниям» имеет отрицательную связь с «Самоконтроль» ($P = 0,001$). Наличие данной связи позволяет сделать предположение о том, что использование этой копинг-стратегии может привести к снижению вероятности возникновения депрессивных состояний. Это выражается тем, что человек более рационально и безэмоционально подходит к преодолению проблемной ситуации за счет самообладания.

«Уровень склонности к депрессивным состояниям» имеет отрицательную связь с «Поиск социальной поддержки» ($P = 0,01$). Наличие данной связи позволяет характеризовать человека как готового и открытого к принятию помощи от других людей, что снижает риски проявлений депрессивных состояний у него, так как происходит их предупреждение на начальных этапах.

«Уровень ситуативной тревожности» имеет положительную связь с «Бегство-избегание» ($P = 0,01$). Наличие данной связи позволяет утверждать то, что субъективно сильно переживаемые человеком эмоциональные состояния приводят к отрешению от мира, нежеланию взаимодействовать с внешним окружением и проработке личных проблем как способу «закрыться» от происходящего.

Полученные результаты позволяют характеризовать юношей как обладающих средневыраженной личностной и ситуативной тревожностью и склонных к увеличению проявлений депрессивного характера. При этом юноши готовы к активному разрешению проблем и сложных жизненных ситуаций посредством таких копинг-стратегий, как положительная переоценка, самоконтроль, планирование решения проблем.

Библиографический список

1. Есетова, Е. А. Особенности эмоционально-направленных копинг-стратегий / Е. А. Есетова, М. В. Мун. – Текст : непосредственный // Научный журнал. – 2020. – С. 47–48.
2. Зинченко, В. П. Большой психологический словарь / В. П. Зинченко. – 4-е изд. – Москва : АСТ, 2008. – 409 с. – Текст : непосредственный.
3. Казначеева, Н. Б. Особенности тревожности и выбор копинг-стратегий у юношей и девушек / Н. Б. Казначеева, Е. В. Бажанова. – Текст : непосредственный // Карминские чтения. Актуальные проблемы философии, культурологии, психологии, конфликтологии, права и образования : материалы V Национальной с международным участием научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2020 года. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2021. – С. 114–117.
4. Кочуров, М. Г. Связь копинг-стратегий с локусом контроля / М. Г. Кочуров. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – С. 40–41.
5. Халфина, А. Р. Роль индивидуальных особенностей личности в формировании депрессивных состояний / А. Р. Халфина, М. М. Магомедалиев, А. Р. Биктагирова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – 319 с.

Яценко Е. Ф., Вольнянская И. А.

Связи внутриличностной конфликтности, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт студентов и студенток транспортного вуза

Ключевые слова: *внутриличностный конфликт, совладающее поведение, эмоциональная устойчивость, ценностные ориентации, девушки, юноши, корреляционный анализ.*

В статье представлен анализ связей внутриличностной конфликтности, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт юношей и девушек, обучающихся в транспортном вузе. Были выявлены как общие связи между исследуемыми конструктами у юношей и девушек, так и различные. К общим связям относится прямая связь открытости с непрямыми действиями, что позволяет говорить о юношах и девушках как о людях, стремящихся к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими посредством использования манипулятивных техник. Красоту природы и искусства свойственно понимать невротичным юношам, как и к творчеству больше склонны импульсивные юноши, в конфликтных ситуациях юноши используют манипулятивные действия, что придает им уверенности, чем более осторожно они себя ведут, тем меньше у них внутриличностная конфликтность. Девушки в

общении используют конструктивные стратегии поведения, умеют договариваться, негативные эмоциональные состояния связаны у них с агрессивностью, свобода дает им уравновешенность, а познание нового связано с внутриличностным конфликтом.

Проблема исследования психического здоровья, эмоциональной устойчивости, внутриличностных конфликтов и способов совладания со стрессовыми ситуациями не теряет своей актуальности в современной психологической науке уже довольно продолжительное время, хотя большее внимание все-таки уделяется межличностным конфликтам.

В зарубежной психологии выделяют различные модели внутриличностных конфликтов: психоаналитическую, когнитивную, экзистенциальную и др., которые отличаются специфической иерархией мотивационных паттернов, при этом общим положением для всех полагают неспособность личности противостоять социокультурным воздействиям, вызывающим невротизацию, которая является эмоциональной реакцией человека на угрозу в трудной жизненной ситуации. Противоположным качеством внутриличностной конфликтности Г. Оллпорт называл зрелость личности [6], а А. Маслоу сформулировал 15 признаков психологической зрелости [3].

Е. Б. Фанталова определяет внутриличностный конфликт как вид конфликта, характеризующийся состоянием разрыва в системе «сознание-бытие», а именно разрывом между потребностью в достижении субъективно значимых ценностей и доступностью такого достижения в реальности [4, 5]. Таким образом, психологические конфликты являются результатом системной личностной реакции на невозможность разрешить жизненные противоречия, однако до сих пор не найдены формы психической активности (субъективного ядра), которые могут обеспечить разрешение внутренних конфликтов субъекта при условии, что активными предметными действиями их разрешить не удастся [1, с. 138, 2].

Целью нашего исследования стало определение связей между внутриличностным конфликтом, внутриличностной конфликтностью, ценностями, стратегиями совладающего поведения и личностными чертами будущих работников железнодорожной отрасли, юношей и девушек.

Гипотезой исследования стало предположение, что существуют различия в структуре связей внутриличностной конфликтности, внутриличностных конфликтов, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт у девушек и юношей, обучающихся в транспортном вузе.

Организация и методы исследования. Выборку исследования составили студенты 1–5-х курсов профильных направлений подготовки ПГУПС в возрасте от 18 до 25 лет очной формы обучения в количестве 65 человек, из них 45 девушек, 20 юношей, средний возраст испытуемых 20 лет.

Для исследования были отобраны следующие методики: «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова, «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой, Фрайбургский многофак-

торный личностный опросник FPI И. Фаренберга, Х. Зарга и Р. Гампела в адаптации А. А. Крылова и Т. И. Ронгинской.

Результаты и их обсуждение. С помощью корреляционного анализа Пирсона были обнаружены следующие связи между внутриличностной конфликтностью, внутриличностными конфликтами, ценностями, стратегиями преодоления стрессовых ситуаций и личностными чертами студенток транспортного вуза ($n = 45$, $p = 0,05 > 0,31$, $p = 0,01 > 0,40$) (рис. 1 и 2).

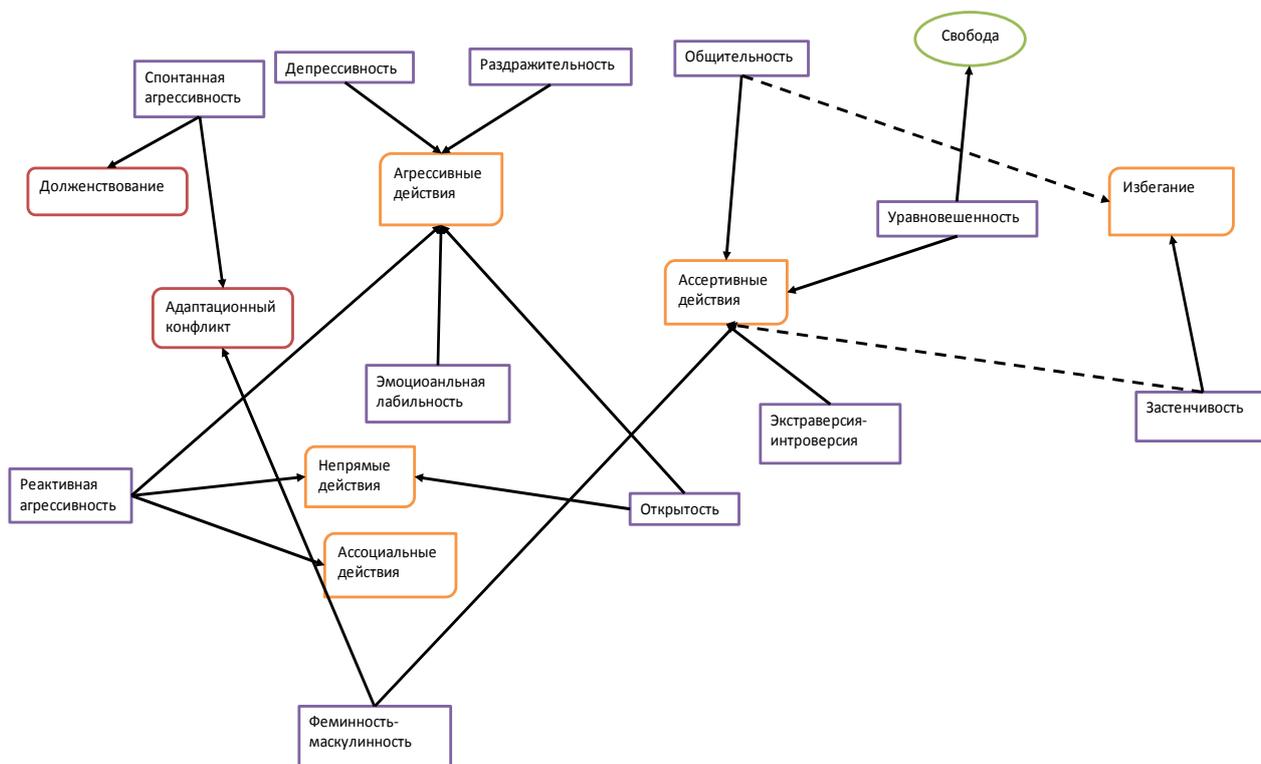

Рис. 1. Взаимосвязи шкал исследования у девушек

Примечание: овал – методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой; прямоугольник – «Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI» И. Фаренберга, Х. Зарга и Р. Гампела в адаптации А. А. Крылова, Т. И. Ронгинской; прямоугольник со скругленными углами – «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова; прямоугольник со скругленными противоположащими углами – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой

— прямая связь ($p \leq 0,01$)
 ---- обратная связь ($p \leq 0,01$)

Ассертивные действия прямо связаны со спонтанной агрессивностью ($r = 0,38$; $p < 0,05$), общительностью ($r = 0,48$; $p < 0,01$), уравновешенностью ($r = 0,41$; $p < 0,01$), экстраверсией-интроверсией ($r = 0,40$; $p < 0,01$) и маскулинностью-феминностью ($r = 0,46$; $p < 0,01$), а также обратной связью с депрессивностью ($r = -0,32$; $p < 0,05$) и застенчивостью ($r = -0,47$; $p < 0,01$): чем выше активность и последовательность в отстаивании своих интересов, открытость в заявлении своих целей и намерений и уважение интересов окружающих, тем

выше склонность к импульсивному поведению, проявления социальной активности, устойчивость к стрессу, экстравертированность личности и протекание психической деятельности преимущественно по женскому типу. Однако чем выше наличие тревожности, скованности, неуверенности, ухудшение эмоционального состояния, тем ниже активность и последовательность отстаивания своих интересов, открытость и уважение интересов окружающих.

Рис. 2. Взаимосвязи шкал исследования у девушек

Примечание: овал – методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой; прямоугольник – «Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI» И. Фаренберга, Х. Зарга и Р. Гампела в адаптации А. А. Крылова, Т. И. Ронгинской; прямоугольник со скругленными углами – «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова; прямоугольник со скругленными противоположными углами – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой.

— прямая связь ($p \leq 0,01$)

Избегание обратно связано с общительностью ($r = -0,42$; $p < 0,01$) и прямо связано с застенчивостью ($r = 0,42$; $p < 0,01$): чем выше избегание решительных действий, требующих большой напряженности и ответственности за последствия, стремление отдалиться от конфликтной ситуации, откладывание решений возникшей проблемы, тем выше предрасположенность к стрессовому реагированию, наличие тревожности, скованности и неуверенности и тем ниже выражение потребности в общении и постоянная готовность к удовлетворению этой потребности.

Непрямые действия связаны прямой связью со спонтанной агрессивностью ($r = 0,38$; $p < 0,05$), депрессивностью ($r = 0,38$; $p < 0,05$), раздражительностью ($r = 0,36$; $p < 0,05$), реактивной агрессивностью ($r = 0,54$; $p < 0,01$) и открытостью ($r = 0,59$; $p < 0,01$): чем выше преднамеренные и скрытые побуждения другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, тем выше предпосылки для импульсивного по-

ведения, отмечается сниженный фон настроения, плохая саморегуляция психических состояний, снижение духовных интересов, стремления к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми при высоком уровне самокритичности.

Асоциальные действия прямо связаны со спонтанной агрессивностью ($r = 0,39$; $p < 0,05$), раздражительностью ($r = 0,32$; $p < 0,05$), реактивной агрессивностью ($r = 0,55$; $p < 0,01$), открытостью ($r = 0,33$; $p < 0,05$), экстраверсией-интроверсией ($r = 0,33$; $p < 0,05$) и маскулинностью-феминностью ($r = 0,37$; $p < 0,05$): чем выше у девушек асоциальные действия, которые характеризуются тенденцией выходить за социально допустимые рамки и ограничения, эгоцентризм и стремление к удовлетворению собственных желаний, не считаясь с обстоятельствами и интересами других людей, тем выше отсутствие социальной конформности, умеренный самоконтроль и импульсивность, а также высокий уровень контроля за действиями, высокий уровень волевых усилий, концентрации, собранности, эгоизм и себялюбие, стремление к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими, стремление к общественному признанию, лидерству, смелости, предприимчивости и стремления к самоутверждению.

Агрессивные действия связаны прямой связью с депрессивностью ($r = 0,43$; $p < 0,01$), раздражительностью ($r = 0,73$; $p < 0,01$), реактивной агрессивностью ($r = 0,40$; $p < 0,01$) и открытостью ($r = 0,40$; $p < 0,01$): чем выше у девушек негативные чувства при неудачах и конфликтах с другими людьми, обвинения окружающих в чем-либо, чувство гнева, раздражения, внутренней напряженности, разочарования, неудовлетворенности, тем выше погруженность в собственные переживания, отчужденность, скованность, демонстрация враждебности по отношению к окружающим лицам, тяга к наслаждениям и острым ощущениям и стремление к социальному взаимодействию с окружением при высоком уровне самокритичности.

Свобода связана прямыми связями со спонтанной агрессивностью ($r = 0,34$; $p < 0,05$) и уравновешенностью ($r = 0,45$; $p < 0,01$): чем выше независимость в поступках и действиях, тем выше импульсивность и отсутствие внутренней напряженности, свобода от конфликтов, удовлетворенность собой и своими успехами.

Адаптационный конфликт связан прямыми связями со спонтанной агрессивностью ($r = 0,47$; $p < 0,01$), реактивной агрессивностью ($r = 0,36$; $p < 0,05$) и маскулинностью-феминностью ($r = 0,45$; $p < 0,01$): чем выше неспособность девушек надлежащим образом выполнять свои обязанности, тем выше недостаточная социализация влечений, неумение или нежелание сдерживать или отсрочивать удовлетворение своих желаний, моральная неполноценность, отсутствие высших социальных чувств и стремления к самоутверждению, склонность к риску, к быстрым, решительным действиям без достаточного их обдумывания и обоснования.

Долженствование связано прямыми связями со спонтанной агрессивностью ($r = 0,42$; $p < 0,01$) и маскулинностью-феминностью ($r = 0,37$; $p < 0,05$): чем выше необходимость совершения какого-либо действия, тем выше уровень

смелости, предприимчивости, стремление к самоутверждению и недостаточная социализацией влечений.

Была построена корреляционная плеяда связей исследуемых психологических конструкторов у девушек (см. рис. 1).

Материально-обеспеченная жизнь связана обратной связью с поиском социальной поддержки ($r = -0,37$; $p < 0,05$) и прямыми связями с непрямыми действиями ($r = 0,45$; $p < 0,01$) и асоциальными действиями ($r = 0,42$; $p < 0,01$): чем выше отсутствие материальных затруднений, тем ниже стремление поделиться своими переживаниями с другими людьми, обсудить с ними ситуацию, найти у них сочувствие и понимание и выше принятие решений и выполнение действий, необходимых для достижения своих собственных целей, а также агрессивные действия, направленные на других людей.

Познание (доступность) связано прямой связью с осторожными действиями ($r = 0,51$; $p < 0,01$): чем выше потребность в возможности расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие, тем выше склонность к длительному обдумыванию и тщательному взвешиванию всех возможных вариантов решений, стремление избегать риска, ничего не принимать на веру, долго готовиться в трудных ситуациях, прежде чем действовать.

Конфликт нереализованного желания связан прямыми связями с осторожными действиями ($r = 0,35$; $p < 0,05$) и доступностью познания ($r = 0,44$; $p < 0,01$): чем выше противостояние желаний и реальности, тем выше стремление избегать риска, долгое обдумывание и потребность в расширении своего кругозора.

Для наглядного представления обнаруженных связей была построена корреляционная плеяда (см. рис. 2).

Для выявления связи между показателями внутриличностной конфликтности, внутриличностных конфликтов, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт у юношей также был проведен корреляционный анализ Пирсона ($n = 20$, $p = 0,05 > 0,45$; $p = 0,01 > 0,57$) (рис. 3).

Корреляционный анализ показал следующие взаимосвязи шкал исследования у юношей.

Непрямые действия связаны прямыми связями с уравновешенностью ($r = 0,47$; $p < 0,05$), открытостью ($r = 0,59$; $p < 0,01$), экстраверсией-интроверсией ($r = 0,48$; $p < 0,05$) и маскулинностью-феминностью ($r = 0,47$; $p < 0,05$): чем выше побуждения скрытого управления, осуществляемого юношей в его личных целях, противоречащих интересам адресата воздействия, тем выше отсутствие внутренней напряженности, свобода от конфликтов, удовлетворенность собой и своими успехами, активность, честолобивость, стремление к общественному признанию, лидерские качества, смелость, предприимчивость, стремление к самоутверждению, склонность к риску и стремление к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми.

Красота природы и искусства связана прямыми связями с невротичностью ($r = 0,64$; $p < 0,01$) и эмоциональной лабильностью ($r = 0,46$; $p < 0,05$): чем выше эстетическое восприятие, тем выше тревожность, возбудимость, быстрая истощаемость, тонкая духовная организация, чувствительность, ранимость, артистичность и художественное восприятие окружающего.

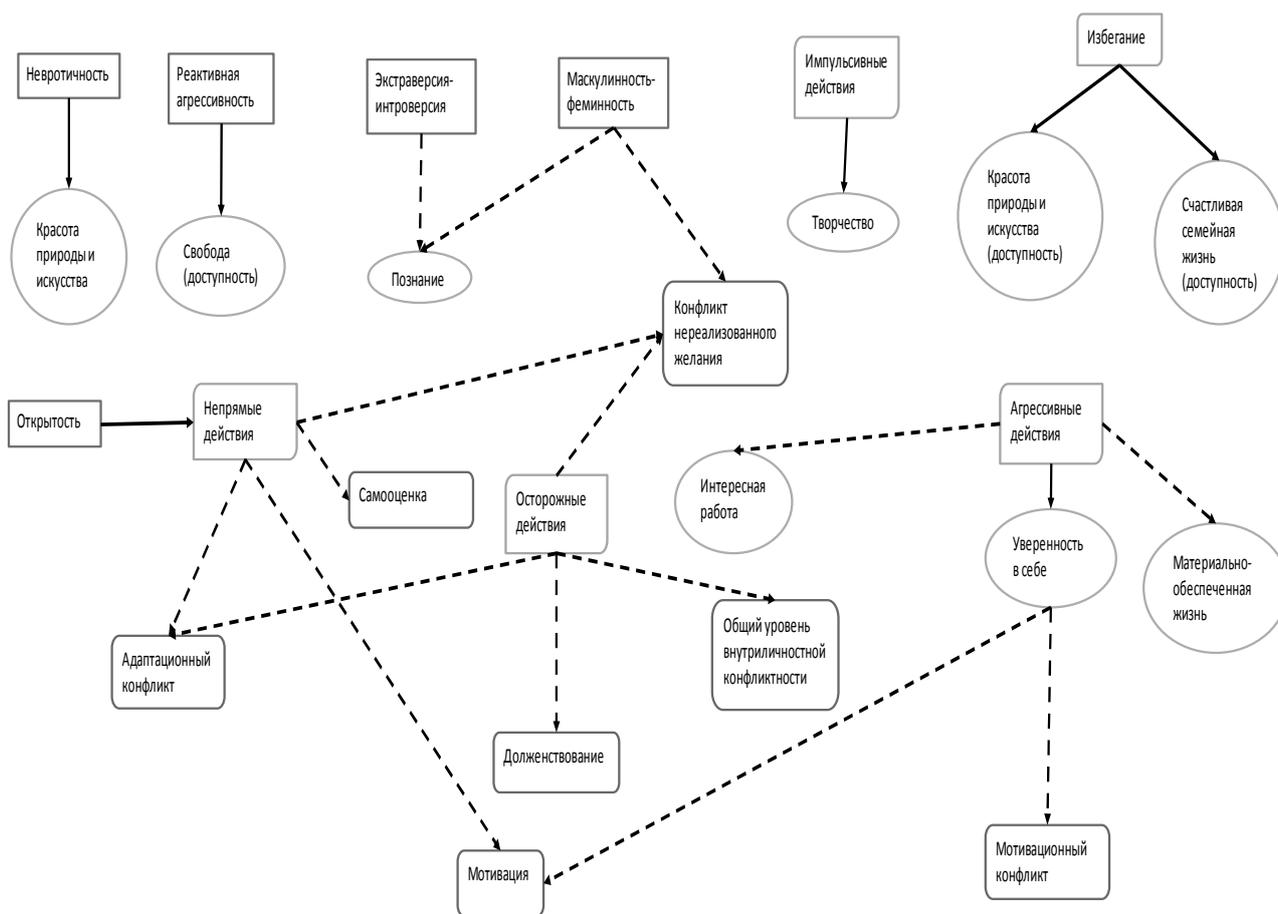

Рис. 3. Взаимосвязи шкал исследования у юношей

Примечание: овал – методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой; прямоугольник – «Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI» И. Фаренберга, Х. Зарга и Р. Гампела в адаптации А. А. Крылова, Т. И. Ронгинской; прямоугольник со скругленными углами – «Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности» А. И. Шипилова; прямоугольник со скругленными противоположными углами – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций SACS» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой.

_____ прямая связь ($p \leq 0,01$)
 - - - - - обратная связь ($p \leq 0,01$)

Познание связано обратными связями с экстраверсией-интроверсией ($r = -0,58$; $p < 0,01$) и маскулинностью-феминностью ($r = -0,60$; $p < 0,01$): чем ниже возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры и интеллектуальное развитие, тем выше чувствительность, склонность к волнениям, мягкость, уступчивость, скромность в поведении и затруднение в контактах, стремление к видам деятельности, не связанным с широким общением.

Свобода (доступность) связана прямыми связями с уравновешенностью ($r = 0,61$; $p < 0,01$) и экстраверсией-интроверсией ($r = 0,46$; $p < 0,05$): чем выше доступность независимости в поступках и действиях, тем выше отсутствие внутренней напряженности, удовлетворенность собой и своими успехами, готовность следовать нормам, требованиям и активность, отсутствие затруднений

в общении, в установлении контактов, стремление к главенствующим ролям во взаимоотношениях с окружающими.

Конфликт нереализованного желания связан обратной связью с маскулинностью-феминностью ($r = -0,57$; $p < 0,01$): чем ниже проявляется противостояние желаний и реальности, тем выше чувствительность, склонность к волнениям, мягкость, уступчивость и скромность в поведении.

Интересная работа связана обратными связями с импульсивными действиями ($r = -0,46$; $p < 0,05$) и агрессивными действиями ($r = -0,57$; $p < 0,01$): чем выше показатель интересной работы, тем ниже склонность действовать по первому побуждению под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, без предварительного обдумывания своих поступков.

Материально-обеспеченная жизнь связана обратной связью с агрессивными действиями ($r = -0,71$; $p < 0,01$): чем выше отсутствие материальных затруднений, тем ниже агрессивные действия, направленные на других людей и негативные чувства.

Уверенность в себе связана прямой связью с агрессивными действиями ($r = 0,59$; $p < 0,01$): чем выше свобода от внутренних противоречий, сомнений, тем выше тенденция испытывать негативные чувства при неудачах и конфликтах с другими людьми, обвинять окружающих в чем-либо.

Творчество связано прямой связью с импульсивными действиями ($r = 0,60$; $p < 0,01$): чем выше возможность творческой деятельности, тем выше склонность действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, без предварительного обдумывания своих поступков.

Красота природы и искусства (доступность) связана прямыми связями с осторожными действиями ($r = 0,48$; $p < 0,05$) и избеганием ($r = 0,66$; $p < 0,01$): чем выше доступность эстетической красоты, тем выше откладывание решений возникшей проблемы, мысли о чем-то другом, отвлечение на другие занятия и виды деятельности, длительное обдумывание и тщательное взвешивание всех возможных вариантов решений и стремление избегать риска.

Счастливая семейная жизнь (доступность) связана обратной связью с избеганием ($r = -0,57$; $p < 0,01$): чем выше доступность счастливой семейной жизни, тем ниже избегание решительных действий, требующих большой напряженности и ответственности за последствия и стремление отдалиться от конфликтной ситуации.

Мотивационный конфликт связан обратными связями с непрямыми действиями ($r = -0,51$; $p < 0,05$), агрессивными действиями ($r = -0,49$; $p < 0,05$) и уверенностью в себе ($r = -0,58$; $p < 0,01$): чем выше столкновение различных мотивов, тем ниже свобода от внутренних противоречий, сомнений, агрессивные действия, направленные на других людей.

Конфликт нереализованного желания связан обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,65$; $p < 0,01$) и непрямыми действиями ($r = -0,60$; $p < 0,01$): чем больше проявляется противостояние между желаемым и действительным, тем меньше проявляется стремление избегать риска, ничего не принимать на веру и использовать манипулятивные действия.

Для наглядного представления обнаруженных связей была построена корреляционная плеяда (см. рис. 3).

Адаптационный конфликт связан обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,57$; $p < 0,01$) и непрямыми действиями ($r = -0,57$; $p < 0,01$): чем больше проявляется нарушение равновесия между человеком и окружающей действительностью, тем меньше проявляется стремление избегать риска, ничего не принимать на веру и использовать манипулятивные действия.

Мотивация связана обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,56$; $p < 0,05$) и непрямыми действиями ($r = -0,57$; $p < 0,01$) и уверенностью в себе ($r = -0,58$; $p < 0,01$): чем выше побуждения индивида к совершению определенных действий, тем ниже стремление избегать риска, манипулятивные действия и свобода от внутренних противоречий.

Долженствование связано обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,63$; $p < 0,01$) и непрямыми действиями ($r = -0,56$; $p < 0,05$): чем выше необходимость того, что должно совершиться, тем ниже стремление избегать риска и манипулятивные действия.

Самооценка связана обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,56$; $p < 0,05$) и непрямыми действиями ($r = -0,63$; $p < 0,01$): чем выше ценность человека для самого себя, тем ниже стремление избегать риска и манипулятивные действия.

Общий уровень внутриличностной конфликтности связан обратными связями с осторожными действиями ($r = -0,63$; $p < 0,01$) и непрямыми действиями ($r = -0,66$; $p < 0,01$): чем выше сложность иерархии потребностей и мотивов, развитость когнитивных структур, тем ниже манипулятивные действия и стремление избегать риска.

Корреляционный анализ позволил выявить общие и различные связи между внутриличностной конфликтностью, ценностями, стратегиями преодоления стрессовых ситуаций и личностными чертами студентов и студенток транспортного вуза.

К общим связям относится прямая связь открытости с непрямыми действиями, что позволяет говорить о юношах и девушках как о людях, стремящихся к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими посредством использования манипулятивных техник.

У юношей обнаружено 83 взаимосвязи между исследуемыми психологическими конструктами, при этом обнаружены следующие специфические связи, отсутствующие у девушек: прямая связь невротичности с красотой природы и искусства, прямая связь импульсивных действий с творчеством, прямая связь конфликтности самооценки с непрямыми действиями, прямая связь конфликтности мотивации с непрямыми действиями и уверенностью в себе, прямая связь мотивационного конфликта с уверенностью в себе, обратная связь осторожных действий с общим уровнем внутриличностной конфликтности. Юноши становятся крайне тревожными и возбудимыми при столкновении с различными эстетическими проявлениями, они прибегают к манипулятивным действиям, чувствуют себя уверенными и не стремятся избегать риска.

У девушек выявлено 75 взаимосвязей между исследуемыми психологическими конструктами, при этом обнаружены следующие специфические связи, отсутствующие у юношей: общительность связана с ассертивными действиями, депрессивность, раздражительность и эмоциональная лабильность связаны прямой связью с агрессивностью, свобода связана прямой связью с уравновешенностью, доступность познания связана прямыми связями с осторожными действиями и конфликтом нереализованного желания. Девушки стараются полагаться на других людей, учитывать их мнение, ощущают себя гармонично при независимости в поступках и суждениях, однако при раздражительности и склонности к агрессивному реагированию они становятся эмоционально нестабильными, неудовлетворенными и склонными к пониженному настроению, также возможность познания нового призывает их быть более осторожными и формирует у них внутриличностный конфликт.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотеза подтвердилась: существуют различия в структуре связей внутриличностной конфликтности, внутриличностных конфликтов, ценностей, стратегий преодоления стрессовых ситуаций и личностных черт у девушек и юношей, обучающихся в транспортном вузе.

Библиографический список

1. Красильников, И. А. Внутриличностная конфликтность как диспозиция в зарубежной и отечественной психологии / И. А. Красильников. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 134–140.
2. Красильников, И. А. Внутриличностный конфликт в гуманистическом психоанализе Э. Фромма / И. А. Красильников. – Текст : электронный // Вестник ГУУ. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrilichnostnyy-konflikt-v-gumanisticheskom-psihoanalize-e-fromma> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу ; пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. – Санкт-Петербург : Евразия, 2001. – 478 с. – Текст : непосредственный.
4. Фанталова, Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта / Е. Б. Фанталова. – Самара : БАХРАХ-М, 2001. – 128 с. – Текст : непосредственный.
5. Фанталова, Е. Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов / Е. Б. Фанталова. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 107–117.
6. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург : Питер, 1997. – 608 с. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторах

Аллахвердов Виктор Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии СПбГУ, general.psychology@spbu.ru

Бажанова Елизавета Вячеславовна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, elizavetka-bazhanova@mail.ru

Бендюков Михаил Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, 9494921@bk.ru

Березовская Ирина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, ipberezovskaya@mail.ru

Бернацкий Георгий Генрихович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, gberg@yandex.ru

Богомазова Кристина Олеговна, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», г. Челябинск, bogomazovi@mail.ru

Брешковская Каринэ Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент ТГПУ им. Л.Н. Толстого, г. Тула, karine_br@mail.ru

Булыгина Татьяна Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, tatiana.bulygina@mail.ru

Бутякова Анастасия Валерьевна, аспирант Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Nastya_07777@mail.ru

Вольнянская Илона Александровна, студентка магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета, выпускница бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, feoktistova335@gmail.com

Гут Валерий Викторович, кандидат психологических наук, специалист компании Black Square Group, valeriy_gut@mail.ru

Демакова Леся Евгеньевна, психолог, специалист фирмы ProSecur GmbH, Саарбрюкен, Германия, demakow.lesya.79@gmail.com

Денисова Анастасия Витальевна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, darkanastasia@mail.ru

Доценко Евгений Леонидович, доктор психологических наук, профессор, профессор Тюменского государственного университета, dotsenko_e@bk.ru

Емельянова Анна Дмитриевна, выпускница Тюменского государственного университета, emelia3697@gmail.com

Ермакова Елена Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, e_s_ermakova@mail.ru

Зуев Тимофей Львович, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, Puzja.SAE@yandex.ru

Зуева Елизавета Сергеевна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, liza.zueva55@gmail.com

Иванов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, mvifp@mail.ru

Иванова Татьяна Владимировна, служащий МЧС, кандидат психологических наук, ivanova_tv@igps.ru

Казначеева Наталья Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, knb-v-1975@mail.ru

Карагачева Мария Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, karagache@mail.ru

Карпова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология», karпова.nastasia.1998@gmail.com

Кедич Светлана Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, kedichsi@inbox.ru

Коматина Александр Радолюбович, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, karagache@mail.ru

Кононова Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, mongust83@inbox.ru

Кузьмина Дарья Максимовна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, dlya.uchyoby@yandex.ru

Лодыгина Александра Кирилловна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, alexart800@gmail.com

Лысакова Дарья Макаровна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, lysakovadaria@yandex.ru

Мазурова Ирина Сергеевна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология», irina.1998list.ru@yandex.ru

Норкин Геннадий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), norkin_gennady@mail.ru

Оконешникова Ольга Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, okon4@mail.ru

Орлова Алена Владимировна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, orlovaalena02@gmail.com

Павлова Ангелина Азатовна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, lina.pavlova1986@mail.ru

Пазухина Светлана Вячеславовна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой «Психологии и педагогики» ТГПУ им. Л. Н. Толстого, pazuhina@mail.ru

Пархоменко Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Психология и педагогика» Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Irina_p@list.ru

Порошин Даниил Александрович, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, da561@yandex.ru

Прялухина Алла Вадимовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, prialuchina@mail.ru

Пьянкова Юлия Владимировна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, kafpsy_pgups@mail.ru

Решетняк Софья Павловна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, sofaresetnak@gmail.com

Рыльская Елена Александровна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Психологии управления и служебной деятельности» Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск, rylskaiaea@susu.ru

Семенов Владислав Юрьевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, vladislavsemenov@list.ru

Серкова Вера Анатольевна, доктор философских наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, henrypooshel@gambler.ru

Синельникова Елена Семеновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, elena.sinelni@yandex.ru

Скворцова Ксения Алексеевна, студент магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, will-2017@list.ru

Слотина Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, vladislava-97@mail.ru

Стреленко Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, strelenko@list.ru

Третьякова Валерия Олеговна, студент бакалавриата кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, tretyakovalvalerii@gmail.com

Хакманн Вильфрид Густав, профессор Университета прикладных наук Эмден-Леер, ФРГ.

Церфус Диана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, diana.cerfus@mail.ru

Чайка Елена Андреевна, студентка магистратуры кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, elenachayka07@yandex.ru

Шапиро Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры «История, философия, политология и социология» ПГУПС, zobero@yahoo.com

Щелокова Екатерина Галиуловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ПГУПС, kas_kat@mail.ru

Яценко Елена Федоровна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Прикладная психология» ПГУПС, elfed58@mail.ru

Научное издание

**КАРМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ,
КОНФЛИКТОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПРАВА И ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы
VI Национальной с международным участием
научно-практической конференции,
посвященной Анатолию Соломоновичу Кармину,
а также 40-летию создания кафедры «Прикладная психология»
17–18 ноября 2022 года, Санкт-Петербург

Под редакцией
Яценко Елены Федоровны,
Иванова Михаила Васильевича

Редактор и корректор *А. В. Новосельский*
Компьютерная верстка *М. С. Савастеева*

Подписано в печать с оригинал-макета 18.04.2023.
Объем 2,23 Мб. Тираж 15 экз.

ФГБОУ ВО ПГУПС. 190031, СПб., Московский пр., 9.